

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A7

Bershadskii, S. A
Litovskii statut..

Rd. Nov. 1936

HARVARD LAW LIBRARY

Received

ЛИТОВСКІЙ СТАТУТЪ И ПОЛЬСКІЯ КОНСТИТУЦІИ.

ИСТОРИКО - ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

С. А. ВЕРШАДСКАГО.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1893

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго
С.-Петербургскаго Университета печатать разрѣшается. 29 сентября
1893 года.

Деканъ В. Сертевичъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	I
I. Литовскій Статутъ и Литовскія конституціи въ концѣ XVIII в.	I
Значеніе подлиннаго русскаго текста Статута 1588 г. (5). — Критическая оцѣнка мнѣнія о томъ, что Литовскій Статутъ былъ изданъ на польскомъ языкѣ въ 1588 г. (6). — Контрафакція Статута, напечатанная въ 1786 г. (15).	
II. Основные принципы наслѣдованія въ В. Княжествѣ Литовскомъ	17
Значеніе терминовъ «отчизна и дедизна» (18). — Принципъ наслѣдованія до Перваго Литовскаго Статута, на основаніи грамотъ XIV—XVI вв. (19). — Терминъ «щадокъ» въ латинскомъ переводѣ 1529 г. и въ русскомъ переводѣ 1811 г. (23). — Основной принципъ Третьяго Литовскаго Статута относительно выморочности (29).	
III. Литовскій Статутъ 1588 г. и судьбы литовскаго права въ XVII и XVIII ст.	31
Характеръ Люблинской Уніи (30). — Междущарствіе по смерти Стефана Баторія. Исторія Литовской конституціи, изданной на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г. (32). — Дефектность конституціи 1588 г., напечатанной въ <i>Volumina legum</i> (39). — Утвержденіе Литовской конституціи, обсужденной и принятой на коронаціонномъ сеймѣ, особою грамотою отъ 1 февраля 1588 г. и обнародованіе ея (39). — Конституція 1588 г., напечатанная въ <i>Volumina legum</i> , дѣйствуетъ въ Польшѣ, за исключеніемъ положеній, не находящихся въ Статутѣ (41). — Общія начала примѣненія конституціи вальныхъ сеймовъ въ В. Княжествѣ Литовскомъ (43). — Воззрѣнія на этотъ вопросъ Гавловицкаго (44). — Несогласимыя противорѣчія многихъ опредѣленій польской конституціи 1588 г. и Литовскаго Статута. Противорѣчія статьи «о кадукахъ» съ 17 артикуломъ III Раздѣла, говорящемъ о выморочности (44). — Правила, данныя Статутомъ въ руководство судѣ для примѣненія законовъ (49). — Причина, по которой конституція 1588 г. «о кадукахъ» говоритъ о Коронномъ Трибуналѣ (50). — Разли-	

чіе порядка розсмотрѣнія дѣлъ о выморочности въ Польшѣ и въ Литвѣ (53).—Опредѣленіе литовскаго права о пространствѣ дѣйствія литовскихъ законовъ (55).—Статутъ 1529, 1566 и 1588.—Значеніе мѣстныхъ законовъ въ Речи Посполитой (58).—Принципы, принятыя въ *Volumina legum*, для опредѣленія того, какіе законы относятся ко всему государству и какіе—къ той или другой его части (61).—Конституція 1607 г. ничего новаго не опредѣляетъ о кадукахъ (67).—Кто туземець по Литовскому Статуту? Конституція 1778 г. касается «обывателей Польскихъ», а не Литовскихъ (68).—Значеніе оговорки, чтобы опредѣленія Статута не противорѣчили Уніи (70).—Мотивы припечатанія конституцій въ польскихъ переводахъ Статута, по объясненію автора этихъ припечатокъ Б. Гавловицкаго (71).—Отсутствіе руководящихъ принциповъ въ этой работѣ (75).—Преемники Гавловицкаго. Выдержки изъ конституцій подъ 17 артикуломъ III Раздѣла (79).—Значеніе общихъ ссылокъ на конституцію 1588 г. въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Рѣшеніе Брестскаго грѣдскаго суда отъ 7 апрѣля 1665 г. (81).—Коллизія законовъ и способы ея разрѣшенія (84).—Пожалованія выморочныхъ имѣній по безпотомнымъ. Судебное рѣшеніе 3 октября 1646 г. (87).—Мнѣнія шляхты XVII и XVIII в., относительно примѣненія въ Литвѣ Польскихъ законовъ (90).—Причины широкой раздачи привилегій на выморочныя имущества послѣ перваго раздѣла Польши (92).—Различныя основанія, по которымъ жалуются выморочныя имѣнія (93).—Счетъ родства по римской и по канонической системамъ (95).—Счетъ родства, принятый въ Литвѣ (96).—Артикулъ 22 Раздѣла V (98).—Литовскій Статутъ и Магдебургское право (99).—Счетъ родства на основаніи Саксонскаго Зеркала (100).—Терминъ «gradus» Саксонскаго Зеркала и Магдебургскаго права тождественъ съ терминомъ «поколѣніе» Литовскаго Статута и «колѣномъ» памятникѣ Московскаго права (102).—Судебное рѣшеніе 1791 г. (104).—Принятое въ немъ исчисленіе родства (105).—Истинный смыслъ конституціи «о кадукахъ» 1588 г. (106).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

- I. Литовская конституція отъ 1 февраля 1588 года 107
- II. Декретъ задворнаго ассессорскаго суда отъ 3 октября 1646 г. по дѣлу о взысканіи двор. Тизенгаузомъ съ двор. Озембловскаго 5,000 к. гр. за нарушеніе охранной грамоты 110

«Законы, особенно для какой-либо губернии или для какого-либо рода людей изданные, общим законом не отменяются, если в нем таковой отмены не постановлено».

Основные законы, ст. 79.

Весною нынѣшняго года я напечаталъ небольшое изслѣдованіе по одному изъ темныхъ вопросовъ полузабытаго Литовскаго права.

Предполагая своими читателями юристовъ, я считалъ совершенно излишнимъ останавливаться на выясненіи основныхъ юридическихъ понятій, въ родѣ того, какое различіе между закономъ и распоряженіемъ, закономъ общимъ и мѣстнымъ, законопроектомъ и закономъ и т. д.

Происходящія отсюда недомолвки были причиною того, что два почтенныхъ филолога ¹⁾ потратили много труда для опроверженія тѣхъ началъ, которыя, безъ всякой справки, признаются современными юристами, какъ признавались они юристами временъ Литовскаго Статута.

¹⁾ Не имѣя чести знать г. Рубинштейна, посвятившаго моей брошюрѣ и брошюрѣ г. Пташицкаго четыре фельетона въ Виленскомъ Вѣстникѣ за 1893 г., я причисляю его къ филологамъ, такъ какъ ни одинъ юристъ не станетъ защищать того положенія, что министры могутъ издавать законы, или доказывать, что признакомъ официальнойности изданія можно считать упоминаніе о немъ въ позднѣйшемъ правительственномъ актѣ, какъ объ изданіи несовершенномъ (В. Вѣст. № 91), такъ точно, какъ для юриста, сколько нибудь знакомаго съ 54 ар. IV Разд. Лит. Ст. 1588 г., станетъ ясно, что разрѣшая темные вопросы на основаніи общаго смысла законовъ, литовскій судья долженъ быть примѣнить и положенія «о головщинахъ», какъ дающіе отвѣтъ на переходъ имущества изъ одного рода въ другой.

Въ особенности много труда и самостоятельной работы въ архивахъ приложилъ старинный мой сослуживецъ по Метрику Литовской С. Л. Птащицкій.

Принося искреннюю благодарность моимъ оппонентамъ за оказанное мнѣ вниманіе, я позволю себѣ остаться при тѣхъ же воззрѣніяхъ, которыя были высказаны въ моемъ первомъ трудѣ.

Провѣривъ внимательно мои основныя положенія, я считаю себя обязаннымъ итти по тому же пути и поддерживать тѣ же взгляды на наслѣдованіе по Литовскому Статуту, которые давно высказаны въ этой области моими почтенными предшественниками юристами, проф. Бѣляевымъ, въ сочиненіи «О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ, до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича». М. 1857, и проф. Демченко, въ сочин. «Существо наслѣдства и призваніе къ наслѣдованію по русскому праву». Кіевъ, 1877.

I.

Русское правительство, присоединивъ отъ Польскаго государства Сѣверо-Западный и Юго-Западный Край, предоставило населенію пользованіе мѣстными законами, предписавъ, напр., въ 1772 г. ¹⁾ въ наказѣ Бюховскому и Кречетникову «Судъ и расправу производить (въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ) по ихъ законамъ и обыкновеніямъ и ихъ языкомъ».

Эту же мысль повторяютъ и всѣ остальные указы, относящіеся къ устройству новоприсоединенныхъ земель. Точно то же подтверждается и Сенатскимъ указомъ 11 сентября 1797 г. ²⁾, которымъ разъясняется, что всѣ судебныя установленія въ губерніяхъ Минской, Волынской и Подольской должны быть оставлены «на тѣхъ самыхъ правилахъ, коими суды по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ, въ статутѣ и конституціяхъ изображеннымъ, руководствовались».

Изъ этихъ и другихъ указовъ въ I Полн. Собр. Зак. очевидно, что Русское правительство въ присоединенныхъ отъ Польши странахъ оставило въ дѣйствиіи прежніе законы, не входя въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какіе именно эти законы; поэтому въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, въ границахъ его послѣ Уніи 1569 г., долженъ былъ быть примѣняемъ Литовскій Ста-

¹⁾ I П. С. З, № 13,808, отъ 28 мая 1772 г.

²⁾ I П. С. З, № 18,135.

туть 1588 г. и конституціи, простиравшіяся на Великое Княжество Литовское, — въ тѣхъ же частяхъ, которыя отошли въ 1569 г. къ Польшѣ, т.-е. въ воеводствахъ Волынскомъ, Кіевскомъ и Брацлавскомъ (приблизительно теперешній Юго-Западный Край) долженъ былъ примѣняться Статутъ 1566 г. и конституціи, отнесенныя къ этимъ, отошедшимъ въ 1569 г. отъ Литвы, землямъ.

Такія распоряженія русскаго правительства совершенно соответствовали воззрѣніямъ самихъ литовцевъ, которые, когда конституція 1776 г. поручила Андрею Замоискому составить, въ отиѣну существующихъ законовъ, кодексъ, основанный на принципахъ естественнаго права ¹⁾, устами шляхтичей Гродненскаго уѣзда въ инструкціи депутатамъ на вальный сеймъ говорятъ: «Такъ какъ Статутъ Литовскій обладаетъ достаточными основаніями для отправленія правосудія и такъ какъ трактатомъ Уній онъ признанъ основнымъ, непоколебимымъ правомъ для Великаго Княжества Литовскаго, то они уполномачиваютъ своихъ депутатовъ не соглашаться на проектъ Замоискаго, такъ какъ онъ не согласенъ съ положеніями Литовскаго Статута и съ конституціями, изданными для Великаго Княжества Литовскаго, и при введеніи его въ дѣйствіе извратятся Литовское обычное право и процессуальный порядокъ» ²⁾.

Точно также, если мы раскроемъ Литовскія конституціи конца XVIII в., напр., конституцію 1775 г. ³⁾, то увидимъ, что это признаніе Статута Литовскаго за источникъ Литовскаго права, и особыхъ Литовскихъ конституцій, въ качествѣ дополненій къ Статуту, встрѣчается на каждомъ шагѣ: такъ, напримеръ, назначая комиссію для разсмотрѣнія дѣлъ о различныхъ записяхъ, выданныхъ Терезою Саллогубъ, изъ дома Массальскихъ, конституція Великаго Княжества Литовскаго опредѣляетъ, чтобы судъ въ виду того, «что это дѣло касается только обывателей

¹⁾ Volumina legum, т. VIII, л. 875—876. Zbiór praw sądowych.

²⁾ Инструкція Гродненскихъ дворянъ, помѣщ. въ Акт. Вил. Ком., т. VII, № 32, § XI, стр. 386.

³⁾ Volumina legum, т. VIII, л. 617—831.

Литовской Провинціи, строго соблюдалъ во всемъ законы и конституціи провинціи Литовской» ¹⁾).

Также по дѣлу между Епископомъ Виленскимъ Массальскимъ и Нѣсѣловскими и друг., конституція предписываетъ суду разрѣшить вопросы согласно «законамъ и Статуту Великаго Княжества Литовскаго» ²⁾; по дѣлу Еф. Тышкевичъ, конституція предписываетъ суду руководиться «правами Великаго Княжества Литовскаго» ³⁾, по дѣлу Бонаевскихъ съ Быковскимъ, конституція предписываетъ суду «постановить рѣшеніе, согласно законамъ Статутовымъ Великаго Княжества Литовскаго и конституціямъ» ⁴⁾).

Если, такимъ образомъ, общественное сознаніе литовскаго общества XVIII в. и законодательство Речи-Посполитой, признавало за главный, коренной источникъ литовскаго права Литовскій Статутъ 1588 г. и конституціи, касающіяся Великаго Княжества Литовскаго, то совершенно понятно, что русскіе законы, оставляя за бывшими землями Великаго Княжества Литовскаго пользованіе ихъ правами, должны были признать и всѣ тѣ начала, которыя служили въ Литвѣ для признанія того или иного сборника законовъ, того или иного опредѣленія конституцій за источникъ права, дѣйствующій въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ.

Поэтому-то для разрѣшенія вопроса о томъ, какое именно изданіе Литовскаго Статута, на какомъ именно языкѣ и какого года должно быть признано за источникъ права, нельзя ограничиться простою ссылкой на то, что въ моментъ присоединенія къ Россіи земель бывшаго Великаго Княжества Литовскаго суды пользовались изданіемъ Статута 1786 г.: Земли Великаго Княжества Литовскаго послѣ 1569 г. распались; и въ то время, когда въ воеводствахъ Волынскомъ, Кіевскомъ и Брацлавскомъ примѣнялся Литовскій Статутъ 1566 г., никогда не напечатанный и дошедшій къ намъ въ безконечномъ количествѣ рукописныхъ копій, — остальные земли

¹⁾ Vol. leg., т. VIII, л. 697.

²⁾ Тамъ же, л. 702.

³⁾ Тамъ же, л. 731, тоже, л. 736, 737, 747, 797, 816.

⁴⁾ Тамъ же, л. 764.

Великаго Бняжества пользовались Статутомъ 1588 г., подлинникъ котораго, напечатанный на русскомъ языкѣ въ Вильнѣ, въ 1588 г., считался до самаго паденія Рѣчи-Посполитой единственнымъ источникомъ права, несмотря на то, что суды и стороны пользовались польскими переводами этого Статута.

А такъ какъ законъ не можетъ быть отмѣненъ обычаемъ, то употребленіе польскихъ переводовъ Статута не даетъ никакого права утверждать, что этимъ фактомъ могло быть отмѣнено дѣйствіе единственнаго текста Статута 1588 г., получившаго законодательную санкцію въ порядкѣ, опредѣленномъ законами.

Въ приложеніи къ моей брошюрѣ «О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществѣхъ по литовскому праву», Спб. 1893 г., я помѣстилъ переводъ той части труда проф. Даниловича, которая касается печатныхъ изданій Статута, поэтому я считаю излишнимъ приводить вновь подлинныя слова Даниловича о томъ, что слѣдуетъ считать оригинальнымъ изданіемъ Статута, и на какомъ языкѣ написанъ этотъ оригиналъ. Для устраненія, однако, существующихъ въ литературѣ мнѣній, будто бы уже въ 1588 г. Статутъ былъ напечатанъ по-польски, позволю себѣ еще нѣсколько словъ по этому предмету.

Уже проф. Даниловичъ указалъ, что проф. Линде въ книгѣ «О Статутѣ Литовскомъ», отвергая возможность существованія польскаго изданія 1588 г., призналъ первымъ польскимъ изданіемъ изданіе 1619 г.

Исправляя эту ошибку Линде, проф. Даниловичъ представилъ такое точное и подробное описаніе перваго польскаго изданія 1614 г., что повторять въ наше время ошибку даже проф. Линде казалось бы невозможнымъ, тѣмъ не менѣе, благодаря крайней рѣдкости первыхъ изданій Литовскаго Статута и значительной рѣдкости статьи Даниловича, можно встрѣтиться и въ настоящее время не только съ давно опровергнутымъ мнѣніемъ, что подлинникомъ Статута нужно считать небывалое польское изданіе 1588 г., но и съ другимъ, еще болѣе оригинальнымъ мнѣніемъ, будто бы единственнымъ официальнымъ изданіемъ слѣдуетъ считать изда-

ніе 1648 г., въ виду того, что Статутъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г., яко бы, не получилъ надлежащаго утвержденія, а потому русскій текстъ Статута не можетъ считаться подлинникомъ закона. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія приводятся слѣдующіе документы, а именно: Двѣ Привилегіи Короля Сигизмунда III, предшествующія изданію 1588 г. ¹⁾. Обращаясь къ этимъ документамъ, мы видимъ, что тексту Статута 1588 г., въ польскомъ его переводѣ, напечатанномъ въ 1619 г. предшествуютъ двѣ привилегіи Короля Сигизмунда: первая изъ нихъ объявляетъ объ утвержденіи Статута на коронаціонномъ сеймѣ въ Браковѣ 28 января 1588 г. (стр. 3), а другая предоставляетъ Льву Сапѣгѣ право напечатанія этого Статута 1588 г.

Въ первой привилегіи Король говоритъ слѣдующее: «Статутъ сей новоисправленный и земскими привилегіями (Мы) повелѣли печатать письмомъ русскимъ и польскимъ» ²⁾; во второй же привилегіи говорится слѣдующее: «Сему вельможному Льву Сапѣгѣ поручаемъ законы или Статуты Великаго Княжества Литовскаго позаботиться напечатать польскимъ и русскимъ шрифтомъ» ³⁾.

Изъ приведенныхъ подлинныхъ словъ обѣихъ грамотъ видно; что печатаніе Статута 1588 г. дозволялось письмомъ, т.-е. шрифтомъ русскимъ и польскимъ: о языкѣ же, на которомъ долженъ былъ быть напечатанъ Статутъ, ничего не говорится въ обѣихъ привилегіяхъ, да подобнаго рода упоминаніе было бы совершенно излишнимъ. Какъ въ современныхъ намъ государствахъ при обнародованіи законовъ обыкновенно не упоминается, на какомъ языкѣ эти законы должны быть напечатаны, языкъ самъ собою подразумевается, т.-е. языкъ того населенія, къ которому обращается законодатель, такъ точно и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI в. не было надобности упоминать, на какомъ языкѣ

¹⁾ Напечатаны на стр. 3 и 15, Польскаго перевода статута въ изданіи 1619 г.

²⁾ ... ten statut nowopoprawiony u Przywilejami Ziemijskimi piśmem Polskim y Russkim drukować... rozkazaliśmy

³⁾ Стр. 15, изд. 1619 г. Eidem Magnifico Leoni Sapieha Legum seu Statutorum Magni Ducatus Lithuaniae idiomatibus Polonico et Ruthenico typis excudendi et ni lucem edendi curam commitendi esse duximus.

долженъ былъ быть напечатанъ Статутъ: не только низшіе, но и высшіе классы говорили по-русски, какъ о томъ свидѣлствуютъ дошедшіе къ намъ акты; русское начало еще было живо и крѣпко въ Литвѣ. Не даромъ кандидатами Литовцевъ на Польско-Литовскій престолъ въ междуправствіе послѣ Генриха Валуа и Стефана Баторія, являлись Московскіе цари: Иванъ Васильевичъ Грозный, а затѣмъ и сынъ его Ѳеодоръ Ивановичъ! Но, помимо этихъ историческихъ соображеній, мы имѣемъ какъ въ конституціяхъ сеймовыхъ, такъ и въ самомъ текстѣ Статута 1588 г. несомнѣнные указанія на то, какой языкъ признавался въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ языкомъ официальнымъ, на какомъ языкѣ должны были быть издаваемы законы и совершаемы судебные и административные акты:

Такъ, Статутъ 1566 г. въ раздѣлѣ IV, арт. I, говоритъ: «Писарь земскій маєть по русску литерамы и словы рускими вси листы и позвы писати, а не инымъ языкомъ и словы».

Это же опредѣленіе повторяетъ и Статутъ 1588 г. въ томъ же самомъ раздѣлѣ и артикулѣ. Но, сверхъ этого, въ раздѣлѣ третьемъ, «О вольностяхъ шляхетскихъ и размноженіи Великаго Княжества Литовскаго», въ артикулѣ третьемъ, говорится, что постановленіе конфедераціи по смерти Стефана Баторія объ охраненіи покоя между разновѣрцами: «Съ польское конституцыи, водлугъ права каждому народу належачого, на Рускій езыкъ преложона и Рускимъ же писмомъ в сесь статутъ уписана».

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что, согласно законамъ (правамъ) Великаго Княжества Литовскаго, постановленія, имѣющія обязательную силу въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, должны быть написаны не только русскими буквами, но и русскимъ языкомъ.

Устойчивость этого принципа была настолько велика, что даже въ изданіи 1786 г., неизвѣстно кѣмъ напечатанномъ, несмотря на произвольное опущеніе извѣстнаго послѣсловія къ читателю, — все-таки въ первомъ артикулѣ четвертаго раздѣла говорится польскимъ языкомъ и литерами: «А писарь земскій долженъ по русски ли-

терами и словами русскими писать всѣ листы, выписи, позвы, а не инымъ какимъ-либо языкомъ и словами». Несомнѣнность настоящаго положенія, сверхъ всего сказаннаго выше, подтверждается еще и слѣдующими данными: До 1697 г. все судопроизводство въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ ведется на русскомъ языкѣ, равнымъ образомъ и законы приводятся въ подлежащихъ случаяхъ по-русски, несмотря на то, что экземпляры русскихъ изданій 1588 г. сдѣлались довольно рѣдкими.

Когда въ 1697 г. произошло, такъ-называемое, «Уравненіе правъ», т.-е., въ силу сеймовой конституціи, введено было въ Великомъ Княжествѣ судопроизводство на польскомъ языкѣ, то все-таки оригиналомъ Литовскаго Статута, по прежнему, остался русскій текстъ 1588 г. Извѣстное «Обращеніе къ любезному читателю»,—«А кому этотъ переводъ не нравится, тому предоставляется полная свобода обратиться къ старому русскому тексту»,—встрѣчается во всѣхъ польскихъ переводахъ Статута, т.-е., въ изданіяхъ 1614, 1619, 1648, 1693 и 1744 гг., вплоть до контрафакціи 1786 г. Единственное различіе послѣсловій состоитъ въ указаніи на то, въ который разъ происходитъ это новое изданіе перевода Статута, т.-е. «Печатаѣя настоящій статутъ во второй, въ третій, въ четвертый и т. д. разъ»...

Только съ изданія 1786 г., позволившаго себѣ игнорировать это послѣсловіе, мы не встрѣчаемся болѣе съ нимъ ни въ изданіи 1811 г., ни въ изданіи 1819 г.

Причина постояннаго повторенія этой оговорки во всѣхъ изданіяхъ, которыя печатались на основаніи королевскихъ привилегій противъ контрафакціи, весьма проста: Литовскій Статутъ былъ утвѣржденъ въ 1588 г. на коронаціонномъ сеймѣ въ качествѣ мѣстнаго закона для Великаго Княжества Литовскаго, утвержденъ согласно правамъ Великаго Княжества Литовскаго, слѣдовательно утвержденъ въ текстѣ, написанномъ русскими языкомъ и письмомъ.

Это утвержденіе текста Статута сеймовою конституціею было единственнымъ и болѣе не повторялось.

Ни одна изъ послѣдующихъ конституцій не утвердила ни польскаго перевода Статута, ни тѣхъ поправокъ къ тексту, которыя выработаны были различными комиссіями послѣ 1588 г. Поэтому, подлиннымъ текстомъ закона долженъ былъ считаться и дѣйствительно считался, какъ это видно изъ припечатанія послѣсловій ко всѣмъ польскимъ переводамъ Статута, русскій текстъ 1588 г.

Распоряженіе конституціи 1647 г., о напечатаніи вновь Статута, ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла, такъ какъ конституція эта не только не даетъ своей санкціи польскому переводу, но оставляетъ въ полной силѣ требованія Статута, чтобы всѣ дѣла въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ вершались попрежнему по-русски. Изданіе Элерта 1648 г., напечатанное въ силу этой привилегіи, есть ничто иное, какъ плохая копія изданія 1619 г., представляющая, однако, всякому желающему свободное обращеніе къ старому русскому тексту.

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что привилегіи Сигизмунда III, предшествующія тексту Статута 1588 г., не давали, да и не могли дать, (въ противность акту Люблинской Уніи и подтвердившимъ ее договорнымъ пунктамъ (*pacta conventa*) Королей Генриха, Стефана Баторія и самого Сигизмунда III) тексту Статута на польскомъ языкѣ юридической силы, равной съ русскимъ текстомъ Статута.

Подобнаго рода дозволеніе не только находилось бы въ полномъ противорѣчій съ формальными условіями, при которыхъ законъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ признавался за источникъ права, но было бы во внутреннемъ противорѣчій съ самою природою вещей. Не бывало и нѣтъ такихъ государствъ, въ которыхъ законы издавались бы для однихъ и тѣхъ же подданныхъ, живущихъ на одной той же территоріи, разомъ на двухъ языкахъ, съ предоставленіемъ желающимъ пользоваться тѣмъ или другимъ текстомъ закона, на томъ или другомъ языкѣ по своему усмотрѣнію.

Не вдаваясь въ историческія изысканія, позволимъ себѣ лишь

нѣсколько справокъ изъ исторіи нашего отечественнаго законодательства: Когда въ бывшемъ герцогствѣ Варшавскомъ былъ введенъ въ дѣйствіе переводъ кодекса Наполеона на польскій языкъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ переводъ получилъ силу обязательнаго officialнаго текста, и стороны не могли уже болѣе ссылаться въ судахъ ни на французскій оригиналъ, ни на неофициальный переводъ, сдѣланный по распоряженію министра юстиціи. Равнымъ образомъ, когда этотъ кодексъ былъ переведенъ на русскій языкъ, то съ момента утвержденія этого перевода, старый польскій текстъ потерялъ всякое юридическое значеніе: на смѣну его вступилъ русскій текстъ. Каждый изъ этихъ переводовъ, первоначально польскій, а въ настоящее время русскій, требовалъ и требуетъ безусловнаго подчиненія своему тексту, не допуская и мысли о томъ, чтобы лица, заинтересованныя въ осуществленіи своихъ правъ, могли бы въ томъ случаѣ, когда имъ не нравится переводъ, обращаться къ первоначальному французскому тексту, а судъ былъ бы обязанъ уважить такое желаніе ¹⁾).

Точно также и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ съ 1863 года законы печатаются на шведскомъ и на русскомъ языкахъ ²⁾; однако во всѣхъ судахъ примѣняется только шведскій текстъ и сторонамъ не предоставлено права выбирать по своему желанію тотъ или другой текстъ.

Между тѣмъ всѣ польскіе переводы предоставляютъ сторонамъ обращаться къ первоначальному русскому тексту Статута 1588 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, обязываютъ судъ, если ему будетъ представленъ первоначальный русскій текстъ, руководствоваться именно этимъ текстомъ при разрѣшеніи дѣла.

Тотъ фактъ, что по причинѣ рѣдкости русскаго текста и въ силу все большаго и большаго распространенія польскаго языка въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ обыкновенно стороны и судъ пользовались польскимъ переводомъ, а послѣ 1696 г. и цитируютъ текстъ Статута по-польски, ничуть не измѣняетъ самаго существа

¹⁾ Дн. Зак. Гр. В., Т. II, стр. 84.

²⁾ Высоч. ука. отъ 1859 г. нояб. 28. Сбор. Пост. Фин. Т. XVII, стр. 720.

дѣла: Никакой иной текстъ Статута 1588 г., кромѣ русскаго текста, напечатаннаго Мамоничемъ, никогда не получалъ законодательной санкціи, а потому не могъ и не можетъ быть признаваемъ за текстъ закона, за источникъ права въ техническомъ смыслѣ.

Никакой обычай не можетъ самъ собою отиѣнить закона: Законъ есть норма, отиѣняемая только тою же самою властію, которая его создала. —

Существовала довольно долго странная мысль, будто въ 1588 г., одновременно съ русскимъ текстомъ, былъ изданъ и польскій текстъ Литовскаго Статута.

Какъ это ни покажется невѣроятнымъ, но единственнымъ основаніемъ подобному мнѣнію послужили заглавные листы польскихъ переводовъ Статута 1619, 1648 и 1786 гг. — Уже проф. Даниловичъ указалъ на всю неосновательность такого мнѣнія; въ подтвержденіе же его словъ, я, съ своей стороны, ограничусь лишь тѣмъ, что изъ сравненія этихъ заголовковъ между собою постараюсь указать, какимъ образомъ мало-по-малу затемнялся, не подлежащій сомнѣнію, смыслъ заглавнаго листа польскаго изданія 1619 г. Заглавный листъ изданія 1619 г. читается въ русскомъ переводѣ такъ: «Статутъ Великаго Княжества Литовскаго отъ Августѣйшаго Государя, Е. В., короля Сигизмунда III, на коронаціи въ Краковѣ въ 1588 г. изданный. А нынѣ вторично напечатанный на польскомъ языкѣ, съ указаніемъ, въ чемъ Статуты Королевства Польскаго со Статутомъ Великаго Княжества Литовскаго согласны и въ чемъ различны: текста самого Статута ни въ чемъ не отиѣняя, что все при артикулахъ этого Статута приложено на поляхъ. Съ разрѣшенія и привилегіи Е. К. В., въ Вильнѣ, въ типографіи Леона Мамонича, типографа Е. К. М. — Лѣта Божія 1619»¹⁾.

¹⁾ Statut Wielkiego Xięstwa Litewskiego Od Naiasnieyszego Hospodara Krola J. M. Zygmunta III Na Koronacyey w Krakowie Roku 1588 wydany A teraz po drugi raz Polskim ięzykiem do Druku podany, s pokazaniem w czym Státutá Korony Polskiej z Státutem W. X. L. są zgodne, w czym zaś są rozne. Samego Statutu, ni w czym nie odmieniając, Przy Artykułach tego Státutu ná brzegach iest położono. Cum Gratia et Privilegio S. R. M. W Wilnie. W drukarni Leona Mamonicza, Krola J. M. Typographa Roku Pańskiego 1619.

Разсматривая внимательно этот текст, мы не видимъ, чтобы въ немъ заключалось какое-либо указаніе на то, что въ 1588 г. въ Краковѣ былъ изданъ, обнародованъ или напечатанъ Литовскій Статутъ на польскомъ языкѣ. На основаніи точнаго, буквального смысла текста, мы въ правѣ только утверждать, что Король Сигизмундъ III издалъ въ 1588 г. Литовскій Статутъ, и только. — Что же касается вопроса о напечатаніи текста Статута на польскомъ языкѣ, то изъ заглавнаго листа изданія 1619 г. мы видимъ, что этотъ текстъ печатается по-польски вторично, — но когда Статутъ былъ напечатанъ впервые по-польски, объ этомъ изъ заглавнаго листа мы не можемъ сдѣлать никакихъ выводовъ. Въ немъ строго различено изданіе текста отъ напечатанія. Отождествлять слова напечатанный со словами изданный невозможно не только потому, что эти слова различны по своему значенію, но и потому, что на коронаціонномъ сеймѣ не было напечатано никакого текста Статута, такъ какъ изъ обращенія Льва Сапѣги къ Королю Сигизмунду въ русскомъ изданіи 1588 г. видно, что Статутъ былъ напечатанъ лишь въ концѣ 1588 г., а коронаціонный сеймъ происходилъ въ январѣ и началъ февраля мѣсяцевъ 1588 г.

Начало ложному представленію о томъ, что Статутъ Литовскій былъ изданъ въ 1588 г. на польскомъ языкѣ, положилъ типографъ Элертъ, который въ своемъ изданіи Литовскаго Статута 1643 г. передѣлалъ только что приведенный заглавный листъ слѣдующимъ образомъ: «Статутъ Великаго Княжества Литовскаго отъ Найяснѣйшаго Государя, Е. В. Короля Сигизмунда Третьяго на коронаціи въ Краковѣ впервые въ 1588 году, а потомъ второй разъ также на польскомъ языкѣ въ 1619 году (изданный)» ¹⁾.

¹⁾ Вотъ полный заголовокъ этого изданія: Statut Wielkiego Xięstwa Litewskiego ad Nayasnieyszego Hospodara Krola Iego Mosci Zygmunta Trzeciego Na Koronacye w Krakowie naprzód w Roku 1588 A potym drugi raz także Polskim ięzykiem w Roku 1619, z pokazaniem w czym Statuta Korony Polskiej z Statutem W. X. L., są zgodne w czym zaś są rozne. Teraz zaś Trzeci raz z przyłożeniem constituciy tak Koronie iako i W. X. L. służących, zaraz pod Artykułami położo-

Тоже самое въ сущности повторяють и изданія 1698, 1774 и 1786 г.

Мы видѣли уже ранѣе, что польскій переводъ 1619 г., болѣе близкій по времени къ обнародованію текста Статута, строго и совершенно правильно различаетъ изданіе отъ напечатанія; видѣли мы также, что на сеймѣ 1588 г. не было издано никакого печатнаго текста,—но сверхъ этого мы имѣемъ еще и другія данныя, убѣждающія насъ, что Статутъ въ 1588 г. былъ обнародованъ только на русскомъ языкѣ: Во-1-хъ, Левъ Сапѣга въ письмѣ своемъ отъ 13 іюля 1588 г. къ Радзивиллу говоритъ о своемъ намѣреніи перевести Литовскій Статутъ на польскій языкъ, слѣдовательно, на коронаціонномъ сеймѣ не было иного текста Литовскаго Статута 1588 г., кромѣ текста на русскомъ языкѣ ¹⁾; во-2-хъ, въ 1614 г. намѣреніе Льва Сапѣги было осуществлено, т.-е. русскій текстъ Статута 1588 г. переведенъ на польскій языкъ и напечатанъ у Леона Мамонича подъ слѣдующимъ заглавіемъ «Статутъ Великаго Княжества Литовскаго, изданный наяснѣйшимъ Государемъ Королемъ, Его Милостью, Сигизмундомъ III на Коронаціи въ Краковѣ, въ 1588 г. — Въ Вильнѣ, у Леона Мамонича, типографа Короля Е. М., въ 1614 г.» ²⁾.

Имѣя передъ собой это изданіе 1614 года, станетъ вполне яснымъ, къ чему относятся слова заглавнаго листа въ изданіи 1619 г., «вторично напечатанъ на польскомъ языкѣ»: Изданъ былъ Статутъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г. по-русски, и въ томъ же году по-русски же и напечатанъ; а затѣмъ переведенъ на польскій языкъ и впервые напечатанъ по-польски въ 1614 г.; поэтому, естественно было сказать тому же Мамо-

nich, тексту samego Statutu ni w czym nie odmieniając. do Druku Podany Roku Pańskiego, 1648.

¹⁾ Scriptores rerum polonicarum, т. VIII, стр. 195.

²⁾ Ср. прекрасный, мало кому извѣстный, экземпляръ Имп. Академіи Наукъ. Экземпляръ Имп. Публ. Библ. — только весьма искусное факсимиле. Впрочемъ, доказательствомъ того, что это изданіе относится къ 1614 году служитъ посвященіе Мамонича Льву Сапѣгѣ.

ничу, который печаталъ и первое польское изданіе, что изданіе 1619 г. печатается по-польски вторично.

Въ виду всего вышеуказаннаго, слѣдуетъ признать за несомнѣнное, что и въ то время, когда Литовскій Статутъ былъ дѣйствующимъ правомъ, такъ и теперь единственнымъ официальномъ его текстомъ долженъ быть признанъ русскій текстъ Статута 1588 года, напечатанный Мамоничемъ, а всѣ остальные изданія, не имѣющими никакого официального значенія. Изданія эти суть ничто иное какъ переводы, неизвѣстно кѣмъ именно сдѣланные, никогда не получавшіе утвержденія законодательной власти, а поэтому они по необходимости предоставляютъ постоянно заинтересованнымъ лицамъ свободное обращеніе къ русскому оригиналу закона.

Если таковъ былъ совершенно правильный принципъ, дѣйствовавшій въ Литвѣ по отношенію къ русскому изданію 1588 г., то примѣненіе этого же начала представляется вполне правильнымъ и въ наше время. Необходимость обращаться къ русскому оригиналу подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что уже первое польское изданіе представляетъ рядъ отступленій отъ первоначальнаго русскаго текста, а каждое послѣдующее умножаетъ эти отступленія и ошибки, потому что каждое послѣдующее изданіе печатается не съ перваго польскаго перевода 1614 г., а съ изданія непосредственно предшествовавшаго; почему всякое новое изданіе къ своимъ корректурнымъ ошибкамъ прибавляетъ еще ошибки своихъ предшественниковъ. Въ особенности же это нужно сказать объ изданіи 1786 г. На заглавномъ листѣ его говорится: «Статутъ Великаго Княжества Литовскаго... напечатанный въ пятый разъ при его Величествѣ Королѣ Августѣ Третьемъ. Теперь же при Его Величествѣ Королѣ Станиславѣ Августѣ, счастливо намъ царствующимъ, вторично перепечатанъ. Въ Вильнѣ, въ типографіи Его Величества при Академіи, лѣта Божія 1786».

Затѣмъ слѣдуетъ привиллегія на напечатаніе Короля Августа III, данная іезуитамъ.

На основаніи общихъ началъ права, дѣйствовавшихъ въ Вели-

комъ Княжествѣ Литовскомъ, привилегія всякаго Великаго Князя имѣла значеніе лишь въ теченіе его жизни, поэтому всякая привиллегія должна была быть подтверждена вновь вступающимъ на престолъ Государемъ. Доказательства этому мы видимъ въ цѣломъ рядѣ жалованныхъ грамотъ Великихъ Князей Литовскихъ XV и XVI вв.,—этотъ же принципъ встрѣчается постоянно и въ *Voluntaria legum*, гдѣ всякій новый Король Польскій, Великій Князь Литовскій подтверждаетъ привилегіи своихъ предшественниковъ.

Но если бы мы даже отвергли это начало, если бы признали, что привилегія Августа III отъ 1744 г., въ силу которой было напечатано пятое изданіе, продолжала дѣйствовать и въ 1786 г., то все-таки мы должны были бы встрѣтиться съ неразрѣшимымъ противорѣчіемъ: Жалуя іезуитамъ привиллегію на напечатаніеятаго изданія польскаго перевода Литовскаго Статута, Король Августъ III повелѣваетъ «чтобы ни одинъ изъ типографщиковъ какъ въ Коронѣ, такъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ... не смѣлъ печатать... Статута и выпускать его въ свѣтъ, пока упомянутая типографія (т.-е. Виленская Іезуитская, при Академіи) не распродастъ своего изданія».

Въ виду только что приведенныхъ словъ привиллегіи Августа III, несомнѣнно, что она никакого значенія для изданія 1786 г. не имѣетъ. Такъ какъ, во-1-хъ, тѣхъ лицъ, которымъ она была дарована, т.-е. іезуитовъ, въ 1786 г. не существовало уже болѣе ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ; во-2-хъ, привиллегія имѣла силу до тѣхъ поръ пока не будутъ распроданы всѣ экземплярыятаго изданія, слѣдовательно, разъ эти экземпляры не были распроданы, не могло имѣть мѣста новое изданіе,—всякое такое изданіе было-бы контрафакціею; если же всѣ экземплярыятаго изданія были бы распроданы, то въ такомъ случаѣ привиллегія Короля Августа III, выданная для этого изданія, не имѣла уже никакого значенія для изданія 1786 г.

Поэтому, изданіе 1786 г. лишено какого бы то ни было значенія, придавать ему какую-либо важность или признавать его за единственно имѣвшее силу въ сѣверо-западномъ краѣ до 1840 г.

совершенно неосновательно; оно имѣть точно такую же силу и значеніе какъ петербургское изданіе 1811 г. или изданіе 1819 г., напечатанное обществомъ типографовъ въ Вильнѣ, въ типографіи Марциновскаго.

II.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ теорій, которыя, въ противность совершенно яснымъ выраженіямъ грамотъ и опредѣленіямъ всѣхъ статутовъ, утверждаютъ, что по статуту 1529 г. признавалось «право наслѣдованія только за дѣтьми и внуками» (щадками властными), т.-е. признавалось право наслѣдованія для дѣтей и внуковъ, только въ имѣніяхъ родителей и дѣдовъ. Теорія эта совершенно противорѣчитъ какъ даннымъ, находящимся въ актахъ, предшествовавшихъ первому Литовскому Статуту 1529 г., такъ и опредѣленіямъ самаго Статута.

Оставляя покамѣсть въ сторонѣ слово «щадокъ», остановимся на вопросѣ о томъ, что означало въ началѣ XVI вѣка слово «отчизна и дѣдизна».

Значеніе этихъ юридическихъ терминовъ установлено было впервые не въ Литовскомъ Статутѣ: Термины «отчизна и дѣдина», «дѣдизна» встрѣчаются въ русско-литовскихъ актахъ уже съ начала XIV вѣка; такъ слово «Дедичство» встрѣчается въ договорной грамотѣ короля польскаго Казимира Великаго съ литовскими князьями Евнутиемъ, Кестутиемъ и друг. отъ 1340 г., точно также слово «вотчина» встрѣчается въ договорной грамотѣ тверскаго великаго князя Бориса Александровича съ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, отъ 1430 г.

Эти термины вовсе не обозначали имѣній дѣда или отца, а выражали собою только понятіе полной, ничѣмъ не ограниченной собственности, полного права надъ вещью или вещами, какъ это видно изъ слѣдующихъ актовъ: Въ 1388 г. князья Константинъ и Федоръ Коріатовичи жалуютъ своему слугѣ Немерѣ г. Бакоту:

«Взрѣвши нашего слуги Немеры», говорятъ князья, «вѣрную службу дали есмы ему... городъ нашъ Бакоту... у дедину и вотнину и детемъ его и его прирѣжонимъ послѣдкомъ» ¹⁾. Въ 1427 г., въ договорѣ великаго князя Литовскаго Витовта съ великимъ княземъ Тверскимъ говорится «а пошлины имати зъ моихъ Тферскихъ людей, въ моего господина дѣда великаго князя Витовтовѣ отчынѣ у Смоленску, у Витебску, на Кіевѣ, въ Дорогобужѣ, у Вязьми» ²⁾.

Но, какъ извѣстно, удѣломъ Кейстута, отпа Витовта, были Троки, а Смоленскъ былъ завоеванъ самимъ Витовтомъ, Витебскъ приобрѣтенъ въ приданое великимъ княземъ Ольгердомъ за женою Юліанією, а отъ нихъ перешелъ по наслѣдству къ Ягеллѣ; слѣдовательно Смоленскъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть «вотчиною», отцовскимъ владѣніемъ Витовта.

Кіевъ составлялъ наслѣдственную собственность Александра, сына великаго князя Ольгерда, Дорогобужъ и Вязьма равнымъ образомъ никогда не принадлежали Кейстуту, а слѣдовательно и не могли быть для Витовта «отчиною», т.-е. землями, принадлежавшими отцу Витовта, «отцовскими» имѣніями, слѣдовательно, подъ именемъ вотчины и здѣсь, какъ и въ грамотѣ Коріатовичей Немерѣ, разумѣется нѣчто иное, т.-е. земли, надъ которыми власть великаго князя Витовта или право распоряженія Немеры были неограниченными.

Что таковъ именно былъ смыслъ слова «вотчина», видно также изъ судной грамоты Литовскаго великаго князя Александра Пинскимъ мѣщанамъ ³⁾ отъ 1501 г., іюня 10-го. «Дали есмо князю Ѳедору Ивановичу Ярославичу», говоритъ великій князь, «городъ Пинескъ и со всѣми волостями Пинскими, и его княгини, дочдѣ князя Семена Олельковича, и ихъ дѣтямъ... и мы листомъ нашимъ то есмо ему подтвердили у вотчину».

¹⁾ Варшав. унив. извѣстія 1893 г., III, „Приложеніе къ отчету о командировкѣ проф. И. П. Филевича“.

²⁾ Акты Западной Россіи, т. I, № 33.

³⁾ Акты Западной Россіи. т. I, № 191.

Имѣніе жалуется «въ вотчину» чужеродцу: Престный соб-
ственникъ не только что не былъ отцомъ князя Федора Ивановича
Ярославича, но даже не находился съ нимъ ни въ какихъ род-
ственныхъ отношеніяхъ.

Посмотримъ теперь, кто же понимается подъ именемъ «вот-
чинника», въ чемъ состоятъ его права?

Отвѣтъ на это даетъ таже грамота.

На жалобу пинскихъ мѣщанъ, что новый вотчинникъ дѣлаетъ
имъ отягченія, вводитъ новые поборы и проч., великій князь Але-
ксандръ отвѣчаетъ: «Если есмо дали ему тотъ городъ у
вотчпну, маеть его держати, такъ какъ то отчичъ, прибав-
ляючи и розшириваючи, какъ то самъ налѣпѣй розумѣючи,
какъ то господарь вотчинный свое имѣнье, подлугъ данины
и листовъ отца нашего и нашихъ».

Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ этого основнаго начала Литов-
скаго права служатъ какъ земскія привилегіи, пожалованныя
Литвѣ великими князьями въ XIV, XV и XVI стол., и вошедшія
затѣмъ цѣликомъ въ первый Литовскій Статутъ 1529 г., такъ
и нѣкоторыя оригинальныя опредѣленія самаго Статута.

Уже въ грамотѣ Владислава Ягеллы отъ 1387 г., февраля 20-го,
пожалованной боярамъ его удѣла, на латинскомъ языкѣ, постанов-
ляется, что всякій воинъ, или бояринъ, принимающій католиче-
скую вѣру, а также и его наслѣдники и законные преем-
ники имѣетъ и будутъ имѣть полную свободу: замками, волостями,
деревнями и домами и всякимъ инымъ имуществомъ, получен-
ными ими отъ отцовъ въ наслѣдіе, пользоваться, владѣть, про-
давать, отдавать, мѣнять, давать, дарить и обращать въ свою
собственную пользу и по своему усмотрѣнію ¹⁾).

Равнымъ образомъ и въ знаменитой Городелъской привилегіи отъ
1413 г., октября 2-го, дарованной Литвѣ Ягелломъ и Витовтомъ,
въ концѣ § VI говорится: «Также, послѣ смерти отца, дѣти не

¹⁾ Dziąlynski. Zbior praw Łitewskich.

должны быть лишены наслѣдственныхъ имѣній, но имѣютъ владѣть оными со своими наслѣдниками» ¹⁾).

Это положеніе въ переводѣ на русскій языкъ XVI вѣка вошло въ первый Литовскій Статутъ, составляя въ немъ въ раздѣлѣ III артикулъ 9, ²⁾ «Тежъ по смерти отцовъ дети сынове и девки добра отчизнѣ и дедизнѣ не мають быть отдамены: але тые добра и зъ ихъ щадки властными зуполнымъ правомъ посядуть».

Такимъ образомъ слова Городелъской привилегіи «bona haereditaria» переведены «добра отчизные и дедизные», а «successores» словомъ «щадки». Что таковъ именно былъ смыслъ этихъ словъ въ началѣ XVI в., это видно также изъ перевода Литовскаго Статута на латинскій языкъ, сдѣланный въ началѣ XVI вѣка ³⁾. «Добра отчизные и дедизные» переведены словами «bona paterna et hereditaria», а слово «щадокъ власный» передано словомъ «posterus legitimus», законный потомокъ.

Если даже оставаться въ сферѣ русскаго текста Статута 1529 г., то уже изъ него, при самомъ узкомъ, буквальномъ истолкованіи, получится широкое право наслѣдованія. Если слово «щадки» равнозначуще, по утвержденію г. Пташицкаго, современному слову «внуки» ⁴⁾, и такъ какъ самъ Статутъ нигдѣ не ставитъ ограниченія этому праву, то уже изъ текста Статута вытекаетъ, что право наслѣдованія даннаго лица въ имѣніи своего дѣда переходитъ по праву представительства ко внуку этого лица, его «щадку», слѣдовательно, если бы въ моментъ открытія наслѣдства послѣ дѣда, въ «имѣніи дѣдизномъ», внукъ наслѣдодателя былъ живъ и оставилъ по себѣ «щадка», то на основаніи текста Статута наслѣдовалъ бы по праву представительства снова «щадокъ», внукъ. Но этотъ «внукъ» получить «дѣдизное» имѣніе отъ «щадка» перваго пріобрѣтателя, съ которымъ, слѣдовательно, будетъ находиться въ четвертой степени, т.-е. будетъ его праправнукомъ.

¹⁾ Ibid, стр. 13.

²⁾ Ibid, стр. 191.

³⁾ Ib., id., латинскій текстъ.

⁴⁾ С. Л. Пташицкій къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута. Спб. 1893. Стр. 31 слѣд.

Я показалъ выше, что подъ именемъ «отчизны и дедизны» разумѣлись имѣнія, принадлежавшія данному лицу на правѣ собственности, мы видимъ теперь, что и слово «щадокъ» не соотвѣтствуетъ понятію внука, и что право наслѣдованія нисходящихъ можетъ идти гораздо дальше второй степени.

Взглянемъ теперь, насколько вѣрно утвержденіе г. Пташицкаго, что Статутъ 1529 г. не зналъ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, такъ какъ въ немъ ничего не говорится о «кровныхъ и близкихъ».

Обратимся прежде всего къ документамъ, предшествовавшимъ Статуту 1529 года.

Въ уставной подтвердительной грамотѣ жителямъ Кіевской земли отъ 1507 г. ¹⁾, говорится между прочимъ: «А по животѣ (вотчинника) жонѣ и детемъ держати имѣніе; а у кого дѣтей не будетъ, ино ближнему», т.-е. по смерти (вотчинника) имѣніемъ владѣютъ жена и дѣти: а у кого дѣтей не будетъ, то право владѣнія переходитъ къ родственникамъ. Немного пониже, въ той же грамотѣ, опредѣляется и принципъ выморочности по возрѣніямъ начала XVI вѣка: «А будетъ пустой человекъ, ни дѣтей ни родственниковъ, ино на насъ (великаго князя) то имѣніе».

Конечно можно возразить, что опредѣленіе этой грамоты имѣло лишь мѣстное значеніе, дѣйствовало только въ Кіевской землѣ,— но такое возраженіе не можетъ быть принято, такъ какъ въ томъ же изданіи мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ грамотъ, изъ которыхъ несомнѣнно вытекаетъ, что право наслѣдованія боковыхъ родственниковъ существовало въ великомъ княжествѣ Литовскомъ гораздо ранѣе 1588 г.: такъ, напр., въ 1508 г. великій князь Сигизмундъ, жалуетъ Пинскому князю Ѳедору Ивановичу Ярославичу вотчину князей Глинскихъ, говорить: «маеть онъ и его кнегиня и ихъ дѣти и его ближніи и напотомъ будущи ихъ счаден тыи имѣнья... держати ²⁾».

¹⁾ Акты Западной Россіи, изданіе Археографической комиссіи, т. II, Спб., 1848 г., № 30.

²⁾ Акты 3. Россіи, т. II, № 34.

Равнымъ образомъ, въ жалованной грамотѣ Великаго Князя Свидригайла отъ 1437 г. октября 17 ¹⁾, Каленику Мишковичу говорится, что различныя имѣнія въ Житомирскомъ и Овручскомъ повѣтахъ пожалованы «пану Каленику вѣчно и непоручно ему, по немъ и детемъ его и внучатомъ и его ближнимъ и щадкомъ его». Тоже повторяется и въ другой грамотѣ Великаго Князя Свидригайла отъ 1445 г. іюля 24: Жалуя Петрашку Ланевичу различныя имѣнія, Великій Князь говоритъ: «А даемъ и подтверждаемъ тому, первой писанному, пану Петрашку Ланевичу Мыльскому верху менованныя мѣста вѣчно и непоручно ему и его детемъ и его внучатомъ и его ближнимъ и его щадкомъ». Тоже дословно повторяется и въ третьей грамотѣ Свидригайло тому же Петрашку Ланевичу Мыльскому отъ 20 іюня 1446 г. ²⁾.

Въ 1446 г. 14 іюля Великій Князь Свидригайло, жалую Олиферу имѣніе Глухны и Стайи, говоритъ: «А даемъ ему вечно и непоручно ему и его детемъ и внучатомъ его и ближнимъ его и его щадкомъ». Въ 1451 г. Великій Князь Свидригайло говоритъ: «Дали есмо пану Пашку Прокопѣвичу верхоу именованное имѣнье, село емоу вѣчно на веки непоручно и женѣ его и дѣтемъ его и внучатомъ его и его ближнимъ по немъ боудущимъ и его исчаткомъ» ³⁾.

Съ тѣмъ же принципомъ встрѣчаемся мы и въ грамотахъ Великаго Князя Казимира Ягелловича,—напр., въ грамотѣ отъ 4 января 1452 г. пану Семашку Епифановичу: Жалуя ему грамоту, Великій Князь говоритъ: «тыя имѣнья... дали есмо пану Семашку вѣчно а непоручно, его женѣ и его дѣтямъ и его ближнимъ, его щадкомъ» ⁴⁾.

Сверхъ приведенныхъ документовъ, въ подтвержденіе этой мысли, я позволю себѣ сослаться еще на судебное рѣшеніе по дѣлу о при-

¹⁾ Акты Южной и Западной Россіи, т. 1, Спб., 1863 г., № 19.

²⁾ Тамъ же, № 25.

³⁾ Archivum Książat Lubarticzow Sanguszkow w Sławurie. Lwow, 1887, документы, № XLIV и XLIX.

⁴⁾ Тамъ же, № 28, также № 29.

тязаніяхъ князей Сангушковичей къ имѣніямъ Грушова и Черевачичи послѣ Ганны Семеновны Костевичъ, бездѣтно умершей дочери князя Кобринскаго. Первоначально, судъ призналъ за ними право наслѣдованія на томъ основаніи, что они приходились наслѣдодателниці родственнымъ въ четвертомъ поколѣніи, и если въ 1528 г. свое рѣшеніе отмѣнилъ, то лишь вслѣдствіе того, что при пересмотрѣ его выяснилось, что имѣнія, отыскиваемыя кн. Сангушковичами, не были собственностью Анны Костевичъ, а потому и не могли перейти по наслѣдству.

Изъ всего указаннаго видно, что въ источникахъ, изъ которыхъ произошелъ первый Литовскій статутъ, не только допускается наслѣдованіе нисходящихъ въ четвертой степени и далѣе, до безконечности, но имѣются прямые указанія на то, что при отсутствіи нисходящихъ наслѣдовали боковые, также безъ ограниченія какою либо степенью родства: нѣтъ нисходящихъ, — наслѣдуютъ боковые «ближніе», а «будетъ челоувѣкъ пустой, ни дѣтей ни родственниковъ» — тогда только имѣніе переходитъ въ собственность Великаго Князя.

Въ виду вышесказаннаго, утвержденіе г. Пташицкаго, что право наслѣдованія по Литовскому Статуту 1529 г. было ограничено и признавалось только для нисходящихъ и то лишь для дѣтей и внуковъ, но отнюдь не для боковыхъ, опровергается вполне не только грамотами Великихъ Князей Литовскихъ, но и Статутомъ 1529 г., такъ какъ онъ признаетъ право наслѣдованія, сыновей и дочерей, и ихъ «щадковъ».

Въ своей брошюрѣ я указалъ уже, какой смыслъ имѣло слово «щадокъ» на основаніи документовъ XVI стол., въ настоящемъ отвѣтѣ я укажу только на то, что слово «щадокъ» переведено на латинскій языкъ въ томъ самомъ изданіи Статута 1529 г., на который ссылается и г. Пташицкій, словами «*posterus legitimus*», «законный потомокъ», законное потомство; равнымъ образомъ, изъ приведенныхъ выше грамотъ Свидригайла видно, что подъ именемъ «щадковъ» разумѣлось отдаленное, не опредѣленное никакою степенью потомство: въ этихъ грамотахъ щадокъ не только не

приравнивается ко внуку, но отдѣляется еще отъ внука «ближними», родственниками.

Доказательствъ тому, чтобы слово «щадокъ» было дѣйствительно равнозначущее слову «внукъ» г. Пташицкій не привелъ.— Если слово «щадокъ» было совершенно понятно людямъ XVI и XVII в., то въ XIX в. представленье о значеніи его на столько затерялось, что какъ образчикъ непониманія этого слова можно указать на переводъ въ изданіи Статута 1811 г.

Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ переводу 17 артикула Третьяго Раздѣла въ изданіи 1811 г., мы видимъ, что слово «щадокъ» «szczątek, szcządek, szczątki», встрѣчающееся въ этомъ артикулѣ 3 раза ¹⁾ переведено два раза, а именно въ §§ 1 и 3, правильно, словомъ «потомство», а въ § 4, неизвѣстно почему, передано словами «близкіе сродники».

Не останавливаясь на томъ, что слово «bliski» передается въ переводѣ 1811 г. крайне произвольно, то словомъ «родственники» ²⁾, то «близкіе сродники» ³⁾, то «ближайшіе родственники»,—допустимъ, что переводъ сдѣланъ правильно, что слово «щадокъ» дѣйствительно обозначаетъ «близкихъ родственниковъ»: Допустивъ, что эти слова переведены правильно, мы должны допустить, что вставивъ ихъ въ надлежащія мѣста русскаго перевода, т. е. тамъ, гдѣ въ польскомъ текстѣ стоитъ слово «szczątek», мы получимъ вездѣ понятную логическую фразу, а не абсурдъ.

Попробуемъ это сдѣлать.

Ближайшая фраза, гдѣ встрѣчается слово «szczątek» есть фраза въ § 3-мъ «Niżli jeśliby jeszcze Pan Bog tak dopuścił, żeby oney braciey i siostr ani ich potomstwa i szczątkow nie zostało, tedy ona oyczuzna ich wszystka także wszelakim obyczaem słusznie nabyte imiona i majątność ma na bliskich spadywać, który iest naybliższy do dobr oyczystych i macierzystych po mieczu według tegoż postępku». Вставимъ вмѣсто слова «szczątkow» слово «близкихъ сродни-

¹⁾ Въ §§, по обозначенію польскихъ изданій, 1, 3 и 4.

²⁾ Арт. 17. раз. III, § 3.

³⁾ Арт. 17, разд. III, § 4.

ковъ» и будемъ переводить: «Если бы однако еще Господь Богъ допустилъ, чтобы не осталось ни оныхъ братьевъ, ни сестеръ, ни ихъ потомства и близкихъ сродниковъ, тогда оныя всѣ отеческія, а также законнымъ способомъ прибрѣтенныя имѣнія и движимая собственность поступаютъ въ наслѣдствіе родственникамъ, кои будутъ ближайшими къ наслѣдству въ отеческихъ и материнскихъ имѣніяхъ по мужскому колѣну».

И такъ, принявъ согласно переводу 1811 г., что слово «szczętek» въ § 4, арт. 17, III разд. обозначаетъ «близкихъ сродниковъ», мы получаемъ въ переводѣ § 3 того же арт. 17, полнѣйшую безсмыслицу, т.-е.: если нѣтъ ни потомства, ни близкихъ родственниковъ, то имущество поступаетъ къ родственникамъ, кои будутъ ближайшими къ наслѣдству!

Когда близкихъ родственниковъ нѣтъ, то наслѣдуютъ «ближайшіе родственники»!!

Если же, наоборотъ, мы вставимъ въ § 4-й вмѣсто слова «ближніе сродники» слово «потомство», какъ именно и переведено слово «szczętek» въ §§ 1 и 3, то получимъ вполне ясный и логическій переводъ, т.-е. «тѣ, которые умрутъ безъ нисходящихъ, безъ родственниковъ, безъ потомства и наслѣдниковъ своихъ, а наслѣдственныхъ, выслуженныхъ и прибрѣтенныхъ имѣній никому не передадутъ и не запишутъ, въ такомъ случаѣ оставленное ими имущество почитается выморочнымъ». —

Съ древнѣйшихъ временъ существовало въ Литвѣ признаніе за частными лицами неограниченнаго права собственности. Приведенный нами выше рядъ пожалованія имѣній «въ дѣдину и отнину», съ предоставленіемъ собственнику полной свободы надъ пожалованными землями, достаточно показываетъ неосновательность противоположеннаго взгляда; но не только для вотчинъ, но даже и для «выслугъ», соотвѣтствующихъ «помѣстьямъ» Московскаго государства, устанавливается съ XV вѣка начало, въ силу котораго они становятся имѣніями, находящимися въ вѣчномъ владѣніи.

Цѣлымъ рядомъ грамотъ Великихъ Князей и наконецъ поло-

женіями Перваго Литовскаго Статута ¹⁾ опредѣляется, что имѣнія, выслуженныя у предшественниковъ нынѣ правящаго Великаго Князя, не будутъ отнимаемы безъ вины, слѣдовательно, этимъ признается, что имѣнія, находящіяся у кого бы то ни было лишь на правѣ владѣнія, переходятъ по наслѣдству до тѣхъ поръ, пока къ нимъ имѣются лица, находящіеся съ владѣльцомъ въ кровной связи.

Принципъ неограниченной, полной собственности былъ признанъ Вторымъ Литовскимъ Статутомъ 1566 г. въ артикулѣ 1, Раздѣла Седьмаго, которымъ дозволяется «имѣнія свои отчизные и земскіе, материстые и выслужонные, купленные и якимъ колвекъ обываемъ набытые и названные... водле доброе воли свои и мысли отдати, продати, даровати и записати, заставити, отъ дѣтей и близкихъ отдалити, подлѣ баченья своего тымъ шафовати» ²⁾. Это начало было подтверждено затѣмъ § 14 Люблинской Уніи, которымъ всѣ фактическіе владѣльцы какихъ бы то ни было имѣній были признаны ихъ вотчинниками.

Ограниченія, затѣмъ, правъ собственности, встрѣчающіяся въ Литовскомъ Статутѣ, какъ, напр., опредѣленіе тѣхъ случаевъ, когда отецъ можетъ лишить дѣтей наслѣдства ³⁾, ограниченіе права завѣщанія недвижимой собственности въ пользу монастырей и церквей ⁴⁾, имѣютъ въ виду интересы не государства, а интересы рода. Поэтому-то и 17 артикулъ III Раздѣла опредѣляетъ, что имущество тогда только переходитъ къ государству, когда не только не остается никого изъ родственниковъ, но когда, сверхъ того, наслѣдодатель не передастъ своей собственности чужеродцу: «ни на кого права своего приржоного, выслужонного и набитого не вливши и не записавши».

Что подъ словомъ «кто-либо» слѣдуетъ разумѣть именно чужеродца, это естественно вытекаетъ изъ того обстоятельства, что

¹⁾ Первый Лит. Статутъ 1529 г., Разд. I, ар.

²⁾ Второй Литовскій Статутъ 1566 г., напечатанный во Временникѣ Моск. Общ. Ист. Древн., т. 23.

³⁾ Разд. Восьмой, артикулъ 17, Литовскаго статута 1588 г.

⁴⁾ Ibid., Разд. VIII, ар. 2 и 3.

родственники наследовали въ имуществѣ не въ силу письменнаго акта, а въ силу своего родства съ наследодателемъ.

Одинаковый по содержанію съ конституціею 1588 г. «О кадукахъ», артикулъ 17 Третьяго Раздѣла, трактующій подобно ей о выморочныхъ имуществахъ, при своемъ появленіи, не нуждался ни въ комментаріяхъ, ни въ помощи какого-либо иностраннаго законодательства. Въ теченіи почти двухъ столѣтій конституція 1588 г. «о кадукахъ» не только не отмѣняла 17 артикула, но даже не признавалась въ Литвѣ и за вспомогательный источникъ по вопросу о выморочныхъ имуществахъ, какъ видно изъ того, что когда пониманіе Литовскаго Статута стало исчезать, то литовскіе чины, игнорируя конституцію 1588 г., сочли необходимымъ для объясненія смысла артикула 17 Третьяго Раздѣла ходатайствовать объ изданіи спеціальной конституціи:

Въ 1766 году Гродненская шляхта, собравшаяся на сеймикъ предъсеймовый, поручаетъ своимъ депутатамъ ходатайствовать объ изданіи особаго закона для разъясненія 17 артикула III Раздѣла ¹⁾). Очевидно, что еслибы съ 1588 г. этотъ артикулъ вовсе не примѣнялся, то нечего было бы о немъ и вспоминать; еслибы вмѣсто него дѣйствовала конституція 1588 г. «о кадукахъ», то слѣдовало бы ходатайствовать о разъясненіи ея смысла, а никакъ не о разъясненіи смысла отмѣненнаго, несуществующаго закона!

Можно, конечно, утверждать, что въ Литовскомъ Статутѣ нѣтъ никакихъ основаній для признанія права наследованія за всѣми родственниками безъ ограниченія степени родства съ наследодателемъ,—но какія же для этого данныя? На основаніи Литовскаго Статута, всѣ подданные В. Княжества Литовскаго пользуются правами, обозначенными въ Статутѣ ²⁾), съ тѣмъ,

¹⁾ Актов. книг. Вилен. Центр. Архива, Гродненскаго Градскаго суда за 1765 г. напечат. въ Ак. Б. Ар. Ком., т. VIII, № 27, стр. 345.

²⁾ Лит. Стат. 1588 г., Разд. I, ар. 1. „Мы, Господарь обещуемъ... ижъ княжатъ, панятъ, радъ духовныхъ и светскихъ и т. д. и всихъ подданныхъ нашихъ и всихъ становъ въ томъ панствѣ нашемъ В. К. Л... почоншы отъ вышного стану ажъ до нижшого тымы одnymi правы и артыкулы въ томъ же статутѣ ниже писаныи судити и справовати“.

однако, ограниченіями, которыя въ немъ указаны особо, напр., воспрещеніе нешляхтѣ владѣть земскими имѣніями, воспрещается нешляхтѣ занимать должности и т. д. Исключенія доказываютъ правило, поэтому ограниченіе должно быть указано въ законѣ, — но такого ограниченія нѣтъ въ Литовскомъ Статутѣ: положенія его совершенно ясныя, русскіе принципы, т.-е. имущество считается выморочнымъ только тогда, когда нѣтъ ни восходящихъ, ни нисходящихъ, ни боковыхъ родственниковъ. Въ артикулѣ 17 Третьяго Раздѣла нѣтъ ни малѣйшаго намека на какую бы то ни было степень родства, съ которой прекращалось бы право наслѣдованія.

Опредѣленіе это настолько ясно, что прибѣгать за его разъясненіемъ къ конституціи 1588 г. было бы совершенно излишнимъ.

Помимо артикула 17 Третьяго Раздѣла, въ Литовскомъ Статутѣ содержатся еще и въ другихъ артикулахъ опредѣленія о порядкѣ наслѣдованія и о лицахъ, призываемыхъ къ наслѣдованію.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ артикуловъ, я считаю нужнымъ остановиться на томъ обстоятельстве, что по Литовскому Статуту порядокъ наслѣдованія въ имуществахъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ былъ одинъ и тотъ же, какъ это видно изъ распоряженій 17 артикула Третьяго Раздѣла, а именно: Опредѣляя судьбу имущества послѣ лицъ, не оставившихъ послѣ себя нисходящаго потомства, артикулъ 17 говоритъ: «Нишли естли бы еще такъ же панъ Богъ допустилъ, жебы оныхъ братьей и сестръ, а ни ихъ потомства и щадковъ не зостало, тогды оная отчизна ихъ вся такъ же всякимъ обычаемъ слушне набытые имѣнья и маетность маеть на близкихъ спадывати», т.-е. послѣ бездѣтныхъ сестеръ и братьевъ все ихъ имѣніе, полученное отъ отца, а равнымъ образомъ недвижимая и движимая собственность, пріобрѣтенная законнымъ порядкомъ, переходитъ въ наслѣдство къ родственникамъ.

Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что порядокъ наслѣдованія въ имуществахъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ былъ одинъ и тотъ же, тѣмъ болѣе, что всякая «купля» отца, на основаніи

того же 17 артикула, становилась для его наслѣдниковъ «отчизною», т.-е. имуществомъ, которое могло быть передано мимо законныхъ наслѣдниковъ, только въ особо указанныхъ случаяхъ.

Обращаясь теперь къ тѣмъ артикуламъ Литовскаго Статута 1588 г., которые опредѣляютъ частное вознагражденіе потерпѣвшему, «навязку», или же вознагражденіе родственникамъ убитаго, «головщину», мы видимъ, что Статутъ смотритъ на получение этихъ «навязокъ и головщинъ» не только какъ на право потерпѣвшаго или его родственниковъ, но сверхъ того опредѣляетъ, что это право можетъ переходить по наслѣдству, притомъ къ представителямъ обѣихъ линій.

Что полученіе «головщины» составляло право родственниковъ, это видно изъ артикула 44 въ Разд. XI, гдѣ говорится: «Еслибы братья того лица, которое отыскиваетъ судомъ «головщину» съ убійцы своего отца или матери, «съ нимъ весполекъ того права попірати и доходити не хотели, тогда тотъ, который дома мешкаетъ, маеть самъ о то правомъ чинити». Что это право на отысканіе «головщинъ и навязокъ» переходило по наслѣдству къ родственникамъ убитаго, а обязанность отвѣчать переходила къ родственникамъ убійцы, это видно изъ артикула 48, въ Разд. XI, гдѣ говорится: «кгда бы хто учинивши кому квалтъ якій, забійство альбо бой, равны якіе колвекъ... умеръ, а именье або маетность рухомую по собе зоставилъ, а тая бы кривда еще за живота того, на кого жалоба идетъ, была на враде и суседомъ, водлугъ сего права оповедана... ино укривжоный албо тежъ дети потомки близкіе его... будутъ мочи тыхъ кривдъ, шкодъ на детяхъ, потомкахъ и близкихъ оного змерлого, на кого по немъ маетность его лежащая або рухомая спадеть, правомъ поискивати».

Такимъ образомъ, отысканіе этого права переходить по наслѣдству къ дѣтямъ, потомкамъ и «близкимъ».

Что подъ именемъ «близкихъ» разумѣются родственники вообще, т.-е. родственники со стороны отца и со стороны матери, — это видно изъ артикула 45, Разд. XI, гдѣ говорится, что право оты-

скивать «головщину» принадлежить прежде всего братьямъ. «А естлибы братья змерли, тогда и дочки мають такого права о голову попирати; паклижъ бы сынове, дочки змерли, тогда близскіе того доходити мають, напродъ наблизшіе по мечу, а где бы близскихъ по мечу не стало, тогда и по кудели».

Въ виду этихъ совершенно ясныхъ и неопровержимыхъ принциповъ Литовскаго права относительно порядка наслѣдованія, безъ ограниченія этого права какою-либо степенью и съ призваніемъ къ наслѣдованію обѣихъ линій, не было ни малѣйшей нужды ни при изданіи Статута 1588 г., ни послѣ него прибѣгать къ помощи конституціи 1588 г. «о кадукахъ».

Но даже если мы предположимъ, что для какого-либо судьи смыслъ опредѣленій 17 артикула III Разд. казался бы темнымъ, то онъ, согласно опредѣленію 17 артик. III Разд. и 54 артик. IV Разд., прежде чѣмъ прибѣгать къ помощи иностраннаго права, долженъ былъ бы обратиться къ прежнимъ статутамъ, а еслибы опредѣленія Статутовъ оказались недостаточными, то въ такомъ случаѣ — къ «звычайу стародавнему», получившему то или иное виѣшнее выраженіе: За годъ до изданія Перваго Литовскаго Статута 1529 г., Король Сигизмундъ I, рассмотрѣвъ виѣстѣ съ намами Радами Великаго Княжества Литовскаго искъ Князей Сангушковичей къ Ганнѣ Семеновнѣ Костевичъ, урожденной Княжнѣ Кобринской, опредѣлилъ: Въ виду того, что то имѣніе, которое кн. Сангушковичи отыскивали послѣ безпотомно умершей Ганны Семеновны, никогда не составляло ни ея собственности, ни собственности ея сестры, а служило только обезпеченіемъ приданого, опредѣляетъ: «егда-жъ тыи ихъ сестры не были отчичками, а князи Сангушковичи будучи съ тыми княгинями въ четвертомъ поколѣніи и овшемъ къ тымъ некоторое близкости не мають», спорныя имѣнія присудилъ Королевѣ Бонѣ.

По Литовскому Статуту приданое, «внесенъ», жены возвращалось, въ случаѣ ея безпотомной смерти, въ тотъ домъ, изъ котораго она произошла¹⁾, а потому въ данномъ случаѣ приданое

¹⁾ Артик. 19, Разд. V.

должно было возвратиться въ родъ князей Гольшанскихъ, изъ котораго происходила мать наслѣдодательницы, однако судъ, въ виду отсутствія притязаній Князей Гольшанскихъ къ этому приданому, присуждаетъ его родственникамъ не изъ линіи матери, а изъ линіи отца.

Такимъ образомъ, сверхъ совершенно ясныхъ опредѣленій 17 артик. III Разд. и артикуловъ 44, 45 и 48 Разд. XI, и практика судовъ, олицетворявшая «звычай стародавній», признаетъ переходъ имущества изъ одной линіи въ другую, производя при этомъ счетъ родству не по степенямъ, а по поколѣніямъ.

III.

Обращаясь къ разсмотрѣнію доводовъ г. Пташицкаго въ пользу того, что конституція 1588 г. «о кадукахъ» распространялась, якобы, и на Великое Княжество Литовское, остановимся прежде всего на тѣхъ историческихъ обстоятельствахъ, при которыхъ была выработана, разсмотрѣна и принята сеймомъ конституція 1588 г.

Въ противность долго существовавшему мнѣнію о добровольномъ, братскомъ характерѣ Люблинской Уніи, современныя воззрѣнія на этотъ актъ, основанныя на изученіи дневниковъ этого сейма ¹⁾, представляютъ намъ Унію въ такомъ видѣ, что едва-ли послѣ нея могло проявиться у Литовцевъ стремленіе къ «полному сліянію юридическаго быта Польши съ Литвою», какъ ошибочно утверждаютъ писатели, знакомые съ историческими событіями по сочиненіямъ школы Нарушевича, Лелевеля и т. д.

И въ самомъ дѣлѣ!

¹⁾ Działyński. Dziariusz Lubelskiego seimu unii 1569. — Poznań, 1856.—Пр. Кояловичъ. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г. — Спб., 1869. Изданіе Археограф. Комиссіи.—Ср. напр. мнѣніе пр. Кояловича въ предисловіи къ тексту дневника. стр. III. „При разсужденіи о Люблинскомъ соединеніи Литвы съ Польшею вопросъ о братской любви и добровольномъ соглашеніи представителей соединившихся государствъ не имѣетъ никакого мѣста“.

Первымъ доказательствомъ этого братства было отпачіе у Литовцевъ земель: Подляшской, Волынской и Кіевской, и присоединеніе ихъ къ Королевству Польскому.

Дальнѣйшимъ доказательствомъ было присоединеніе къ Польшѣ всей Лифляндіи, завоеванной совокупными усиліями Польши и Литвы.

Въ этомъ же направленіи шли попытки поляковъ на захватъ государственныхъ и духовныхъ должностей въ Литвѣ.

Даже избраніе королей, напр., Стефана Баторія и Сигизмунда III, происходило безъ спроса литовцевъ.

Конституція 1569 г., предписывая комиссіи для пересмотра Литовскаго Статута редактировать его какъ можно ближе къ Статуту Польскому, посягала на Литовское право.

Невозможно допустить, чтобы подобнаго рода отношенія поляковъ къ литовцамъ не вызывали съ ихъ стороны желанія отвѣтить такими же доказательствами братской дружбы.

Такой случай вскорѣ представился:

Наступило междоусобице по смерти Стефана Баторія. На престолъ польскій было избрано разомъ два лица: Сигизмундъ Ваза, королевичъ Шведскій, и Максимилианъ, эрцгерцогъ Австрійскій.

Въ 1587 г., декабря 27, Сигизмундъ былъ торжественно коронованъ въ Краковѣ; но неподалеку отъ столицы, въ г. Бычинѣ, съ большими военными силами стоялъ во главѣ своихъ приверженцевъ, т.-е партіи Зборовскаго, Горки и т. д., другой избранный, но еще не коронованный, король польскій эрцгерцогъ Максимилианъ. Оружіе должно было рѣшить, кто будетъ дѣйствительнымъ королемъ польскимъ.

Пользуясь этими обстоятельствами, литовцы постарались защитить и оградить свои интересы на будущее время отъ братскихъ притязаній поляковъ.

Предоставимъ, впрочемъ, говорить современнику этихъ событій, лицу, принимавшему непосредственное участіе въ перипетіяхъ этой борьбы, секретарю короля, Рейнгольду Гейденштейну: «Литовцы, говоритъ Гейденштейнъ, по своему собственному почину покинули избирательный сеймъ съ той цѣлью, чтобы при избраніи короля

извлечь выгоды изъ своего нейтральнаго положенія; и въ то время, когда король направлялся изъ Пруссіи въ Петроковъ, они представили сенаторамъ, сопровождавшимъ короля, нисѣма, изъ которыхъ ясно было, что они продолжаютъ оставаться при своемъ прежнемъ уклончивомъ образѣ дѣйствій; когда же затѣмъ былъ назначенъ въ Вильнѣ генеральный сеймъ всего народа литовскаго и на этотъ сеймъ явились отъ короля Николай Олесницкій, а отъ королевы Іоаннъ Роковскій, чтобы склонить ихъ на свою сторону, то Максимилианъ съ своей стороны прислалъ на этотъ сеймъ съ тою же цѣлью Александра Пронскаго; сверхъ того, въ качествѣ спеціальнаго легата, былъ присланъ отъ Максимилиана Андрей Самборкецкій. Благодаря стараніямъ этихъ лицъ, литовцы раздѣлились на двѣ партіи, что не помѣшало имъ, однако, послать на коронаціонный сеймъ отъ Великаго Княжества одно общее посольство. Во главѣ этого посольства находился Янъ Глѣбовичъ, каштелянъ Троцкій. Видимымъ предлогомъ для этого посольства къ королю Сигизмунду было опредѣленіе условій (на которыхъ литовцы согласились бы признать его королемъ), въ дѣйствительности же посольство это было отправлено съ слѣдующею цѣлью: такъ какъ Максимилианъ съ войскомъ еще паходился въ предѣлахъ государства, то посольству поручено было признать того, чья партія окажется побѣдительною. Однако, уже съ открытія засѣданій сейма, Жомойтскій епископъ, также Янъ Кишка и Остафій Воловичъ, которые искренно стояли на сторонѣ партіи Сигизмунда, явились къ королю и принимали участіе въ засѣданіяхъ сейма. Литовцы хлопотали болѣе всего о двухъ предметахъ, т.-е. о Ливоніи, которую они хотѣли раздѣлить съ Польшею на двѣ равныя части, и о подтвержденіи своихъ правъ, которыя они редактировали такъ, что почти совершенно устранили поляковъ изъ Литвы, что казалось весьма тяжкимъ для Польскаго государства. Когда же съ большою неохотою коронныя чины согласились на эти условія, т.-е., во-первыхъ, на совмѣстное обладаніе Ливоніею, то литовцы, не зная, чѣмъ окончится походъ противъ Максимилиана, стали оттягивать дѣло подъ различными предлогами».

«Пославши въ войско (которое должно было сражаться съ приверженцами Максимилиана) довѣренныхъ лицъ, литовцы поручили имъ немедленно, какъ только произойдетъ сраженіе, извѣстить объ исходѣ битвы черезъ особо для того разставленныхъ по дорогѣ верховыхъ. Такимъ образомъ, они ранѣе всѣхъ узнали о рѣшительной побѣдѣ, одержанной приверженцами Сигизмунда надъ партіей Максимилиана. Заявляя въ то же время намѣреніе покинуть сеймъ и угрожая иными способами, Литовцы успѣли, ранѣе чѣмъ пришло извѣстіе о побѣдѣ, вынудить (*consensum exgriment*) отъ польскихъ чиновъ согласіе на свои требованія. Добившись исполненія своихъ требованій, послы тотчасъ же отъ имени всей Литвы принесли присягу Королю» ¹⁾).

Сходно съ этимъ изображаются событія на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г. и въ сочиненіи извѣстнаго историка Нѣмцевича, показанія котораго имѣютъ важность потому, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ дневникъ сейма 1588 г. ²⁾. «Въ теченіе всего избирательнаго періода, говоритъ Нѣмцевичъ, дѣйствія литовскаго народа во всѣхъ отношеніяхъ были скрытны и осторожны. Тонкая осторожность выдержана была ими съ замѣчательнымъ тактомъ до самаго конца. Важнѣйшіе изъ литовцевъ, собравшись въ Брестъ-Литовскомъ, спокойно ожидали, на чью изъ двухъ борющихся сторонъ склонится военное счастье, готовые примкнуть къ той сторонѣ, которая окажется побѣдительницею. Хотя Коронные чины и написали къ нимъ послѣ пріѣзда Сигизмунда, чтобы они соединились съ ними и приступили къ обсужденію государственныхъ нуждъ, литовцы, однако, оттягивали свое участіе, и только тогда, когда Максимилианъ удалился изъ предѣловъ Польши и открылись засѣданія сейма, явились въ Краковъ: Глѣбовичъ, воевода Троцкій, Бишка, староста Жомойтскій, Тальвошъ, каштелянъ Жомойтскій, двое Сапѣгъ, воевода Минскій и Подканцлеръ Литовскій, и отъ

¹⁾ R. Heidensteinii, Secretarii Regii. Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII. Francofurti a. d. M., 1672. Liber Nonus p. 284, col. 1.

²⁾ J. H. Niemcewicz. Dzieje panowaniu Sygmunta III, w Warszawie, 1819, pag. 161 и слѣд.

псяхты также явилось не мало представителей. На первой аудіенціи у Короля воевода Глѣбовичъ жаловался отъ имени Литвы, что избраніе короля и его коронація произошли безъ нихъ (Литовцевъ), что когда, въ ихъ отсутствіи, вынимали королевскія регаліи, то при этомъ сорваны были литовскія печати; затѣмъ Глѣбовичъ прочелъ требованія Литвы, главнѣйшими изъ которыхъ были: Присоединеніе всей Ливоніи къ Литвѣ и заключеніе на 15 лѣтъ союза съ Великимъ Княземъ Московскимъ».

«Первое изъ этихъ домогательствъ было неправильнымъ уже потому, что хотя Литва и много содѣйствовала къ покоренію Ливоніи, но и Поляки не менѣе литовцевъ принимали участіе въ этой экспедиціи. Заключеніе такого продолжительнаго союза съ Великимъ Княземъ Московскимъ несогласно было съ намѣреніями Сигизмунда или, лучше сказать, съ интересами его отца, Короля Шведскаго. Одной изъ самыхъ важнѣйшихъ выгодъ, которой ожидалъ Янъ III отъ восшествія своего сына на польскій престолъ, была энергичная помощь противъ Московскаго Князя; чѣмъ сильнѣе терпѣлъ онъ отъ жестокихъ нападеній его на Швецію, тѣмъ энергичнѣе поручалъ сыну, чтобы тотъ не вступалъ ни въ какіе договоры съ Москвою и вообще всегда имѣлъ на готовѣ силы для ея усмиренія».

«Пользуясь нежеланіемъ поляковъ и Короля удовлетворить ихъ требованіямъ, литовцы проволакивали время своею настойчивостью и предъявленіемъ новыхъ и новыхъ требованій. То домогались они, чтобы Литвѣ принадлежала вся Ливонія, то соглашались, чтобы имъ сейчасъ была уступлена только половина этой страны, а раздѣлъ другой части обѣщали ожидать до будущаго сейма. Но когда дѣло склонялось къ соглашенію, они поднимали новый вопросъ о Бурляндіи. Эти медлительные споры тянулись отъ 10 по 27 января; а въ этотъ день Литовцы пришли съ заявленіемъ, что если Король и чины не пожелаютъ исполнить ихъ требованій, то они принуждены будутъ попрощаться и уѣхать домой. Удивленные этимъ неожиданнымъ рѣшеніемъ, коронные чины, опасаясь, чтобы отказомъ Литвы отъ принесенія присяги не была бы ослаблена

законность избранія Сигизмунда, вымогли у Короля, хотя и съ большими затрудненіями, согласіе на продленіе перемирія съ Москвою, а Ливонія была признана общою собственностью обоихъ народовъ. Послѣ подписанія (Королемъ) согласія (на ихъ требованія), Литовцы тотчасъ же принесли присягу Королю, а Сигизмундъ также подтвердилъ присягою свободу Литвы. Едва окончились эти церемоніи, какъ пришло извѣстіе о побѣдѣ Замойскаго и о взятіи Максимилиана въ плѣнъ».

«Тогда лишь пожалѣли поляки о томъ, что поспѣшили своимъ соглашеніемъ съ Литвою, тѣмъ болѣе пожалѣли, когда узнали, благодаря какой остроумной выдумкѣ побѣдили Литовцы, а именно: постоянно неувѣренные, при комъ останется кормило правленія, литовцы разставили отъ Кракова и до войска гетмана (Замойскаго) свою шляхту на перемѣнныхъ лошадяхъ, съ приказаніемъ какъ можно скорѣе увѣдомить о судьбѣ сраженія. Получивъ увѣдомленіе объ исходѣ сраженія за полтора дня ранѣе Поляковъ, сохраняя это извѣстіе въ тайнѣ и угрожая своимъ отъѣздомъ, Литовцы вынудили у Поляковъ исполненіе тѣхъ своихъ требованій, которыя принуждены были бы принять въ гораздо менѣе выгодной формѣ, еслибы извѣстіе о побѣдѣ было получено ранѣе¹⁾».

На основаніи этихъ данныхъ, мы въ правѣ утверждать, что конституція 1588 г. была обсуждена и принята на сеймѣ безъ Литовскихъ депутатовъ, такъ какъ только 27 января они принесли отъ имени всей Литвы присягу на вѣрность Королю, а 28 января Король — «на соймѣ Коронацыи его Королевское милости, кгда при отдаваньи черезъ пословъ отъ всихъ становъ народу Великаго Бняжства Литовскаго подданьства его Королевское милости присегу, при Коронацыи учиненую, на права и свободы Великому

¹⁾ Не менѣе характерно выражается объ этомъ еще одинъ изъ современниковъ, Іоах. Бѣльскій. Послы Литовскіе „выторговали у насъ половину Лифляндіи за то, что вмѣстѣ съ нами не выбирали короля и свой новый Статутъ, который они сочинили главнымъ образомъ противъ поляковъ, съ которыми вмѣстѣ живутъ, всучили королю для подтвержденія присягою“. J. Bielski. Dalszy ciąg kroniki Polskiej 1587—1598. Wrs., 1851.

Бнязству Литовскому, Король, его милость, повторить такъ тежъ и Статутъ новоправленный утвердити — рачиль» ¹⁾).

До принесенія присяги Литовскіе чины не могли принимать участія въ засѣданіяхъ сейма, а по принесеніи присяги для нихъ было поздно принимать участіе въ обсужденіи тѣхъ законопроектовъ, которые уже были рассмотрѣны въ сеймовыхъ засѣданіяхъ, да въ тому же у нихъ оставалось для этого всего одинъ или два дня, т.-е. 29 и, можетъ быть, 28 января, такъ какъ 30 января конституція была утверждена Королемъ.

Можетъ показаться страннымъ, почему же Литовскіе чины дали такъ легко согласіе на постановленіе этой конституціи? Отвѣтъ на это чрезвычайно простъ: Конституція, напечатанная въ *Volumina legum* — дефектна. Въ ней напечатаны только законы, касавшіеся Польши, законы же принятые на этомъ коронаціонномъ сеймѣ и касавшіеся Литвы не попали въ *Volumina legum*, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что монахи Піары, редактировавшіе это изданіе, считали себя въ правѣ включить въ свой сборникъ лишь тѣ юридическіе акты, которые были ранѣе напечатаны, а потому не считали нужнымъ справляться съ рукописными подлинниками законовъ, хранившихся или въ государственныхъ архивахъ Польши и Литвы, или въ архивахъ тѣхъ мѣстныхъ учреждений, въ которыя вносились тексты конституцій непосредственно, или же путемъ переноса изъ оригинальныхъ книгъ.

Всякому, кто имѣлъ въ рукахъ тѣ изданія Литовскаго Статута, въ которыхъ припечатанъ «Трибуналъ», невольно бросалось въ глаза, что вслѣдъ за статьею, «Мѣста засѣданій, опредѣленные для главныхъ судовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ», шелъ заголовокъ: «Исправленіе этого артикула, изданное на коронаціонномъ сеймѣ короля его милости Сигизмунда III, въ Краковѣ въ 1588 г., февраля 1-го дня».

Напрасно мы искали бы этого артикула въ *Volumina legum*. — Не менѣе страннымъ представляется и тотъ фактъ, что конституція 1588 г. ничего не говоритъ объ утвержденіи статута.

¹⁾ М. Л. Суд. дѣлъ, № 64, л. 174.

Прежде чѣмъ мы представимъ объясненіе этихъ фактовъ, позволимъ себѣ небольшую справку изъ *Volumina legum*, а именно, какимъ образомъ утверждались и обнародовывались законы въ Литвѣ до 1588 г.

До 1588 г. каждый новый законъ скрѣплялся подписью короля Польскаго, великаго князя Литовскаго, и приложеніемъ печати; обнародованіе же закона производилось разсылкою самого текста закона мѣстнымъ правительственнымъ органамъ, такъ, напримѣръ, произошло утвержденіе и обнародованіе закона относительно новыхъ главныхъ судовъ или «Трибунала великаго княжества Литовскаго» въ 1581 г. ¹⁾. Въ *Volumina legum*, до введенія въ 1590 г. (а не въ 1591 г., какъ утверждаетъ г. Пташицкій) особаго отдѣла специально для Литовскихъ законовъ, содержаніе опредѣленій, касавшихся Литвы, передавалось кратко, въ видѣ однихъ только заголовковъ къ законамъ. Припечатаніе закона не входило въ составъ признаковъ, дѣлавшихъ его источникомъ права.

Мы видимъ, что даже въ 1588 г. отъ сеймовыхъ конституцій требуется только, чтобы послѣ принятія и изложенія ихъ письменно на сеймѣ, они были бы подписаны сенаторами, и депутатами, особо для того избранными отъ Посольской избы; послѣ чего текстъ конституцій долженъ былъ быть представленъ въ канцелярію короля и въ присутствіи этихъ, особо уполномоченныхъ лицъ, читанъ передъ королемъ, причемъ печатники, т.-е. канцлеръ или подканцлеръ, должны были, испросивъ на то согласіе короля ²⁾, членовъ Государственнаго Совѣта и депутатовъ приложить къ этимъ конституціямъ государственныя печати. Обращаясь теперь къ книгамъ королевской канцеляріи, мы видимъ, что: утвержденіе Литовскаго Статута 1588 г., измѣненіе нѣкоторыхъ артикуловъ трибунала, назначеніе на содержаніе двора г. Бреста, Гродно и проч., составляли интегральную часть конституцій 1588 г., образуя въ ней лишь особый отдѣлъ; что эти постановленія своевременно были обнародованы; слѣдовательно для нихъ

¹⁾ *Volumina legum*. Т. II. л. 1020.

²⁾ *Vol. leg.*, т. II, л. 1209.

существуютъ на лицо всѣ тѣ требованія, которыя могли быть предъявлены къ закону. Въ книгахъ королевской канцеляріи великаго княжества Литовскаго, т.-е. въ книгахъ Метрики Литовской за 1585—1589 гг., мы встрѣчаемъ на 242 л. (об.) документъ слѣдующаго содержанія: «Сигизмундъ III, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, и проч.» «доводимъ до свѣдѣнія всѣхъ, что господа сенаторы и рыцарство великаго княжества Литовскаго на сеймѣ Нашей коронаціи, съ дозволенія всѣхъ чиновъ, гарантировали себѣ нижеслѣдующее, а мы также желаемъ имѣть оное для нихъ за ненарушимое право: во-первыхъ, Статутъ правъ великаго княжества Литовскаго, вновь исправленный особо для того выбранными депутатами отъ чиновъ Великаго Княжества Литовскаго, представленный намъ на коронаціонномъ сеймѣ для утвержденія, мы утверждаемъ и предоставляемъ пользоваться имъ, согласно привилегіи нашей, изданной для обывателей великаго княжества Литовскаго, соотвѣтственно ихъ правамъ, на русскомъ языкѣ, обязуясь привести его какъ можно скорѣе въ дѣйствіе, и предоставляя имъ свободное исправленіе Статута съ тѣмъ только, чтобы это исправленіе не стояло въ противорѣчіи съ опредѣленіями уніи, такъ точно, какъ и этотъ Статутъ не долженъ ни въ чемъ вредить договору объ уніи». — Далѣе идетъ та конституція «О трибуналѣ великаго княжества Литовскаго, о которой рѣчь была выше; затѣмъ слѣдуетъ утвержденіе постановленій кантуровыхъ судовъ, дѣйствовавшихъ въ междоусобицѣ послѣ Стефана Баторія и, наконецъ, обязательство короля не отдавать никому въ безотчетное пользованіе: Старостовъ Бережійскаго, Кобринскаго, Городенскаго, Олиты, державы Могилевской, Шовленской и т. д., предоставленныхъ на содержаніе короля «за постановленьемъ и зезволеньемъ всихъ становъ великаго княжества Литовскаго» ¹⁾ «отъ Речи посполитой Великаго Князства Литовскаго» ²⁾).

¹⁾ Эта привилегія напечатана впервые въ изданіи Вил. Археографической Коммиссіи, т. VI, № 122, подъ неполнѣ точнымъ заглавіемъ и годомъ; оригиналъ же находится въ Метр. Литов., Судныхъ Дѣлъ, № 73, л. 242 слѣд.

²⁾ Мет. Литов. Записей, № 75, л. 219 (b).

Эти документы выданы 1-го февраля 1588 г.

Того же года и числа мы встрѣчаемъ въ тѣхъ же книгахъ еще слѣдующіе документы: Привилегію, изданную на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, на признаніе одинаковыхъ правъ на Лифляндію Польшѣ и Великому Княжеству Литовскому ¹⁾.

Изъ только что приведенныхъ документовъ несомнѣнно вытекаетъ, что Статутъ Литовскій былъ не только утвержденъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г. съ согласія всѣхъ чиновъ, бывшихъ на сеймѣ, но и внесенъ въ книги королевской канцеляріи, скрѣпленъ королевской печатью и снабженъ подписью Льва Сапѣги, подканцлера великаго княжества Литовскаго, однимъ словомъ утвержденъ такъ, какъ утверждались всѣ остальные законы и, въ частности, конституція 1588 г.

На коронаціонномъ сеймѣ король для литовскихъ чиновъ вторично принесъ присягу на ненарушимость «правъ и свободъ великаго князства Литовскаго», но такъ какъ на основаніи Уніи 1569 г. такія подтвержденія правъ должны были быть изображаемы на письмѣ совмѣстно для Польши и для Литвы,—то вотъ почему эту привилегію литовцевъ мы должны искать въ *Volumina legum*; здѣсь мы встрѣчаемъ эту привилегію подъ названіемъ «Генеральное подтвержденіе правъ отъ 8-го января 1588 г.» ²⁾. Естественно, что это подтвержденіе правъ было одною изъ частей конституціи 1588 г.

Отсутствіе же приведенныхъ выше текстовъ въ печатныхъ изданіяхъ объясняется съ большею вѣроятностію тѣми обстоятельствами, при которыхъ литовскіе депутаты добились исполненія своихъ требованій, а также и тѣмъ, что текстъ литовскихъ конституцій 1588 г. написанъ по-русски, а законы, т.-е. *Volumina legum*, печатались по-польски.

Въ виду всего вышесказаннаго, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, конституція 1588 г., напечатанная въ *Volumina*

¹⁾ Тамъ же, листъ 215.

²⁾ Vol. legum, II, 1201—1204.

legum, имѣла въ виду королевство польское, а не Литву. Что видно и изъ самаго содержанія артикуловъ этой конституціи.

Для доказательства этого положенія я укажу прежде всего, какіе изъ артикуловъ, опредѣляя чисто мѣстные и временные интересы королевства польскаго, внѣ всякаго спора не могли относиться къ Литвѣ: изъ 93 артикуловъ конституціи 1588 г. такихъ артикуловъ будетъ 53 ¹⁾.

¹⁾ А именно: § 6, о прекращеніи процессовъ объ отысканіи изъ частнаго владѣнія неправильно рожденныхъ въ Русскомъ воеводствѣ (Польшѣ) столовыхъ имѣній. § 9, о комиссіяхъ и комиссарахъ для разграниченія имѣній,—такъ какъ въ немъ говорится о старостѣ не имѣющемъ осѣлости въ Коронѣ. § 13, о выкупѣ заложенныхъ имѣній о чемъ апелліація въ трибуналъ, засѣдающій въ Великой Польшѣ. § 19, о поимкѣ и заключеніи въ тюрьму шляхтича,—такъ какъ счетъ на гривны, монету Польскую. § 22, о предметахъ касающихся чести — по той же причинѣ. § 36, о соляныхъ копахъ въ Величкѣ и Бохнін. § 39, о храненіи кварцянныхъ денегъ, такъ какъ въ немъ говорится только о коронномъ подскарбіи и о томъ, что при немъ долженъ состоять староста Равскій, обязанный хранить эти деньги въ Равѣ. § 40, о мелкой монетѣ, такъ какъ въ немъ говорится о воспрещеніи ввоза легко-вѣсовой монеты въ Корону, относительно же Литовской монеты постановляется, чтобы, въ виду ея полновѣсности, дозволить ей свободное обращеніе въ Королевствѣ Польскомъ. § 41, о процессѣ противъ бунтовщиковъ, такъ какъ въ немъ имѣются въ виду сторонники эрцгерцога Максимилиана, сражавшіеся въ предѣлахъ Польши, во время выработки этой конституціи, съ войсками сторонниковъ Сигизмунда III. § 42, о полномочіи коронному гетману Замоискому, отправленному съ войскомъ противъ эрцгерцога Максимилиана. § 43, о вознагражденіи понесшихъ убытки Краковскихъ обывателей. § 44, о депутатахъ для собиранія кварцянной подати; депутаты эти изъ польскихъ чиновъ были назначены артикуломъ 44 въ помощь коронному Подскарбію и старостѣ Равскому, въ Литвѣ же сборомъ кварцянной подати вѣдалъ подскарбій земскій Великаго Княжества Литовскаго и хранилась эта подать въ Вильнѣ, какъ это видно изъ конституціи 1590 г.—§ 45, объ освобожденіи отъ вѣрдумковъ и т. д. земли Вшовской (въ Польшѣ). § 46, о подтвержденіи правъ Кіевскихъ, Волынскихъ и Брацлавскихъ, т.-е. земель составившихъ въ 1569 г. часть королевства Польскаго. § 46, о феодальныхъ имѣніяхъ Русскихъ и Подольскихъ, т.-е. въ Галиціи и въ Подоліи, составляющихъ часть Польши. § 47, о судѣ надъ разбойниками въ Русскомъ воеводствѣ. § 48, о судѣ надъ крестьянами, виновными въ разбояхъ и воровствѣ въ воеводствѣ Подольскомъ. § 49, о вотчинахъ Бѣльскихъ, расположенныхъ въ воеводствѣ Бѣльскомъ, въ Польшѣ. § 50, объ утвержденіи градскаго суда въ Цѣхановѣ, въ воеводствѣ Мазовецкомъ, въ Польшѣ. § 51, о дѣлахъ новгородныхъ и суррогаторскихъ земель Нурской, Островской и Каменецкой и дозволеніе имъ имѣть подкоморія, всѣ эти земли находятся въ Польшѣ. § 52, объ актахъ градскаго Вискаго суда въ Польшѣ. § 53, объ уничтоженіи Подляшскихъ таможенныхъ пошлинъ,—съ 1569 г. Подляшье принадлежало Польшѣ. § 54, объ отиѣнѣ вызова въ судъ относительно земскихъ имѣній въ Подляшскомъ воеводствѣ. § 55, о солдатахъ, постановлено

Обращаясь къ содержанію остальныхъ артикуловъ, о которыхъ мы не имѣемъ никакихъ указаній, относились ли они къ Великому Княжеству Литовскому или же нѣтъ, мы можемъ сдѣлать лишь три слѣдующія предположенія т.-е. или, во-1-хъ, всѣ эти опредѣленія Конституціи 1588 г. касались только Польши, или, во-2-хъ, всѣ они касались не только Польши но и Литвы, или, въ-3 хъ, нѣкоторыя изъ нихъ касались только Польши, а нѣкоторыя Литвы и Польши.

Если принять первое предположеніе, то говорить конечно о приложеніи этихъ законовъ къ Литвѣ совершенно излишне.

Если же принять второе предположеніе, то мы должны будемъ признать, что § 14 Люблинской уніи и всѣ *pacta conventa* и

по ходатайству пословъ земель Русской и Подольской. § 58, объ ассесорскомъ судѣ, относится къ Польшѣ, такъ какъ воспрещеніе иска противъ судьи обложено штрафомъ въ 40 марокъ, а въ Литвѣ счетъ велся на копы грошей. § 59, о чиненіи исковъ въ ассесорскомъ судѣ, относится также въ Польшѣ, такъ какъ въ немъ говорится объ апелляціи на „вѣча“, а такого рода судовъ въ Литвѣ не было. § 62, о назначеніи мѣстъ судамъ земскимъ Краковскимъ. § 63, о храненіи Хенцинскихъ актовыхъ книгъ; Хенцинскій повѣтъ въ Польшѣ. § 64, о храненіи актовыхъ книгъ Люблинскаго трибунала и Люблинскаго земскаго суда. § 65, о засѣданіяхъ Познанскаго земскаго суда въ Польшѣ. § 66, о засѣданіяхъ судовъ Кчинскаго и Накельскаго. § 67, о засѣданіяхъ судовъ Бжескаго и Влоцлавскаго. § 68, о засѣданіи суда Черскаго. § 69, о засѣданіи суда Рожанскаго. § 70, о засѣданіи суда Висскаго. § 71, о засѣданіи суда Сендомирскаго. § 72, о засѣданіяхъ суда Пшемысльскаго. § 73, о засѣданіяхъ суда Саноцкаго. § 74, о засѣданіяхъ суда Люблинскаго. § 75, о засѣданіяхъ суда Вольскаго. § 76, о засѣданіяхъ суда Подляскаго. § 77, о представленіи панамъ Баторіямъ права гражданства въ Польшѣ. § 78, о пожалованіи вотчинъ Канцлеру и Гетману Коронному. § 79, о подтвержденіи пожалованія короля Стефана Баторія въ Лифляндіи правъ Пеніонжеку. § 80, о подтвержденіи пожалованія короля Стефана Баторія въ Лифляндіи Юрію Фаренсбеку. § 81, объ освобожденіи отъ подводной повинности нѣкоторыхъ городовъ, опять таки Польскихъ, т.-е. Кракова, Познани и Львова. § 82, объ уравниеніи въ правахъ должностныхъ лицъ изъ мѣщанъ во Львовѣ и Варшавѣ съ Краковскими. § 85, объ иностранцахъ, торгующихъ изъ складовъ, касается также только Польши, такъ, какъ въ немъ дважды употребляется слово Корона въ смыслѣ территориальной единицы. § 86, о складѣ въ Познани. § 87, о приведеніи въ лучшій порядокъ г. Познани. § 90, о мѣрѣ для русской соли,—такъ какъ въ немъ говорится о соли привозимой изъ нынѣшней Галиціи, бывшей въ то время частью Польши. § 91, объ оцѣнкѣ бѣжавшихъ крестьянъ, относится также къ Польшѣ, такъ какъ крестьяне оцѣниваются на гривны, а не на копы, какъ было въ Литвѣ.

присяги Королей избранниковъ были ничѣмъ инымъ, какъ на-
смѣшкою надъ существованіемъ Литовскаго права.

Достаточно было бы въ конституціи помѣстить какое угодно
опредѣленіе, прямо или косвенно противорѣчащее Литовскому ста-
туту и земскимъ обычаямъ, для того, чтобы соотвѣтственное опре-
дѣленіе Литовскаго права прекратило свое существованіе.

Но Литовцы смотрѣли на свои права совершенно иначе. Когда
въ маѣ 1600 года по дѣлу пановъ Нарушевичей съ державцею
Лодзейскимъ отвѣтчикъ, незаконно присоединившій къ Велико-Кня-
жескимъ имѣніямъ, т.-е. державѣ Лодзейской, земли пановъ Нару-
шевичей, требовалъ разсмотрѣнія этого дѣла на сеймѣ, имѣя въ
виду постановленія сеймовыхъ конституцій, — вѣроятно конституцій
1576 г. «О кадукахъ и ваканціяхъ», — то представитель интересовъ
Нарушевичей возражалъ ему слѣдующимъ образомъ: «Опредѣленія
Литовскаго права по этому вопросу совершенно достаточны и сей-
мовою конституціею въ этомъ пунктѣ не отмѣнены, а потому
отвѣтчики не могутъ ему не подчиняться и отзываться со своимъ
дѣломъ на сеймѣ» ¹⁾. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ сослался
на состоявшееся ранѣе по этому же имѣнію рѣшеніе Задворнаго
суда временъ Стефана Баторія ²⁾, отъ 1586 года, марта 18, изъ
котораго видно, что по совершенно аналогичному случаю, т.-е. по
поводу захвата державцею Довегялишскимъ части имѣнія Нару-
шевичей, Стефанъ Баторій призналъ Задворный судъ компетентнымъ
и вмѣстѣ съ нимъ постановилъ рѣшеніе по данному дѣлу.

Точно также смотрѣли на значеніе Литовскаго Статута и другіе
практики XVII вѣка, напримѣръ, тотъ же самый Гавловицкій, ко-
торый въ 1619 г. во второмъ изданіи Польскаго перевода Литов-
скаго Статута, впервые подводилъ подъ артикулы Статута вы-
держки изъ разныхъ напечатанныхъ ранѣе конституцій, оговари-
вается, что дѣлаетъ эти выдержки по образцу «конкорданцій»

¹⁾ Метр. Лит., Суд. дѣлъ, № 74, л. 198—199.

²⁾ Ib., № 65, л. 165(b)—174.

(къ священному писанію), т.-е. только для сравненія, текстъ же Статута признаеть неприкосновеннымъ ¹⁾).

Равнымъ образомъ и Литовская шляхта, успѣвшая въ 1588 г. отстоять, благодаря своей ловкости и энергіи, Статутъ 1588 г. въ невыгодной для Поляковъ редакціи, продолжала и въ XVIII вѣкѣ, смотрѣть на свой статутъ, какъ на драгоцѣннѣйшее достояніе, завѣщанное предками, о чемъ она, какъ мы видѣли, торжественно заявляла устами Гродненскихъ дворянъ въ инструкціи денутатамъ на сеймъ 1780 г. ²⁾).

Хотя доказательствомъ того, что многіе изъ остальныхъ 39 артикуловъ конституціи 1588 г. относятся только къ Польшѣ, служить отсутствіе упоминанія въ нихъ о Литвѣ, и сомнѣвающемуся необходимо по каждому изъ этихъ артикуловъ доказать противное: но такъ какъ гораздо легче утверждать, что если въ конституціи ничего не говорится о томъ, что она распространяется на Великое Княжество Литовское, то *eo ipso* конституція эта непремѣнно дѣйствуетъ и въ Литвѣ, мы постараемся стать на эту точку зрѣнія и посмотримъ, насколько она примѣнима къ конституціи 1588 г.

Возьмемъ, напримѣръ, § 11 «О неправильно захваченныхъ королевскихъ имѣніяхъ».

Согласно конституціи 1588 г., эти дѣла король разбираеть съ сенаторами (панами радами) и депутатами земскихъ пословъ, т.-е. на сеймѣ,—обращаясь же къ Литовскому Статуту 1588 г., мы въ раздѣлѣ I, артикулѣ 15, встрѣчаемъ постановленіе, въ коемъ сказано, что дѣла этого рода разсматриваются Королемъ (Великимъ Княземъ), при соучастіи только сенаторовъ (пановъ Радъ) и только въ Литвѣ.

Слѣдовательно, для рѣшенія дѣлъ одного и того же рода признаются компетентными два совершенно различные суда.

¹⁾ Statut W. X. L. . . . a teraz po drugi roz Polskiem ięzykiem do druku podany z pokazaniem w czym Statuta Korony Polskiej z Statutem W. X. L. są zgodne, w czym *rozne*: тексту Samego Statutu, niwczym nie odmielniać.

²⁾ Акты Вил. Ар. Ком., т. VII, № 32, стр. 386, § 11.

Въ слѣдующемъ, 12, параграфѣ «О приданомъ сестеръ» опредѣляется, что братья обязаны незамужнимъ сестрамъ назначить приданое съ совѣта и согласія двухъ родныхъ со стороны отца и двухъ со стороны матери, по своему усмотрѣнію и по совѣсти; въ Литовскомъ же Статутѣ 1588 г. постановлено, что братья обязаны дать своимъ незамужнимъ сестрамъ приданое изъ четвертой части отцовскаго имущества, предназначенной по закону для приданого дочерямъ ¹⁾.

Возьмемъ § 18 конституціи 1588 г. «О дуэляхъ»: Изъ него мы видимъ, что за вызовъ шляхтичемъ шляхтича на дуэль безъ Королевскаго разрѣшенія, виновный подвергается заключенію въ тюрьмѣ и уплатѣ 60 гривенъ; по Литовскому же Статуту, вызвавшій на дуэль и даже причинившій противнику раны подвергается только заключенію въ тюрьмѣ, а штрафа не платитъ ²⁾.

Возьмемъ далѣе § 19 «О шляхтскихъ ранахъ» и мы увидимъ, что этотъ и слѣдующій § безусловно касаются только Польши, такъ какъ штрафы въ нихъ исчисляются на Польскую монету. Предположимъ, однако, что это обстоятельство и отсутствіе упоминанія о Литвѣ—обстоятельства второстепенныя. Но если мы обратимся къ содержанію этихъ положеній, то убѣдимся въ полной невозможности распространять дѣйствіе этихъ положеній и на Литву: Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи этого § за усѣченіе cadaго пальца назначается 50 гривенъ, за выбитіе cadaго зуба по 20 гривенъ, за причиненіе неизлѣчимаго увѣчья руки, ноги, глаза, а также отрубленіе носа уплачивается половина головщины; между тѣмъ по Литовскому Статуту: «Кто бы какому бы то ни было шляхтичу или шляхтянкѣ отрубилъ или отрѣзалъ руку, ногу, носъ, ухо или губу, или же вырубилъ или выбилъ глазъ или зубы, или же ослѣпилъ и оказался въ томъ виноватъ по суду, въ такомъ случаѣ онъ подвергается наказанію по началу тальона, т.-е. око за око и зубъ за зубъ, да сверхъ того съ него взыска-

¹⁾ Раздѣлъ V, арт. 3.

²⁾ Раздѣлъ XI, арт. 14.

ваютъ въ пользу потерпѣвшей стороны 50 копъ грошей за всякій изувѣченный членъ ¹⁾).

Обратимся къ 20 § Конституціи 1588 г. «Для лучшаго исполненія Статутовъ» (Польскихъ) противъ убійцъ плата за голову шляхтича удваивается, т.-е. за убитого холоднымъ оружіемъ назначается двѣсти сорокъ гривенъ, а за убитого изъ ружья—четыреста восемьдесятъ гривенъ и сверхъ того назначается заключеніе въ тюрьмѣ; между тѣмъ по Литовскому Статуту 1588 г. за убійство шляхтича полагается смертная казнь, а родственникамъ убитого уплачивается сто копъ грошей изъ имѣнія убійцы ²⁾).

Такія же несогласимыя противорѣчія существуютъ и въ томъ артикулѣ конституціи 1588 г., который не совсѣмъ правильно озаглавленъ «О выморочныхъ имуществахъ» («O Kadukach»).

Этотъ артикулъ распадается на двѣ части: во-1-хъ, имъ подтверждается опредѣленіе Коронаціоннаго сейма 1576 г. о раздѣлѣ имуществъ, перешедшихъ въ Королевскую казну по праву выморочному, по записи, даренію, или по какому бы то ни было способу и основанію, во-2-хъ, опредѣляется, что выморочное право наступаетъ для казны только въ томъ случаѣ, когда къ имуществу нѣтъ наслѣдниковъ обоого пола изъ той или другой линіи, до 8-й степени включительно.

Обѣ части этого артикула находятся въ полномъ противорѣчій съ положеніями Литовскаго Статута 1588 года, такъ какъ разрѣшеніе споровъ объ имѣніяхъ, отходящихъ въ казну имѣло мѣсто въ Литвѣ передъ Задворнымъ судомъ ³⁾, а въ Польшѣ на сеймѣ, согласно разсматриваемому артикулу конституціи 1588 г.

Вторая часть § говоритъ о наступленіи выморочности въ томъ случаѣ, если наслѣдники находятся къ наслѣдодателю въ прямой линіи, въ степени болѣе отдаленной, нежели восьмая; по Литовскому же Статуту имущество становится выморочнымъ только тогда, когда у наслѣдодателя нѣтъ рѣшительно никакихъ родственниковъ.

¹⁾ Лит. Стат. 1588, Разд. XI, ар. 27.

²⁾ Ibidem, Разд. XI, ар. 1 и 27 въ началѣ.

³⁾ Лит. Ст. 1588 г. Разд. I, ар. 15.

На основаніи той теоріи, что всякая конституція, въ которой ничего не говорится о Литвѣ, непременно распространяется и на Литву, только-что приведенныя положенія Литовскаго Статута 1588 г. должны считаться отмѣненными.

Какія же для того имѣются основанія?

Какой же смыслъ утвержденія Статута въ законодательномъ порядкѣ, если черезъ два дня рядъ важнѣйшихъ его опредѣленій безъ всякой оговорки отмѣняется конституціею, въ выработкѣ которой Литовскіе чины начинаютъ принимать участіе какъ разъ послѣ того, какъ для нихъ утвержденъ Литовскій Статутъ?

Бъ чему было употреблять Литовцамъ такія усилія, тратить такъ много энергіи для подтвержденія эфемернаго закона?

Бъ чему было Польскимъ чинамъ противиться утвержденію Статута, если всякое изъ его положеній могло быть такъ легко отмѣнено?

Странными представляются и Литовскіе чины, которые участвуютъ въ составленіи конституціи, отмѣняющей только что приобрѣтенный ими кодексъ и ничего ровно не возражаютъ, не протестуютъ и подписываютъ этотъ законъ безъ всякой оговорки! Можно было бы возразить, съ современной точки зрѣнія, что Литовцы принуждены были покориться, потому что большинство членовъ сейма было на сторонѣ конституціи 1588 г. Но такое возраженіе не имѣетъ никакой силы для Речи-Посполитой не только XVI вѣка, но и позднѣйшихъ временъ.

Всякій законопроектъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ тогда только становился закономъ, когда всѣ члены сейма единогласно его принимали. Всякому сенатору, всякому депутату представлялось *liberum veto* и стоило одному лишь члену законодательнаго собранія воскликнуть «*nie rozwaliam*», чтобы не только какой-либо тотъ или другой законъ, но даже всѣ постановленія сейма становились ничтожными, потому что сеймъ, какъ говорилось тогда, «былъ сорванъ».

Существованіе такого права отдѣльныхъ лицъ, фактъ настолько общеизвѣстный, что о немъ едва ли могутъ быть споры. На вся-

кій случай, позволю себѣ привести одинъ примѣръ ¹⁾, а именно, заявленіе Михаила Гарабурды, посла Минскаго воеводства, что если на евреевъ будетъ наложена подать болѣе 3,000 коп. грошей, то онъ уѣзжаетъ съ сейма и заявляетъ свой протестъ противъ всѣхъ его постановленій ²⁾.

Если такимъ образомъ нельзя предположить, чтобы Литовскіе чины, присутствовавшіе въ 1588 г. съ 28 января по 1 февраля включительно, на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ могли допустить изданіе конституціи, отмѣняющей всѣ тѣ положенія Литовскаго Статута, которыя не согласны съ опредѣленіями конституціи 1588 г., а слѣдовательно упраздняющей и 17 артикуловъ III раздѣла, о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществѣхъ, то подобное равнодушіе Литовскихъ чиновъ къ опредѣленіямъ конституціи 1588 г. должно было имѣть какое-либо основаніе.

Такимъ основаніемъ былъ фактъ существованія Литовскаго Статута, который для Великаго Княжества былъ сводомъ мѣстныхъ законовъ, которые при столкновеніи ихъ съ законами другихъ государствъ вообще и, въ частности, съ законами Поль-

¹⁾ Заимствованъ изъ актовъ Метрики Литовской и приведенъ въ моемъ изслѣдованіи „Литовскіе евреи“. Спб., 1883 г. на стр. .

²⁾ Этотъ протестъ является нечѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ того начала, которое и ранѣе встрѣчается уже въ „*Volumina legum*“. Такъ уже въ конституціи 1581 г. „Артикулы къ законамъ Великаго Княжества Литовскаго“ Vol. leg., т. II, листы 1020 и 1021 „говорятся въ § 47“: „Что же касается постановленія о порядкѣ разбирательства дѣлъ между лицами свѣтскими и духовными, то въ виду того, что теперь на сеймѣ не было никого изъ духовныхъ чиновъ Вел. Кн. Лит., мы оставляемъ въ своей силѣ Статутъ и отлагаемъ разрѣшеніе вышеупомянутаго вопроса до исправленія Статута названнаго государства (т.-е. Вел. Кн. Литовскаго)“.

Если въ этомъ опредѣленіи видна ясно та мысль, что всякій законъ можетъ быть постановленъ не иначе, какъ съ согласія заинтересованныхъ лицъ, то еще яснѣе это видно изъ опредѣленія конституціи 1616 года, а именно: Представители Витебскаго воеводства, не имѣя согласія своихъ довѣрителей на установленіе новой подати, не согласились дать и своего согласія на этотъ пунктъ конституціи, и не смотря на то, что конституція принята была всѣми остальными воеводствами, несогласіе Витебскаго воеводства повело къ тому, что эта подать съ Витебскаго воеводства и не была взскаиваема. Такимъ образомъ, постановленіе общее для всего государства стало ничтожнымъ для той его части, которая не дала на него своего согласія. Vol. leg. т. III, л. 310, § 15.

скими исключали дѣйствіе чужихъ на территорію Великаго Княжества Литовскаго.

Это начало территоріальности дѣйствія закона, признаваемое всѣми современными законодательствами и всѣми учеными авторитетами, какъ, напр., Баромъ ¹⁾, Шеффнеромъ ²⁾, Вехтеромъ ³⁾, Градовскимъ ⁴⁾ и др. было прекрасно извѣстно и Литовскому праву.

Литовскій Статутъ 1588 г., подобно двумъ прежнимъ Статутамъ, признавая единственнымъ источникомъ права для всѣхъ лицъ, находящихся на территоріи Великаго Княжества Литовскаго, только тѣ опредѣленія, которыя были внесены на его страницы, стоя, слѣдовательно, на почвѣ признанія территоріальнаго дѣйствія закона, не могъ конечно не предвидѣть, что опредѣленія его могутъ оказаться со временемъ недостаточными и что въ законахъ окажутся пробѣлы. На этотъ случай Литовскій Статутъ постановляетъ, что судья обязанъ руководиться: во-1-хъ, обычнымъ правомъ, во-2-хъ, опредѣленіями прежнихъ Статутовъ ⁵⁾, въ-3-хъ общимъ смысломъ законовъ ⁶⁾, и въ-4-хъ, примѣненіемъ аналогическихъ положеній иностраннаго права ⁷⁾.

Поэтому утверждать, что «въ случаѣ сомнѣнія» Литовскій судья долженъ обращаться тотчасъ же къ Польскимъ конституціямъ, неправильно такъ, какъ судья долженъ былъ, въ случаѣ отсутствія, неполноты и неясности закона, идти порядкомъ, предписаннымъ въ Статутѣ, т.-е. обратиться прежде всего къ обычаю, затѣмъ къ тексту прежнихъ Статутовъ, общему смыслу законовъ и затѣмъ уже къ законамъ другихъ христіанскихъ странъ ⁸⁾.

¹⁾ Bar. Das internationale Privot und Strafrecht. 1862.

²⁾ Schaffner. Entwicklung des internationalen Privotrecht. 1841.

³⁾ Wächter. Ueber di Collision des Privotrechtsgesetze. Archiv f. d. civil. Grotic. Bd. 24, 25.

⁴⁾ Градовскій, проф. Спб. ун. Курсъ Русскаго госуд. права, т. I.

⁵⁾ Статутъ 1588 г., раздѣлъ III, ар. 17, „Звычайъ стародавнимъ и теж статутомъ первымъ и теперешнимъ“.

⁶⁾ Стат. 1588 г., раздѣлъ IV, ар. 54, „Прихилияючисе до ближшее справедливости, водлугъ сумнѣнья своего“.

⁷⁾ Стат. 1588 г., раздѣлъ IV, ар. 54, „прикладомъ иншихъ правъ христіанскихъ“.

⁸⁾ Слова 17 арт., III разд., въ Статутѣ 1588 г., „статутомъ первымъ и теперешнимъ“ не обозначаютъ ссылку этого статута только на первое изданіе его въ

Кромѣ того въ § «О кадукахъ» конституціи 1588 г. говорится, что «виновный въ доставленіи ложныхъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ онъ претендовалъ на выморочное, якобы, имущество, долженъ быть принужденъ къ возвращенію (неправильно выпрошеннаго имѣнія) и наказанъ судомъ Короннаго Трибунала, согласно закону».

Употребляемое въ этомъ мѣстѣ выраженіе «Коронный Трибуналъ» встрѣчается не случайно, а въ виду именно необходимости пояснить, что все предъидущее постановленіе о выморочныхъ имуществахъ, «О кадукахъ», имѣетъ мѣсто лишь для Польскаго Королевства, а не для Литвы.

Для подтвержденія нашей мысли, обратимся къ средней части постановленія конституціи 1588 г. «О кадукахъ». Опредѣливъ, что шляхетскія имущества не могутъ считаться выморочными до тѣхъ поръ, пока есть представители той и другой линіи до 8-й степени включительно, конституція 1588 г. продолжаетъ, «Сужденіе о томъ, есть-ли данное шляхетское имущество выморочное или нѣтъ, должно быть на сеймѣ. А еслибы, которыя имѣнія поступили къ намъ справедливо и по закону, а на нихъ былъ бы долгъ, въ такомъ случаѣ, прежде всего этотъ долгъ долженъ быть изъ (доходовъ) этихъ имѣній уплаченъ безъ замедленія. О городскихъ же выморочныхъ имѣніяхъ (*mieyskie kaduki*) сужденіе должно быть передъ нами и господами Радами, находящимися въ то время при насъ, въ Задворномъ судѣ (*za dworzem*), согласно городскимъ законамъ (*wedlug praw Mieyskich*)».

Такимъ образомъ, сужденіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ о томъ, будетъ ли данное имущество выморочнымъ или нѣтъ, происходитъ, смотря по принадлежности имущества шляхтичу или мѣщанину, въ двухъ совершенно различныхъ учрежденіяхъ: Для шляхетскаго имущества на сеймѣ, т.-е. Король разсуж-

1529 г., потому что во-1-хъ, слово „первый“ на языкѣ того времени обозначало „прежній, предшествовавшій“, и во-2-хъ, какъ было указано въ моей брошюрѣ, вступительныя строки 17 ар., въ изданіи 1588 г., заимствованы дословно изъ статута 1566 г., когда статутъ 1529 г. былъ дѣйствительно первымъ.

даетъ объ этомъ дѣлѣ и даетъ опредѣленіе вмѣстѣ съ панами Радами (сенаторами) и депутатами отъ шляхты, послами земскими, собранными въ опредѣленномъ заранѣе мѣстѣ на сеймѣ; относительно же мѣщанскихъ имуществъ, Король разрѣшаетъ вопросъ о томъ, — выморочныя они или нѣтъ, только съ панами Радами, которые находятся при немъ въ данный моментъ, т.-е. тогда и въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ угодно Королю.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ рассматривались вопросы о поступленіи въ Королевское распоряженіе всѣхъ имуществъ на основаніи Литовскаго Статута 1588 г. и специальныхъ конституцій, изданныхъ только для Великаго Княжества Литовскаго

Параграфъ 8 конституціи 1588 г. о выморочныхъ имѣніяхъ («О кадукахъ») озаглавленъ, какъ мы видѣли, не вполне точно: Въ немъ говорится не только о правѣ наследованія Короля въ выморочныхъ имѣніяхъ, но и подтверждается еще конституція 1576 г. о раздачѣ имѣній, перешедшихъ къ Королю по праву: выморочному, записи, даренію или какимъ бы то ни было инымъ способомъ.

Обращаясь, затѣмъ, къ конституціи 1576 г., мы видимъ, что Король обязывается имущества, «перешедшія и имѣющія перейти въ Королевскую казну, справедливо и на законномъ основаніи, раздавать благороднымъ заслуженнымъ людямъ обоихъ народовъ. А еслибы возникло какое-либо сомнѣніе относительно правъ Короля, въ такомъ случаѣ сужденіе объ этомъ должно быть на томъ же генеральномъ Коронномъ сеймѣ».

Опредѣляя что всякія имѣнія, поступившія по выморочному или иному какому либо праву въ королевскую казну, будутъ раздаваемы заслуженнымъ шляхтичамъ обоихъ народовъ, конституція ничего однако не говоритъ, чтобы ея опредѣленія распространялось и на Литву: не говоритъ же она по совершенно понятной причинѣ, а именно потому, что уже во второмъ Литовскомъ статутѣ находится опредѣленіе о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ объ имѣніяхъ, поступающихъ въ казну не въ Королевскую, правда, а въ казну Великаго Княжества Литовскаго: А такъ какъ на основаніи Люблинской Уніи: казначейства, государственныя и столовыя имѣнія

королевскія въ Литвѣ и въ Польшѣ признаны были за существующія отдѣльно, то и законы, касавшіеся этихъ отношеній, остались совершенно иными, а именно: Десятый артикулъ Перваго Раздѣла статута 1566 г. опредѣляетъ, что мандаты изъ канцеляріи Великаго Князя, т. е. повѣстки о вызовѣ въ Задворный Судъ, должны быть даваемы по дѣламъ, касающимся доходовъ государевой казны и столовыхъ имѣній ¹⁾. Что эти «мандаты» были именно повѣстками въ Задворный судъ, это видно изъ того обстоятельства, что въ артикулѣ 61 Раздѣла Четвертаго говорится: Апелляціонною инстанціею по дѣламъ отъ судовъ первой инстанціи будетъ судъ самого Великаго Князя, засѣдающаго со своими совѣтниками въ Литвѣ ²⁾. Единственнымъ случаемъ, когда на основаніи Литовскаго права дѣло могло быть разсматриваемо на сеймѣ, былъ случай лишенія жизни и чести шляхтича. Въ Раздѣлѣ I, артикулѣ 4, статута 1566 г. говорится: «Однако по такому преступленію, когда кому либо дѣло идетъ о чести и жизни, этихъ шляхтичей, поданныхъ нашихъ, мы будемъ нигдѣ индѣ, какъ только въ нашемъ здѣшнемъ государствѣ, Великомъ Княжествѣ Литовскомъ на генеральныхъ сеймахъ здѣшняго государства, вмѣстѣ съ господами членами Государственного совѣта судить и, согласно преступленію, наказывать».

Итакъ, въ моментъ изданія конституціи 1576 г., въ Литвѣ дѣйствовалъ статутъ 1566 г. съ только что приведенными опредѣленіями о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ относительно имѣній, поступающихъ въ казну Великаго Княжества Литовскаго. Приложение къ Литвѣ законовъ, противоположныхъ опредѣленію статута, было бы возможно лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы конституціею генеральнаго сейма, съ согласія Литовскихъ чиновъ, порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, опредѣленный Статутомъ, былъ отмѣненъ. А такъ

¹⁾ Лит. Ст. 1566 г., Раз. I, ар. 10. «Въ речахъ и въ пожиткахъ столу и сварбу нашего господарского належачихъ».

²⁾ Тамъ же, Разд. IV, ар. 61. «Мы Господарь отозвы судити маемъ и будемъ съ паны Рады нашими здѣшними Литовскими и въ границахъ того жъ панства нашего Великаго Княжества Литовскаго и въ земляхъ того панства будучи».

какъ такой имѣны ни въ царствованіе Сигизмунда Августа, ни въ царствованіе Генриха Валуа не произошло, то слѣдуетъ принять за несомнѣнное, что всѣ дѣла этого рода рассматривались въ Литвѣ въ Задворномъ судѣ, а слѣдовательно опредѣленіе конституціи 1576 г. о томъ, что дѣла о выморочныхъ имуществѣхъ рассматриваются на сеймѣ, не могло касаться Великаго Княжества Литовскаго, а потому и разъясненіе конституціи 1588 г. касалось въ этомъ отношеніи только Польши, а никакъ не Литвы.

Подтвержденіе приводимому мною взгляду могутъ служить какъ практика судовъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ и постановленія конституціи 1598 г. ¹⁾.

Изъ приведеннаго выше рѣшенія Задворнаго суда Великаго Княжества Литовскаго видно, что дѣло о неправильномъ захватѣ великокняжескими чиновниками земель, принадлежавшихъ шляхтичамъ Нарушевичамъ, было разрѣшено въ царствованіе Стефана Баторія въ Задворномъ судѣ самимъ Королемъ, Великимъ Княземъ, при соучастіи членовъ Государственнаго Совѣта Великаго Княжества Литовскаго, въ противность требованію отвѣтчика, чтобы это дѣло рассматривалось на сеймѣ.

Равнымъ образомъ конституція 1598 г. въ § 32, озаглавленномъ: «О задворныхъ позвахъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ», слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ порядокъ разсмотрѣнія вопросовъ о выморочныхъ имѣніяхъ: «Повѣстки о вызовѣ въ нашъ Задворный судъ должны быть вручаемы шляхтичамъ только по дѣламъ, исчисленнымъ въ Статутѣ и въ Трибуналѣ Великаго Княжества Литовскаго». «А если бы кто, называя какое либо имѣніе выморочнымъ (*kadukiem*), перешедшимъ къ намъ по праву

¹⁾ Г. Пташицкій утверждаетъ („Къ исторіи Литовскаго права послѣ третьяго Статута“, Спб., 1893, стр. 15), что конституція 1598 г. не распространялась на Литву и была сдѣлана обязательно для Литвы лишь въ 1607 г.,—но вѣдь стоило бы только раскрыть *Volumina legum*, т. II; л. 1463. „O pozwiech Zadwornych w W. K. Litewskim“, отъ 1598 г., и совершенно излишне было бы печатать приводимый имъ въ примѣчаніи документъ, такъ какъ ссылка въ документѣ сдѣлана именно на конституцію, относящуюся къ Литвѣ.

наслѣдованія или въ силу прекращенія леннаго права, или же именуя оныя имѣніями, состоящими въ нашемъ распоряженіи, и выпросивъ себѣ (что либо изъ этого), въ нарушение правъ шляхтича собственника, потребовалъ бы (этого) шляхтича въ Задворный судъ, то дѣла такого рода Мы будемъ судить со всевозможною скоростію для того, чтобы шляхтичи не были принуждены слѣдовать (*rowłosezni byli*) безъ нужды за нашимъ дворомъ. Когда же окажется, что права отвѣтчика безспорны, въ такомъ случаѣ истецъ за неправильное привлеченіе шляхтича къ суду объ имуществѣ, которое составляетъ его собственность, долженъ будетъ заплатить отвѣтчику пеню въ 200 копъ Литовскихъ (грошей) и всѣ его издержки, согласно присяжному показанію, данному имъ сейчасъ же, передъ тѣмъ же Задворнымъ судомъ; а если бы отвѣтчикъ не отыскивалъ передъ нашимъ судомъ упомянутыхъ пеней и убытковъ, тогда ему обо всемъ этомъ предоставляется право иска передъ Трибуналомъ» ¹⁾).

Изъ всего вышеуказаннаго вытекаетъ, что заключительныя слова § 8 «О выморочныхъ имѣніяхъ» въ конституціи 1588 г. не только не представляются редакціонною неточностію или ошибкою писцовъ, какъ утверждаетъ г. Пташицкій, но совершенно необходимы въ виду различія Польскаго и Литовскаго права о порядкѣ признанія имущества выморочнымъ.

Въ Польшѣ эти дѣла по существу разсматривалъ сеймъ, а Трибуналу Коронному предоставлялось разсмотрѣніе претензій изъ неправильно предъявленнаго иска; въ Литвѣ же эти дѣла по существу разсматривалъ Задворный судъ, а Трибуналъ вѣдалъ искн о пеняхъ и убыткахъ въ пользу собственника мимо выморочныхъ имѣній, и сверхъ того, высшій судъ въ Польшѣ носилъ техническое названіе, Трибуналъ Коронный, а высшій судъ въ Литвѣ назывался Трибуналомъ В. Бняжества Литовскаго ²⁾).

¹⁾ Vol. leg., т. II, л. 1463, § 32, „O pozwiech zadwornych w Wielkim Xięstwie Litewskim“.

²⁾ Vol. legum, т. III, конст. 1598 г., § 32, конст. 1611 г., § 5, f. 39, конст. 1638 г., § 21, f. 236 и т. д.

Что постановленія конституціи 1588 г. относились къ Польшѣ, а не къ Литвѣ — это вытекаетъ сверхъ того изъ опредѣленій Литовскаго права о пространствѣ дѣйствія Литовскихъ законовъ.

Уже начиная съ перваго Литовскаго статута мы встрѣчаемся съ постановленіемъ, «что всѣ подданные Великаго Княжества Литовскаго какъ убогіе, такъ и богатые, какого бы то ни было чина или состоянія, должны быть всѣ судимы равнымъ образомъ и только тѣмъ писаннымъ правомъ, т. е. Статутомъ Литовскимъ ¹⁾».

Также точно въ артикулѣ 1 Раздѣла VI говорится: «Воеводы и старосты и маршалокъ земскій, и маршалокъ дворный, и державцы, каждый въ своемъ повѣтѣ не имѣютъ права судить Нашихъ подданныхъ иначе, какъ тѣмъ писаннымъ правомъ, которое мы пожаловали всѣмъ Нашимъ подданнымъ Великаго Княжества Литовскаго»; а въ концѣ этого артикула сказано: «А еслибы какіе либо артикулы не были еще внесены въ эти законы (права), то судъ долженъ разрѣшить дѣло, согласно старому обычаю».

Изъ этихъ постановленій «Стараго» Литовскаго статута 1529 г. несомнѣнно, что единственнымъ источникомъ права въ Великомъ Княжествѣ признавался Литовскій Статутъ, а вспомогательнымъ источникомъ обычное право: къ этому послѣднему судья имѣлъ право обращаться лишь въ томъ случаѣ, когда не находилъ соотвѣтствующаго опредѣленія въ правѣ писанномъ.

Эти же самыя начала сохранены и въ послѣдующихъ изданіяхъ Статута, т. е. въ изданіяхъ 1566 и 1588 гг. съ тою лишь разницею, что уже Статутъ 1566 года, не ограничиваясь подчиненіемъ дѣйствию писаннаго права обывателей Великаго Княжества Литовскаго ²⁾, распространяетъ дѣйствіе Литовскаго права и на чужеземцевъ, находящихся на территоріи Великаго Княжества: такъ въ Раздѣлѣ I, арт. 17 онъ говоритъ слѣдующее: «Опредѣляемъ также и желаемъ имѣть за никогда не отиѣняемое, чтобы всѣ подданные наши всѣхъ состояній какъ богатые, такъ и бѣдные, начиная отъ князей, господъ членовъ Государственнаго совѣта —

¹⁾ Статутъ 1529 г. Раздѣлъ 1, артикулъ 9.

²⁾ Лит. Стат. 1566 г. Разд. I, арт. 1.

духовныхъ и свѣтскихъ, господъ хоругвныхъ ¹⁾, шляхты и до нижняго чина были судимы только тѣмъ правомъ, которое отъ насъ имъ пожаловано; и всякія дѣла, начиная отъ чести и жизни, должностей, недвижимой и движимой собственности, и всякихъ дѣлъ поземельныхъ, а также дѣлъ о недвижимомъ и движимомъ имуществѣ, кончая самою ничтожною вещью, должны быть судимы не по иному закону, какъ только на основаніи пожалованнаго имъ Статута. Равнымъ образомъ чужеземцы и люди, пріѣхавшіе изъ-за границы въ Великое Княжество и какимъ бы то ни было способомъ прибывшіе, должны быть судимы по тѣмъ же самымъ законамъ и передъ тѣми же присутственными мѣстами, къ компетенціи которыхъ будутъ относиться ихъ дѣла».

Коммиссія, которой было поручено въ 1569 г. привести Литовскій Статутъ 1566 г. къ возможно большому соглашенію со Статутомъ Польскимъ, не имѣла особенныхъ поводовъ стремиться къ этому соглашенію, такъ какъ Статутъ Польскій, составленный Канцлеромъ Іоанномъ Ласкимъ и утвержденный на Радомскомъ сеймѣ 1505 г., былъ гораздо бѣднѣе по содержанію Литовскаго Статута 1566 г., а согласовать Литовскій Статутъ съ Статутами Гербурта-де-Фульштинъ, Литовскіе депутаты не были обязаны потому, что Статутъ этотъ никогда не получалъ законодательнаго утвержденія. Актъ Люблинской уніи 1569 г. къ тому же далеко не ввелъ единообразія въ основныхъ правахъ Литовцевъ и Поляковъ. § 14 Люблинской уніи 1569 г. ничего не говоритъ о томъ, чтобы «права (польскіе и литовскіе) были взаимно сравнены», а говорить буквально слѣдующее: «Дозволяется Полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ Литвѣ и владѣть оными на всякомъ законномъ основаніи, т.-е. пріобрѣтая ихъ въ приданое за женою, или въ качествѣ выслуги, или покупкою, дареніемъ, въ обмѣнъ, и всякими иными способами, согласно обычаю и земскому праву»; во всякомъ случаѣ, однако, «какъ Поляку въ Литвѣ, такъ и Литовцу въ Польшѣ дозволяется, пріобрѣтать и владѣть имѣніями, согласно

¹⁾ Т.-е., вотчинниковъ, выступавшихъ въ походъ съ самостоятельными отрядами подъ особымъ знаменемъ.

предписаніямъ того закона, въ территоріи дѣйствія котораго лежитъ это имѣніе».

Отсюда видно, что уравненіе, о которомъ идетъ рѣчь, касается только правъ на приобрѣтенія недвижимой собственности, при чемъ въ полной силѣ остаются какъ для права приобрѣтенія, такъ и для права собственности на эти имѣнія опредѣленія мѣстныхъ законовъ.

Пресловутое соединеніе Литвы и Польши на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., какъ видно изъ обнародованныхъ въ настоящее время дневниковъ этого сейма, произошло не такъ добровольно, какъ о томъ говорится въ актѣ Люблинской уніи.

Достаточно взглянуть лишь въ *Volumina legum* на предшествующія акту Люблинской уніи привилегіи о присоединеніи къ Польшѣ земель Подшляшской ¹⁾, Волынской ²⁾ и Кіевской ³⁾, чтобы и безъ дневниковъ убѣдиться въ насильственномъ, противномъ свободѣ, равенству и братской любви, характеру Люблинской уніи: къ Польшѣ присоединяются земли, никогда ей не принадлежавшія, присоединяются насильственно, по распоряженію Короля Сигизмунда Августа и польскихъ государственныхъ чиновъ; присоединяются, несмотря на протесты представителей Великаго Княжества Литовскаго и полную несостоятельность историческихъ титуловъ, на которыхъ основываютъ Поляки свои притязанія ⁴⁾. Только традиціонная приверженность къ Велико-Княжескому дому и уваженіе къ святости присяги остановили Литовцевъ отъ фактическаго сопротивленія этимъ распоряженіямъ того самаго Великаго Князя, который, три года тому назадъ, при изданіи Литовскаго Статута 1566 г., приносилъ торжественную присягу въ томъ, что

¹⁾ Vol. leg., т. II, листъ 742—752.

²⁾ Тамъ же. листъ 752—759.

³⁾ Тамъ же, л. 759—766.

⁴⁾ Такъ, напр., въ актѣ присоединенія къ Польшѣ земли Кіевской говорится: „Кіевъ былъ и есть глава и главный городъ Русской Земли, а... Русская Земля вся съ давнихъ временъ присоединена вмѣстѣ съ другими членами къ Коронѣ Польской нашими предками Королями Польскими“!.. Vol. I., т. II, f. 760.

«земель Великаго Княжества не только не уменьшить, но еще всячески ихъ будеть увеличивать и приумножать».

Понятно само собою, что изданное при такихъ условіяхъ распоряженіе о пересмотрѣ Литовскаго Статута и о приведеніи его къ возможному согласію со Статутомъ Польскимъ должно было оказаться мертворожденнымъ, и мы видѣли уже выше, въ какомъ духѣ было произведено это исправленіе.

Несомнѣнно, что съ 1569 г. законодательными собраніями для всей Речи Посполитой, т.-е. Польши и Литвы, сдѣлались общіе, генеральныя сеймы, состоявшіе изъ представителей обоихъ народовъ; несомнѣнно, что на этихъ сеймахъ издавались законы какъ общаго характера, такъ точно и законы партикулярные; однако существованіе общихъ сеймовъ ничуть не упраздняло существованія мѣстныхъ законовъ.

Изъ числа земель, входившихъ въ составъ Речи Посполитой, не одно только Великое Княжество Литовское пользовалось мѣстными законами, такими законами пользовались: Пруссія, бывшее Мазовецкое герцогство, Лифляндія, земли Волынская, Кіевская и Подляшская. Измѣненіе въ чемъ бы то ни было мѣстныхъ правъ, существующихъ въ этихъ земляхъ, могло происходить и происходило всегда не иначе, какъ на генеральныхъ сеймахъ и при соучастіи заинтересованныхъ сторонъ: такъ, напримѣръ, на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, въ 1576 г., по просьбѣ пословъ Волынскаго воеводства произведены нѣкоторыя измѣненія въ ихъ законахъ ¹⁾, въ томъ же, 1576 г., на Торунскомъ сеймѣ, были утверждены, по просьбѣ обывателей Мазовецкихъ, обычаи Мазовецкой земли, которые отчасти шли въ разрѣзъ съ Польскими, отчасти же ихъ дополняли ²⁾.

Въ 1578 г., при изданіи Короннаго Трибунала для воеводствъ Кіевского, Волынскаго и Брацлавскаго, сдѣланы отступленія отъ общихъ началъ, принятыхъ Конституціею объ учрежденіи Короннаго Трибунала въ виду того, что они «судятся правомъ и Ста-

¹⁾ Vol. leg., т. II, л. 927.

²⁾ Тамъ же, л. 931—950.

тутомъ Литовскимъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено имъ обращаться къ сейму ¹⁾ «въ томъ случаѣ, еслибы явилась необходимость измѣнить что-либо въ этомъ порядкѣ судопроизводства, или же въ чемъ отступить отъ того Трибунала, предоставивъ сужденіе своихъ дѣлъ Намъ».

Понятіе о дерогирующей силѣ всякаго мѣстнаго закона до того было присуще Литовскому законодательству, что въ той же самой конституціи 1633 г., о которой упомянуто выше, постановлено: «Въ виду жалобъ шляхетскаго сословія на причиненіе ему большихъ неудобствъ привилегіями нашего города Вильны, дерогирующими права и свободы шляхты, повелѣваемъ мѣщанамъ Виленскимъ передъ тѣми же сенаторами и депутатами, которые назначены для исправленія законовъ (Литовскихъ), представить всѣ свои привилегіи. Разсмотрѣвъ эти привилегіи, члены комиссіи должны будутъ ихъ доставить всѣ цѣликомъ къ Намъ на будущій, дастъ Богъ, сеймъ и сдѣлать о нихъ докладъ. А мы со всѣми чинами ихъ разсмотримъ и учинимъ о томъ окончательное опредѣленіе, безъ всякаго отлагательства».

Если привилегіи мѣщанъ города Вильны при столкновеніи ихъ съ законами государственными могли отмѣнять дѣйствія этихъ законовъ, то совершенно естественно, что законы Литовскіе отмѣняли на своей территоріи дѣйствіе сталкивавшихся съ ними законовъ Польскихъ, и наоборотъ, законы Польскіе отмѣняли на своей территоріи дѣйствіе Литовскихъ законовъ.

Что касается выдѣленія Литовскихъ Конституцій изъ общаго состава конституцій генеральныхъ сеймовъ, то выдѣленіе это основано было на вполнѣ раціональномъ началѣ, а именно, во-1-хъ, на томъ, что существующіе уже законы Великаго Княжества Литовскаго могли быть отмѣнены не иначе, какъ яснымъ опредѣленнымъ закономъ, говорящимъ объ этой отмѣнѣ и, во-2-хъ, на томъ, что увеличеніе количества сеймовыхъ опредѣленій, касавшихся Великаго Княжества Литовскаго, вынуждало усвоить иной приѣмъ,

¹⁾ Volumina leg., т. II, л. 969, § 25.

чѣмъ то упоминаніе объ изданіи особыхъ законовъ для Литвы, какое мы видимъ, напримѣръ, въ конституціи 1578 г., гдѣ въ артикулѣ 32-мъ перечислены заголовки тѣхъ законовъ, которые были изданы для Великаго Княжества Литовскаго, и получили силу наравнѣ со Статутомъ ¹⁾; то же и въ конституціяхъ 1581 г. ²⁾ и 1589 г. ³⁾.

Что порядокъ этотъ, въ виду наростанія особыхъ законовъ для Литвы оказался неудобнымъ гораздо ранѣе 1611 г., это видно изъ того, что уже конституція 1590 г. ⁴⁾ помѣщаетъ Литовскіе законы подъ особою рубрикою: «Дѣла В. Кн. Литовскаго».

Послѣдующія конституціи представляютъ рядъ попытокъ то принять это рациональное начало, то ограничиться указаніями въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какой именно законъ дѣйствуетъ не только въ Польшѣ, но и распространяется на Литву.

Неудобства, отсюда вытекавшія, и все большее и большее количество законовъ привели къ побѣдѣ того начала, по которому Литовскіе законы выдѣлялись въ особую часть Конституцій. Впервые, однако, это произошло только въ 1611 г.

Можно сдѣлать еще попытку для того, чтобы отличить законы общіе для всего Польскаго государства, отъ законовъ дѣйствующихъ только въ Литвѣ, т.-е. признать, что всѣ законы, касающіеся общихъ интересовъ, имѣютъ силу для всего государства, а касающіеся мѣстныхъ интересовъ, относятся къ одной только Литвѣ или къ одной только Польшѣ. Но проведеніе такого принципа на первыхъ же шагахъ наталкивается на непреодолимые затрудненія. Возьмемъ, напр, Литовскую конституцію отъ 1607 г. Опредѣленіе параграфа 12 «О полученіи иностранцами правъ на шляхетское достоинство и о ничтожности дипломовъ, выданныхъ иностранцамъ въ Польшѣ и въ Литвѣ изъ канцеляріи королевской безъ согласія чиновъ Коронныхъ и Великаго Княжества Литовскаго» ⁵⁾, едва ли можетъ быть

¹⁾ Vol. leg., т. II, л. 970, конст. 1578 г.

²⁾ Тамъ же, л. 1020.

³⁾ Тамъ же, л. 1285—1286, §§ 84—95.

⁴⁾ Vol. leg., т. II, л. 1342—1344, §§ 1—10.

⁵⁾ Vol. leg., т. II, л. 1634.

названо опредѣленіемъ чисто локальнаго характера, а между тѣмъ, оно находится въ литовской конституціи. Точно также параграфъ 5-й конституціи великаго княжества Литовскаго отъ 1616 г. «Объ освобожденіи отъ обязанности отвѣчать на судѣ» ¹⁾ не можетъ быть названо постановленіемъ «локальнаго характера», такъ какъ касается Польши и Литвы. Въ этой же конституціи § 6 «О писарѣ Трибунальскомъ» составленъ такимъ образомъ, что только мѣстонахождение его въ конституціи великаго княжества Литовскаго даетъ право утверждать, что дѣло идетъ о писарѣ главнаго литовскаго трибунала. § 12 «О подати съ табаку» въ Литовской конституціи 1670 г. ²⁾ редактированъ такимъ образомъ, что только его мѣстонахождение даетъ право утверждать, что этотъ § относится именно къ Литвѣ; тоже самое можно сказать и о § 13 литовской конституціи 1673 г. §§ 23 и 24 литовской конституціи 1676 г. ³⁾ и т. д.

Слѣдовательно, нельзя признать общимъ принципомъ, для различія конституцій, дѣйствовавшихъ въ Литвѣ и Польшѣ, отъ конституцій, дѣйствовавшихъ въ одной только Литвѣ, то начало, что первыя говорятъ объ интересахъ общихъ, а вторыя объ интересахъ мѣстнаго характера, такъ какъ и вторыя т.-е. тѣ, которыя озаглавлены «Конституціями Великаго Княжества Литовскаго», заключаютъ въ себѣ постановленія общаго характера.

Поэтому нельзя утверждать, что если въ конституціи вальнаго сейма, не озаглавленной «Конституціею Великаго Княжества Литовскаго», помѣщено постановленіе безъ всякой оговорки, то этимъ самымъ такое постановленіе распространяется и на Литву: Только тѣ положенія конституцій вальныхъ сеймовъ безспорно распространяются и на Литву, которыя или помѣщены подъ особымъ заголовкомъ «Конституціи Великаго Княжества Литовскаго» «Дѣла великаго княжества Литовскаго» и т. д., или же, находясь

¹⁾ Vol. leg., т. III, л. 307.

²⁾ Vol. leg., т. V.

³⁾ Vol. leg., т. V, л. 430.

между другими параграфами известной конституции, имѣютъ свой особый заголовокъ, напримѣръ, «Суды княжества Литовскаго» ¹⁾; «Артикулы къ законамъ великаго княжества Литовскаго» ²⁾ и т. д.

Если же подобнаго рода заголовка нѣтъ, въ такомъ случаѣ законодатель, для устраненія сомнѣній, прибавляетъ къ известному параграфу конституціи оговорку, что опредѣленія этого параграфа распространяются и на великое княжество Литовское, какъ-то указано въ моей брошюрѣ. Если же въ известный параграфъ входятъ опредѣленія, касающіяся отчасти Литвы, а отчасти Польши, въ такомъ случаѣ законодатель прибѣгаетъ къ отрицательной оговоркѣ, какъ, напримѣръ, въ конституціи 1593 г., § 5 «О судахъ», а именно: Въ первыхъ строкахъ этого параграфа, до словъ «также относительно имѣній и суммъ, пожалованныхъ отъ насъ кому-либо и т. д.», опредѣляется, что дѣятельность какъ высшихъ, такъ и низшихъ судовъ должна продолжаться своимъ обычнымъ порядкомъ и во время отъѣзда отъ короля за границу. «Что же касается процессовъ о недоимкахъ столовыхъ королевскихъ доходовъ и давнихъ недоимокъ въ кварцянномъ сборѣ, не рассмотрѣнныхъ на недавнемъ и на прежнемъ сеймахъ, о льготахъ для королевскихъ имѣній и признаніи старыхъ суммъ и т. д. всѣ эти дѣла отлагаются до королевскаго возвращенія. Равнымъ образомъ, по дѣламъ объ имѣніяхъ и денежныхъ суммахъ, пожалованныхъ кому бы то ни было, казна и государственный прокуроръ должны обращаться къ трибуналу, за исключеніемъ дѣлъ кварцянныхъ, которые отосланы изъ трибуналовъ Люблинскаго и Виленскаго ³⁾. Также и дѣла о квартѣ ⁴⁾ съ воеводства Волынскаго, съ имѣній, не подвергавшихся ревизіи и находящихся во владѣніи частныхъ лицъ, въ виду того, что въ старину записаны на этихъ имѣніяхъ опредѣленныя суммы денегъ, должны быть отложены до рассмотрѣнія

¹⁾ Vol. leg., т. II, л. 969, конст. 1578 г.

²⁾ Тамъ же, л. 1020, конст. 1581 г.

³⁾ Особые учрежденія, такъ называемые, скарбовые трибуналы, вѣдавшіе специально финансовыя дѣла.

⁴⁾ Сборъ на содержаніе войска.

на сеймѣ. Всѣ эти доходы должны быть уплачены какъ въ казну Королевства Польскаго, такъ и въ казну Великаго Княжества Литовскаго, подѣ опасеніемъ штрафа, опредѣленнаго конституціею 1591 г.; тотъ же самый порядокъ взысканія доходовъ долженъ быть приложенъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ *только* къ нашимъ столовымъ доходамъ. Равнымъ образомъ, дозволяется шляхтичу, который заложилъ бы свое земское имѣніе подѣ кварцянную подать или подѣ какой-либо иной королевскій нашъ доходъ, потребовать залогодержателя къ полученію денегъ въ трибуналъ въ очередь, назначенную для разсмотрѣнія правительственныхъ дѣлъ. Таковымъ порядкомъ предоставляется каждому возстановлять свое право на владѣніе королевскими имѣніями, если бы они у кого были отняты силою. Такія дѣла, не только разсматриваемыя впервые, но переходящія по апелляціи на исполненіе рѣшеній, должны быть разсматриваемы въ трибуналъ въ очереди, предоставляемой правительственнымъ дѣламъ, шесть недѣль спустя по принесеніи апелляціи. Равнымъ образомъ, еслибы апелляція была подана въ трибуналъ по дѣлу объ отказѣ уступить наши имѣнія.—Если же кто получитъ отъ стороны квитанціи въ томъ, что дѣло покончено или же что лишеніе покровительства законовъ (*baппісуа*) отиѣнено, тотъ обязанъ въ теченіе 12 недѣль по возвращеніи короля въ Польшу явиться съ этою квитанціею передѣ каждымъ судомъ, хотя бы въ виду полученія квитанціи онъ уже не имѣлъ никакого отношенія (къ сторонѣ). Всѣ эти дѣла, порядокъ разсмотрѣнія которыхъ только что измѣненъ, должны послѣ благополучнаго, если то Господу Богу будетъ угодно, возвращенія короля, принять свое прежнее теченіе и разсматриваться передѣ своимъ обычномъ судомъ. А та конституція о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ о недоимкахъ въ общихъ податяхъ и въ кварцянномъ налогѣ, и дѣлъ о денежныхъ суммахъ, записанныхъ казною въ старину на имѣніяхъ, не распространяется на Великое Княжество Литовское, а только на королевство Польское¹⁾.

¹⁾ Vol. leg., т. II, л. 1398—1399, конст. 1593 г.

Изъ содержанія этой конституціи совершенно ясно, почему законодатель, вмѣсто умолчанія, прибѣгнулъ къ специальной оговоркѣ: Въ § 5-мъ конституціи 1593 г. говорится объ измѣненіи обычнаго порядка судопроизводства на время отъѣзда короля изъ Польши, причемъ измѣненіе этого порядка различно для дѣлъ въ королевствѣ Польскомъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ: Въ Польшѣ онъ касается не только взысканія недоимокъ по доходамъ съ королевскихъ столовыхъ имѣній, но также недоимокъ по кварцянному сбору, касается льготъ для королевскихъ имѣній и платежа суммъ, въ которыхъ имѣнія издавна заложены казнѣ и т. д. для Литвы же измѣненіе въ порядкѣ судопроизводства имѣетъ мѣсто только по взысканію доходовъ съ королевскихъ столовыхъ имѣній.

Вслѣдъ за этимъ, въ § 5 идетъ рядъ опредѣленій о томъ, какимъ образомъ измѣняется порядокъ возстановленія нарушеннаго владѣнія и какъ опредѣляется обязанность виновнаго, но примирившагося съ потерпѣвшимъ, лица являться въ судъ. Для того только, чтобы устранить всякое сомнѣніе, какія же изъ этихъ опредѣленій относятся къ Польшѣ и какія къ Литвѣ, конституція и дѣлаетъ упомянутую оговорку, т.-е. не удовольствуясь положительнымъ указаніемъ въ срединѣ § 5-го, что измѣненія въ порядкѣ судопроизводства распространяются на Литву только по дѣламъ о доходахъ съ королевскихъ столовыхъ имѣній, законодатель нашелъ нужнымъ еще разъ, въ концѣ 5-го параграфа, повторить то же самое въ отрицательной формѣ, т.-е. исчислилъ, какія измѣненія въ порядкѣ судопроизводства не распространяются на Литву. Изъ этого перечисленія оказывается, что на Литву не распространяются всѣ измѣненія, указанныя въ § 5, кромѣ измѣненій въ порядкѣ судопроизводства по дѣламъ о доходахъ съ королевскихъ имѣній.

Такимъ образомъ, подробный разборъ содержанія § 5 конституціи 1593 г. подтверждаетъ высказанную мною ранѣе мысль, т.-е., что всякое измѣненіе въ Литовскомъ Статутѣ должно быть прямо указано въ сеймовой конституціи: разъ такого ука-

занія нѣтъ, то по всѣмъ предметамъ, опредѣленнымъ въ Статутѣ, никакая общая конституція не имѣетъ силы въ Литвѣ.

Проводя противоположное воззрѣніе, совершенно несогласное ни съ теоретическими основаніями, ни съ принципами Польскаго права, т.-е., что всякое опредѣленіе конституціи вальнаго сейма, разъ въ немъ не упомянуто, въ какой именно части Речи-Посполитой оно относится, тѣмъ самымъ уже распространяется и на Литву, защитники этого мнѣнія дѣлаютъ, на первый взглядъ, ничтожную оговорку.

«Если», говорятъ они, «въ сеймовыхъ конституціяхъ, начиная съ 1569 г. дѣлалось постановленіе, касающееся общаго права, а не постановленіе, касающееся чисто мѣстныхъ вопросовъ, и если при томъ не было оговорено, что постановленіе это должно касаться Литвы, то таковое, въ особенности, если оно не шло *явно въ разрѣзъ* съ дѣйствовавшимъ въ Литвѣ закономъ, т.-е Статутомъ, тѣмъ самымъ должно быть признаваемо обязательнымъ и для Литвы».

Мысль, выраженная въ приведенномъ нами текстѣ, согласна и съ теоріею, и съ законодательствомъ Литовскимъ, но формулирована не достаточно ясно, а употребленныя въ ней слова ведутъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ: Что значить, напр., постановленіе общаго права, въ противоположность мѣстнымъ вопросамъ?

Постараемся выяснитъ эти недоразумѣнія: Литовскій Статутъ заключалъ въ себѣ рядъ законовъ по всѣмъ вопросамъ юридическаго быта Великаго Княжества Литовскаго, но въ то же время онъ былъ закономъ мѣстнымъ. Въ качествѣ мѣстнаго закона, онъ долженъ былъ отмѣнять по всѣмъ предметамъ, по которымъ его опредѣленія были не сходны съ опредѣленіями Польскаго права, дѣйствіе всѣхъ Польскихъ законовъ какъ изданныхъ до 1569 г., такъ появившихся и впослѣдствіи.

Таковы современныя воззрѣнія на этотъ вопросъ, но таковы же были взгляды и Литовскихъ юристовъ. Мы видѣли выше, что, по ихъ воззрѣніямъ, конституція Польскія прилагается къ Литвѣ лишь тогда, когда «Литовское право недостаточно, или

когда оно по данному вопросу отмѣнено сеймовыми конституціями».

Литовскій Статутъ, какъ извѣстно, послѣ 1588 г. не подвергался болѣе переработкѣ; были перепечатки изданія 1588 г., были перепечатки переводовъ этого изданія, но не было новаго изданія Статута 1588 г. Между тѣмъ, жизнь шла своей чередой, появлялись новые интересы, вырастали новыя отношенія, которыя для своего опредѣленія требовали изданія новыхъ законовъ. Эти законы, издаваемые съ 1569 г. на вальныхъ сеймахъ, или прямо издавались для Великаго Княжества Литовскаго, опредѣляя вопросы чисто мѣстнаго характера, напримѣръ вопросовъ о постройкѣ моста на рѣкѣ Вилии, архива для актовыхъ книгъ въ Минскѣ, Брестѣ-Литовскомъ и т. д., или же касались и вопроса общаго права, т.-е. измѣненія тѣхъ или иныхъ статей Литовскаго Статута, таковы, напримѣръ, опредѣленія конституціи 1578 г. объ измѣненіи цѣлаго ряда статей второго Литовскаго Статута, 1581 г. объ учрежденіи въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Литовскаго Трибунала, 1598 г.—о компетенціи и судопроизводствѣ Задворнаго суда Великаго Княжества Литовскаго и т. д.

Поэтому, разъ въ конституціи вальнаго сейма не встрѣчается указанія на то, чтобы данное постановленіе распространялось на Литву, а между тѣмъ, оно касается отношеній, опредѣленныхъ уже въ Литовскомъ Статутѣ, то оно не имѣетъ силы въ Литвѣ.

Возьмемъ, напр., конституцію 1635 г.¹⁾; въ ней говорится: «Конституція коронаціоннаго сейма о давности для шляхетскихъ земель противъ земель духовныхъ признается общею для Литвы и Польши, такъ какъ она постановлена съ согласія депутатовъ обоихъ народовъ, назначенныхъ для опредѣленія отношеній между шляхтою и духовенствомъ».

Для чего сейму 1635 г. понадобилось разъяснять, что конституція 1633 г. распространяется и на Литву, разъ теорія, проводимая г. Пташицкимъ, вѣрна?

¹⁾ Vol. leg., т. III, л. 859, § 19.

Въ конституціи 1633 г. «о давности» ничего не говорится о Литвѣ, слѣдовательно, конституція эта распространялась и на Литву?

Но, очевидно, люди XVII вѣка держались иного воззрѣнія; по ихъ мнѣнію, конституція на Литву не распространялась: Для того, чтобы она стала дѣйствовать въ Литвѣ, понадобилось въ 1635 г. особое постановленіе.

Въ виду всего вышесказаннаго, слѣдуетъ признать, что конституція 1588 г. «о кадукахъ» не была обязательна для Литвы.

Равнымъ образомъ, обязательность для Литвы конституціи 1588 г. не можетъ быть доказана и ссылками на позднѣйшія конституціи: такъ, напр., конституція 1607 г. не говоритъ, чтобы постановленіе конституціи 1588 г. распространялось на Литву, а ограничивается заявленіемъ, что въ раздачѣ выморочныхъ имѣній король будетъ держаться тѣхъ началъ, которые указаны въ конституціи по этому предмету. Но мы видѣли уже, что порядокъ раздачи выморочныхъ имѣній въ Польшѣ и Литвѣ опредѣлялся различными конституціями.

Замѣтимъ далѣе, что 25 § конституціи 1607 г. озаглавленъ не совсѣмъ точно. О выморочныхъ имуществахъ говорятъ только первыя двѣ строки. «Относительно раздачи выморочныхъ имущества мы будемъ поступать согласно изданной конституціи», и только. Остальная часть этого § говоритъ о томъ, что король будетъ въ Литвѣ и Польшѣ раздавать земли сельскихъ старшинъ «войтовства, тамъ гдѣ они не вошли въ составъ староствъ, заслуженнымъ людямъ для того, чтобы не уменьшалась военная служба».

Если обратить вниманіе на то, что земли сельскихъ старшинъ, были ли они включены или нѣтъ въ составъ староствъ, равно какъ и самыя староства, принадлежали государству, и были раздаваемы лишь въ пожизненное владѣніе, то станетъ понятно, что они никогда не могли сдѣлаться выморочными, такъ какъ собственникомъ ихъ было государство.

Что касается опредѣленія конституціи 1631 г., то въ един-

ственномъ ея параграфѣ, въ которомъ говорится о кадукахъ, дѣло идетъ объ отказѣ короля приобрѣтать какимъ бы то ни было образомъ въ свою собственность земскія шляхетскія имѣнія; въ концѣ же этого § говорится: «Мы оставляемъ за собою, однако, Наше полное право на имущества, поступившія къ намъ по закону выморочному, записи и даренію, однако и эти имѣнія, перешедшія къ намъ указанными способами, согласно тѣмъ законамъ (которые существуютъ для шляхты) мы будемъ раздавать туземнымъ шляхтичамъ обоихъ народовъ» ¹⁾.

Достаточно развернуть Литовскій Статутъ 1588 г., чтобы увидѣть, что подъ именемъ туземнаго шляхтича, который одинъ только и обладалъ правомъ на всякія пожалованія отъ короля, считался шляхтичъ, котораго родители были уже литовскими шляхтичами: Еслибы «чужеземцы, заграничники и сусѣды» Великаго Княжества Литовскаго, осмѣлились выпросить у короля какое-либо пожалованіе, то они тѣмъ самымъ теряли его въ пользу столовыхъ имѣній и казны Великаго Княжества Литовскаго ²⁾.

При такого рода опредѣленіяхъ Статута невозможно допустить, чтобы раздача выморочныхъ имуществъ въ Литвѣ происходила какимъ-либо инымъ способомъ или какимъ-либо инымъ лицамъ, кромѣ тѣхъ, которые указаны въ Литовскомъ Статутѣ и соответствующихъ Литовскихъ конституціяхъ.

Наконецъ, что касается конституціи 1778 г., то она, постановляя, что казна не будетъ имѣть претензіи къ выморочнымъ имуществамъ, къ которымъ не предъявлено было иска, въ теченіе 50 лѣтъ, говоритъ въ заключеніе: «А если случится, что обыватель Польскій, какого бы то ни было состоянія, оставитъ имущество безъ наслѣдниковъ въ восьмой степени, такое выморочное имущество по прежнему будетъ оставаться въ нашемъ распоряженіи».

Изъ этихъ заключительныхъ словъ видно, что опредѣленіе о наступленіи выморочности, при отсутствіи наслѣдниковъ въ 8-й

¹⁾ Vol. legum, t. III, f. 666, § 4.

²⁾ Лит. Статутъ 1588 г., разд. III, ар. 12.

степени, не касалось Литвы, такъ какъ слова «обыватель Польскій» не могли обозначать и «обывателя Литовскаго», тѣмъ болѣе, что конституція слѣдующаго, 1779 г., для обозначенія жителей Великаго Княжества Литовскаго, употребляетъ другой терминъ, а именно: «обыватель Великаго Княжества Литовскаго» ¹⁾).

Подтвержденіемъ взгляда, проводимаго г. Пташицкимъ, а именно, что конституція 1588 г. «о кадукахъ» распространялась и на Литву, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить то обстоятельство, что Литовскій Статутъ былъ составленъ ранѣе 1588 г., потому что на основаніи общихъ началъ права относительно дѣйствія закона во времени и, въ частности, на основаніи привилегіи объ утвержденіи Статута 1588 г., а также и правилъ, указанныхъ въ самомъ Статутѣ ²⁾), время составленія законопроекта не имѣетъ рѣшительно никакого значенія для опредѣленія того момента, съ котораго этотъ законопроектъ становится закономъ. Первый Литовскій Статутъ былъ вполнѣ готовъ уже въ 1528 г., но оставался законопроектомъ до утвержденія его королемъ Сигизмундомъ I въ 1529 году; статутъ 1566 г. былъ готовъ въ качествѣ законопроекта ранѣе 1564 года, но былъ обнародованъ и вступилъ въ силу только въ 1566 году, марта 1 дня.

Ни моментъ составленія законопроекта, ни даже моментъ его утвержденія, ничего не рѣшаетъ по вопросу о моментѣ вступленія закона въ дѣйствіе.

Извѣстно, напримѣръ, что Сводъ Законовъ Россійской Имперіи былъ составленъ ранѣе 1833 года, но утвержденъ въ качествѣ закона 31 января 1833 года, а вступилъ въ силу только съ 1 января 1835 года. Поэтому, всѣ дѣла въ судебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ, несмотря на существованіе уже утвержденнаго Свода Законовъ, разрѣшаемы были однако до 1 января 1835 г. на основаніи не Свода Законовъ, а на основаніи прежнихъ узаконеній.

¹⁾ Vol. leg., т. VIII, л. 975.

²⁾ Разд. XIV, ар. 37.

Точно также и Третій Статутъ былъ составленъ ранѣе 1588 г., утвержденъ на коронаціонномъ сеймѣ 28 января 1588 г., а обнародованъ 1 февраля 1588 г.

Но даже еслибы и не было на лицо этихъ фактовъ, то и въ такомъ случаѣ конституція 1588 года не могла распространяться на Литву такъ, какъ Статутъ вступалъ въ силу только съ 6 января 1589 года, а потому, на основанія общихъ принциповъ правъ и специальныхъ постановленій Литовскаго Статута, о чемъ было сказано выше, онъ отмѣнялъ собою всѣ предшествовавшіе законы, дѣйствовавшіе въ Литвѣ, а слѣдовательно отмѣнялъ и дѣйствія конституціи 1588 г.

Оговорка привилегіи Сигизмунда III, чтобы Статутъ ни въ чемъ не противорѣчилъ уніямъ, для настоящаго вопроса никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ въ актѣ Люблинской уніи не только ничего не говорится о томъ, какъ утверждаетъ г. Пташицкій ¹⁾, чтобы «постановленія сейма были обязательны всѣмъ и каждому, если прямо и ясно не было сказано въ нихъ, что онѣ относятся исключительно къ одной провинціи или къ одной личности», но сказано напротивъ, что «при коронаціи новаго короля, новоизбранный король долженъ принести присягу на соблюденіе всѣхъ законовъ, привилегій и вольностей подданныхъ обоихъ соединенныхъ народовъ и государствъ» ²⁾, и далѣе: «Каждое изъ государствъ», вступающихъ въ унію на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, «будетъ оказывать содѣйствіе другому въ томъ, чтобы Король сохранилъ ненарушимыми ихъ законы и привилегіи».

Наконецъ, если и выводить вмѣстѣ съ г. Пташицкимъ обязательность для Литвы конституціи 1588 г. изъ того, что на заглавномъ листѣ изданія Статута 1619 г., было сдѣлано типографомъ Мамоничемъ обѣщаніе показать, «въ чемъ статуты Королевства Польскаго со статутомъ Великаго Княжества Литовскаго согласны и въ чемъ они разнятся», а подъ 17 артикуломъ

¹⁾ Лит. С., 27.

²⁾ Vol. legum, т. II, л. 771, § 7.

III Раздѣла приведена ссылка на конституцію 1588 года; что конкорданціи Статута съ конституціями и реестръ въ самому Статуту составляли юристы практики того времени,—то все же слишкомъ поспѣшно утверждать на этомъ основаніи, что «Король, Литовскій Канцлеръ и два современные юриста практики не только не сомнѣвались въ томъ, что конституція 1588 г. была обязательною для Литвы, но даже на это указывали».

Разсмотримъ, вытекаетъ ли все это изъ фактовъ на которые опирается г. Пташицкій, и доказаны ли эти самые факты. Если единственнымъ официальнымъ текстомъ Статута былъ только русскій текстъ 1588 года, то никакія Королевскія привиллегіи на напечатаніе переводовъ, ни печатаніе этихъ переводовъ Канцлеромъ или же Королевскими типографами, Мамоничемъ и Элертомъ, ни напечатаніе этого перевода Іезуитами или, наконецъ, не извѣстно кѣмъ и на какомъ основаніи (издан. 1786 г.), не могли сдѣлать перевода подлинникомъ и не могли сдѣлать текста, пользование которымъ предоставлялось усмотрѣнію читателя, текстомъ, повиновеніе которому являлось безусловно обязательнымъ.

Не слѣдуетъ также забывать, что въ русскомъ изданіи 1588 г. не было подъ текстомъ никакихъ конституцій, нѣтъ ихъ и въ Польскомъ переводѣ статута, напечатанномъ въ 1614 году; въ виду же того, что эти выдержки изъ конституцій печатаются впервые подъ текстомъ Польскаго перевода 1619 года, посмотримъ, чѣмъ мотивируютъ свою работу юристы практики XVII вѣка.

Въ обращеніи Бартоломея Гавловицкаго къ Льву Сапегѣ онъ такъ объясняетъ характеръ и цѣль своей работы. «При второмъ изданіи сего статута на Польскомъ языкѣ, я принялъ на себя трудъ показать кратко, въ родѣ конкорданцій, въ чемъ законы Коронные и статуты согласны съ законами и статутами Великаго Княжества Литовскаго, и въ чемъ различны, а затѣмъ, что послѣ изданія этого статута признаны сеймовыми конституціями отъ 1588 года и до настоящаго времени законами, изданными для Великаго Княжества Литовскаго (не отиѣняя ни въ чемъ и не нарушая самаго текста того статута), желая

тѣмъ оказать полезную услугу многимъ людямъ, а въ особенности тѣмъ, которые ни статutowъ, ни законовъ Коронныхъ, ни обоюдныхъ конституцій не могутъ имѣть подъ рукою, когда въ томъ имъ случится потребность, для того, чтобы они, владея законами, сведенными въ одно цѣлое, могли бы созерцать въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, разомъ все остальные законы».

Въ «обращеніи къ любезному читателю», напечатанному на 13—17 стр. изданія 1619 года, тотъ же Гавловицкій объясняетъ, «что когда, въ виду недостатка печатныхъ экземпляровъ Статута», Мамоничъ приступилъ къ печатанію новаго изданія, то онъ, Гавловицкій «по примѣру иныхъ, свѣдущихъ въ правѣ людей, которые объясняютъ своею наукою христіанскіе законы и облегчаютъ ихъ пониманіе, самъ находясь чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ, при разныхъ судахъ и присматриваясь къ другимъ, задумалъ представить доказательство своихъ занятій, т.-е. показать обывателямъ Великаго Княжества Литовскаго прежде всего, какія конституціи, со времени изданія того Статута, т.-е. съ 1588 г., и до настоящаго времени, на основаніи согласныхъ постановленій обоихъ народовъ, признаны закономъ для Великаго Княжества Литовскаго, затѣмъ, въ чемъ законы и Статуты короны Польской съ законами и Статутами Великаго Княжества Литовскаго согласны, и, наконецъ, въ чемъ они различаются (текста самого Статута ни въ чемъ не нарушая). Въ особенности же я, говоритъ Гавловицкій, старался довести это до свѣдѣнія тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ, на основаніи несомнѣннаго права, имѣніями здѣсь, въ этомъ государствѣ, и въ королевствѣ Польскомъ, доставивъ тѣмъ случай кому нибудь иному представить точнѣе, удобопонятнѣе и лучше все то, что мною, при сопоставленіи или конкорданціи тѣхъ законовъ, сдѣлано недостаточно и не вполне ясно, такъ какъ я не заботился объ украшеніи словъ, но лишь о краткости, въ виду недостатка у меня времени (которое я могъ удѣлить этому предмету) при печатаніи статута и иныхъ занятіяхъ по дѣламъ разныхъ лицъ. Надѣюсь склонить и привлечь со временемъ къ этому труду кого-либо иного, болѣе энергичнаго и трудо-

любиваго чѣмъ я, такъ какъ я полагаю, что для тѣхъ, которые имѣютъ свои интриги въ юридическихъ лабиринтахъ, это дѣло не только будетъ пріятно, но и можетъ съ большою выгодною устранить много затрудненій» (sic).

Прежде чѣмъ коснуться вопроса о томъ, какое же значеніе имѣютъ эти выдержки изъ конституцій по мнѣнію самого ихъ автора, замѣтимъ, что привлекать къ участию въ подведеніи конституцій надъ текстомъ Статута Короля Сигизмунда III и Канцлера Сапѣгу нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Привиллегія Сигизмунда III отъ 11 февраля 1589 года на напечатаніе Статута предшествуетъ изданію 1619 г., какъ предшествовала она и всѣмъ позднѣйшимъ изданіямъ. Но вѣдь на ея же основаніи напечатанъ русскій текстъ статута 1588 г. и польскій переводъ 1614 г. безъ всякихъ конституцій. Выводить отсюда, что припечатаніе этой привиллегіи въ изданіи, къ которому юристъ-практикъ вздумалъ приобщить выдержки изъ конституцій, означало согласіе Короля на это припечатаніе совершенно произвольно.

Доказательствомъ участія Канцлера Л. Сапѣги въ признаніи и одобреніи подведенія конституцій подъ текстъ статута служить единственно обращеніе къ нему Гавловицкаго въ изданіи 1619 г. Но выводить согласіе, одобреніе или сочувствіе Сапѣги изъ этого факта нѣтъ никакого основанія; иначе мы должны будемъ допустить, напримѣръ, что Л. Сапѣга считалъ себя законодателемъ Великаго Княжества Литовскаго, потому, что такъ его называетъ Л. Мамоничъ въ посвященіи ему изданія 1614 года.

Но допустимъ даже, для чего, какъ мы показали, нѣтъ никакихъ данныхъ, что Король и Канцлеръ одобряли работу Гавловицкаго.

Посмотримъ, что это за работа и какъ на нее смотритъ самъ авторъ: Прежде всего она крайне спѣшная, Гавловицкій самъ говоритъ, что онъ могъ ей удѣлить лишь незначительное время, во-1-хъ, потому, что ее необходимо было приготовить во время самаго печатанія Статута, во-2-хъ, потому, что онъ могъ удѣлять ей лишь то время, которое оставалось у него свободнымъ отъ адвокатской

дѣтельности.—Если предположить, что онъ былъ хорошимъ адвокатомъ, то подведенію конституцій подъ артикулы Статута онъ могъ удѣлить слишкомъ мало времени; — если же предположить, что у него было мало кліентовъ, то значитъ онъ былъ плохимъ адвокатомъ, что составляетъ плохую презумпцію и для его труда.

Оставивъ, однако, въ сторонѣ несовершенство работы, которыя могли произойти отъ спѣшности, посмотримъ какую цѣль преслѣдовалъ Гавловицкій. Изъ собственныхъ его словъ видно, что онъ, по примѣру иныхъ юристовъ, «которые объясняютъ своею наукою христіанскіе законы и облегчаютъ ихъ пониманіе», желалъ дать своимъ согражданамъ указаніе на то, какія конституціи признаются законами и для Литвы; затѣмъ, въ чемъ законы Польскіе и Литовскіе согласны между собою и, наконецъ, въ чемъ эти законы между собою несогласны. Для достиженія этой цѣли, Гавловицкій счелъ нужнымъ подвести подъ соотвѣтствующіе артикулы тѣ или инныя выдержки изъ различныхъ конституцій. Выдержки эти сдѣланы имъ на подобіе конкорданцій.

Это объясненіе характера выписокъ весьма существенно и на немъ мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе: Подъ именемъ конкорданцій разумѣются параллели между различными мѣстами Священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта ¹⁾).

Такимъ образомъ, если Гавловицкій и считалъ полезнымъ для сравненія «на манеръ конкорданцій» подведеніе того или другого постановленія конституціи подъ тотъ или другой артикулъ Статута, то дѣлалъ это лишь для того, чтобы Литовцы, «обладая законами сведенными въ одно цѣлое, могли бы видѣть какъ въ зеркалѣ, въ чемъ эти чужія права сходны и въ чемъ отличаются отъ Литовскихъ».

Кромѣ удовлетворенія этому теоретическому интересу, Гавловицкій имѣлъ въ виду, при подведеніи подъ артикулы тѣхъ или иныхъ выдержекъ изъ сеймовыхъ конституцій, приданіе большей цѣны новому изданію Статута, и желалъ этимъ облегчить его сбытъ.

¹⁾ Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis, изд. Гемеля, 1842 г.

Для тѣхъ изъ Литовскихъ землевладѣльцевъ, которые владѣли имѣніями не только въ Литвѣ, но и въ Польшѣ, необходимо было прибѣгать по своимъ дѣламъ не только къ Литовскимъ, но и къ Польскимъ законамъ; но для того, чтобы ссылаться на опредѣленія Польскаго права необходимо было имѣть у себя или Статутъ Ласкаго, книгу уже и въ XVII вѣкѣ довольно рѣдкую, или Статуты Гербурта-де-Фульштинъ, различные печатные сборники конституцій отъ временъ Сигизмунда Августа и т. д. Въ виду того, что обладаніе всѣми этими сборниками не всегда было возможно или не по средствамъ данному лицу, Гавловицкій и привелъ подъ различными артикулами Статута выдержки изъ Польскихъ конституцій, для того, чтобы заинтересованныя лица могли знать, какія права принадлежать имъ въ Польшѣ и какія въ Литвѣ.

Такимъ образомъ, второе изданіе Польскаго перевода Статута 1588 г. заключало въ себѣ не только переводъ текста, но и выдержки изъ дѣйствующихъ законовъ Королевства Польскаго. Владѣльцу такого экземпляра не было уже надобности добывать рѣдкія книги и не было нужды возить всѣ эти книги съ собою. Все, что нужно, находится уже въ Статутѣ.

Общая указать, что изъ сеймовыхъ конституцій послѣ 1588 г. составляетъ законъ, дѣйствующій въ Литвѣ, а равно, въ чемъ законы Литовскіе сходны и въ чемъ различны съ Польскими, Гавловицкій не даетъ однако никакого намека на то, по какимъ признакамъ читатель долженъ заключить, что выдержка изъ той или другой конституціи, приводимая подъ артикуломъ, составляетъ законъ для Литвы, и откуда можно заключить, что эта выдержка согласна съ Литовскимъ правомъ или же находится съ нимъ въ противорѣчіи?

Но, можетъ быть, эта недомолвка Гавловицкаго ничего не значить, быть можетъ онъ слѣдовалъ тому принципу, что выдержки изъ конституцій подъ артикулами Литовскаго Статута сами собою распадаются на цитаты троякаго рода: Во-1-хъ, ссылки на сеймовыя конституціи за время до сейма 1569 г. приведены только для соображенія; во-2-хъ, ссылки на конституціи послѣ 1569 г.,

съ обозначеніемъ «въ Коронѣ», указываютъ на тѣ случаи, когда въ Коронѣ было что-либо иначе, чѣмъ въ Литвѣ, и, наконецъ, въ 3-хъ, если разницы не было никакой, то было обозначено прямо, какая конституція и что она постановляла.

Не касаясь пока второго и третьяго пункта такого объясненія, остановимся на первомъ. Что это значить, что конституціи до 1569 г. приводятся подъ различными артикулами Статута? Какое ихъ отношеніе къ тексту Статута? Для какихъ соображеній они приводятся?

Очевидно для всякаго и внѣ всякаго сомнѣнія, что приведеніе выдержекъ изъ конституцій до 1569 г. было бы безцѣльно въ томъ случаѣ, еслибы выдержки подъ артикулами должны были указывать, что составляетъ дѣйствующее право въ Литвѣ, какъ безцѣльны они и для выясненія вопроса о томъ, въ чемъ Литовскіе законы сходны съ Польскими и въ чемъ различны.

Однако, если мы примемъ объясненіе самого Гавловицкаго, то припечатаніе этихъ конституцій, изданныхъ до 1569 г., становится совершенно понятнымъ: Многія изъ этихъ конституцій дѣйствовали въ Польшѣ и въ началѣ XVII вѣка, поэтому Гавловицкій для тѣхъ изъ Литовцевъ, которые, владѣя имѣніями въ Польшѣ, нуждались въ знакомствѣ и съ Польскими законами, припечаталъ выдержки изъ конституцій еще дѣйствовавшихъ въ Польшѣ, но никогда неимѣвшихъ никакой силы въ Литвѣ.

Слѣдовательно, конституціи до 1569 г. были припечатаны для лицъ, нуждавшихся въ Польскомъ правѣ.

Обращаясь теперь ко второму и третьему предположеніямъ, мы видимъ, что цитированіе конституцій подъ текстомъ Статута совершенно не соотвѣтствуетъ этимъ предположеніямъ, такъ какъ въ подведеніи этихъ цитатъ нѣтъ никакой опредѣленной системы. Одна и та же цитата то приводится подъ текстомъ съ обозначеніемъ въ Коронѣ, слѣдовательно, должна обозначать, что въ Коронѣ что-либо было иначе, чѣмъ въ Литвѣ; то безъ всякаго обозначенія, слѣдовательно, эта цитата должна указывать, что разницы между законами Коронными и Литовскими не суще-

ствовало. Вотъ нѣсколько примѣровъ: Въ цитатѣ подъ литерою б), къ 15 артикулу I Раздѣла приводится выдержка изъ конституціи 1588 г. «О комиссарахъ», безъ обозначенія, къ какому она государству относится; значить конституція эта должна была дѣйствовать и въ Польшѣ, и въ Литвѣ,—но въ цитатѣ подъ литерою а) къ 4 артикулу IX Раздѣла эта же самая статья конституціи 1588 г. приведена съ отиѣткою, «въ Коронѣ», значить должна была распространяться только на Королевство Польское.—Въ цитатѣ б) къ 3 артикулу VI Разд. приводится выдержка изъ конституціи 1588 г. «Объ убійцѣ, розыскѣ и тюрьмѣ», безъ всякой отиѣтки, т.-е. конституція распространяется на Литву и на Польшу, а въ цитатѣ б) къ 21 артикулу XI Раздѣла выдержка изъ того же самаго параграфа той же самой конституціи появляется уже съ отиѣткою «въ Коронѣ», слѣдовательно, распространялось только на Королевство Польское¹⁾).

Каковъ былъ Гавловицкій, таковы были и его преемники; поэтому, съ увеличеніемъ числа конституцій увеличилось въ послѣдующихъ изданіяхъ Статута число выдержекъ изъ конституцій, и путаница возросла до невѣроятныхъ размѣровъ: Вотъ нѣсколько образчиковъ по изданію 1786 года: Въ раздѣлѣ I-мъ, подъ артикуломъ 2-мъ, въ цитатѣ подъ буквою а), безъ обозначенія въ «Коронѣ», приводится выдержка изъ Вислицкаго Статута 1368 г., а затѣмъ выдержки изъ конституціи 1588 г., а именно, изъ §§ «Processus contra rebelles» и «De crimine laesae Majestatis», слѣдовательно, первая выдержка сдѣлана для соображенія, а вторая распространяется и на Литву, и на Польшу; между тѣмъ въ цитатѣ подъ буквою б), параграфъ «De crimine laesae Majestatis» приведенъ съ обозначеніемъ «въ Коронѣ», значить онъ распространяется только на одну Польшу.

Въ раздѣлѣ I, артикулъ 27, въ цитатѣ подъ буквою а) сказано «Въ Коронѣ не должны быть выдаваемы евреямъ и мѣщанамъ «желѣзные листы» противъ шляхты на освобожденіе отъ

¹⁾ Ссылки сдѣланы на польскій переводъ Статути отъ 1619 г.

платежа долговъ, а между мѣщанами эти листы не должны быть даваемы изъ (Боролевской Канцеляріи) безъ достаточной причины, Конституція 1588 г. «О недаванні охранныхъ грамотъ».—Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ законъ, дѣйствующій въ Польшѣ.

Между тѣмъ въ цитатѣ подъ буквою b) сказано безъ обозначенія «въ Коронѣ»: «Охранныя грамоты и желѣзные листы, не должны быть выдаваемы изъ канцеляріи Его Корол. Мил.: 1) слугамъ и крестьянамъ противъ ихъ господъ; 2) мѣщанамъ и всѣмъ жителямъ городовъ, а равнымъ образомъ и частнымъ лицамъ противу шляхты и ея крестьянъ; 3) евреямъ противъ шляхты и ея крестьянъ. Конституція 1588 г., л. 458 «О недаванні охранныхъ грамотъ».

Слѣдовательно, опять одна и та же конституція распространяется то на одну только Польшу, то на Польшу и Литву.

Возьмемъ выдержки изъ конституцій подъ артикуломъ 3, Раздѣла V-го: Подъ литерою a), въ выдержкѣ, обозначенной словами «въ Коронѣ», говорится о приданномъ, которое братья обязаны дать сестрамъ, оставшимся въ дѣвушкахъ по смерти отца, а потому эта конституція должна относиться только къ Польшѣ, взята же она изъ конституціи 1588 года, а именно изъ § подъ заглавіемъ «О приданномъ сестеръ». Въ томъ же артикулѣ, въ цитатѣ, подъ литерою c) не обозначенной словами «въ Коронѣ», а слѣдовательно, относящейся къ обоимъ государствамъ, говорится объ обязанности владѣльцевъ имѣній уплачивать безъ проволочки приданное—и выдержка взята изъ той же конституціи 1588 г. и изъ того же самого параграфа «О приданномъ сестеръ».

Слѣдовательно опять одна и та же конституція распространяется по теоріи Гавловицкаго и его пріемниковъ, то на одну только Польшу, то и на Польшу и на Литву.

Не желая загромождать текстъ примѣрами такой же непоследовательности и противорѣчивости выдержекъ, я укажу на тѣ §§ одной только конституціи 1588 г., которые приводятся то съ обозначеніемъ «въ Коронѣ», то безъ обозначенія, къ какому именно государству они относятся, таковы §§ 15, 16, 17, 19, 20,

21, 22, 23, 29, 30 и 57. Выдержки из конституцій къ этимъ параграфамъ находятся въ соотвѣтствующихъ по содержанію мѣстахъ Литовскаго Статута въ Польскихъ переводахъ, начиная съ 1648 по 1786 и въ изданіи 1819 г.г.

Наконецъ, если мы обратимся къ выдержкамъ изъ конституцій, находящимся подъ 17 артикуломъ III-го Раздѣла, то увидимъ, что и эти выдержки находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ какою-либо общеою системою:

И въ самомъ дѣлѣ, выдержка изъ конституціи «О приданномъ сестеръ» подъ литерою а), имѣетъ отиѣтку «въ Борогъ», слѣдовательно, относится только къ Польшѣ, а между тѣмъ эта выдержка ссылается на конституцію 1588 г., въ которой ни слова не говорится о Литвѣ, слѣдовательно она по теоріи г. Пташицкаго распространяется на Литву; но Гавловицкій и его пріемники видимо не признаютъ этой теоріи. Возьмемъ слѣдующую ссылку подъ литерою б). Въ этой ссылкѣ нѣтъ указанія на то, чтобы конституція 1598 г., изъ которой приведена выдержка, распространялась только на Королевство Польское, слѣдовательно, по теоріи г. Пташицкаго, эта конституція должна дѣйствовать и въ Польшѣ и въ Литвѣ, распространяться на оба государства, между тѣмъ мы видимъ, что она опредѣляетъ особый порядокъ наследованія въ имуществѣ князей Радзивиловъ, а слѣдовательно по своему содержанію есть, во-1-хъ, законъ сепаратный, касающійся частнаго и мѣстнаго интереса, и при томъ, во-2-хъ, имуществъ, лежащихъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и лицъ, принадлежащихъ къ древнѣйшей Литовской аристократіи, — слѣдовательно, предметовъ и лицъ, не подлежащихъ дѣйствию Польскихъ законовъ.

Оставляя пока въ сторонѣ спорную выдержку подъ литерою с), обратимся къ выдержкѣ изъ конституціи подъ литерою d). Выдержка эта не имѣетъ обозначенія «въ Борогъ», слѣдовательно она должна была бы относиться къ обоимъ государствамъ, т.-е. къ Польшѣ и къ Литвѣ, между тѣмъ она касается только Великаго Княжества Литовскаго, такъ какъ говоритъ: «Если бы кто выпросилъ, въ качествѣ выморочнаго,

имѣніе земское или же ленное, подъ предлогомъ прекращенія леннаго права, и позвавши, въ судъ, не доказавъ, что это имѣніе выморочное, тотъ за неправильный вызовъ въ Задворный судъ обязанъ уплатить штрафъ въ 200 копъ Литовскихъ и судебныя издержки немедленно, по принесеніи отвѣтчикомъ присяги относительно количества издержекъ». Уже изъ указанія на мѣсто разбора претензій относительно выморочности, т.-е. Задворнаго суда, вмѣсто сейма, какъ было въ Польшѣ, и назначенія штрафа Литовскою монетою несомнѣнно слѣдуетъ, что конституція эта относится къ Литвѣ, но, въ устраненіе всякихъ сомнѣній, при этой выдержкѣ сдѣлано указаніе, что она взята изъ конституціи 1598 г. и изъ параграфа, опредѣляющаго порядокъ вызова и предметы, по которымъ можетъ имѣть мѣсто вызовъ въ Задворный судъ Великаго Княжества Литовскаго.

Остальныя выдержки, начиная съ красной строки, приведены безъ обозначенія «въ Коронѣ», но первая изъ нихъ не можетъ относиться къ Литвѣ, какъ изданная въ 1562 г., т.-е. до Люблинской уніи, вторая не можетъ относиться къ Литвѣ, въ виду того, что конституція 1576 г., какъ я ранѣе доказалъ, не можетъ касаться Литвы, такъ, какъ опредѣляетъ разсмотрѣніе дѣлъ, вытекающихъ изъ неправильно пожалованныхъ выморочныхъ имѣній на сеймѣ, а въ Литвѣ эти дѣла разсматривались въ Задворномъ судѣ; наконецъ, третья выдержка изъ конституціи 1607 г. распространяется на оба государства потому, что объ этомъ сказано въ самомъ текстѣ конституціи ¹⁾.

Въ виду всего указаннаго выше о характерѣ выдержекъ изъ конституцій, приводимыхъ Гавловицкимъ и его преемниками, а равно и въ виду только что изъ произведеннаго нами разсмотрѣнія выдержекъ подъ 17-мъ артикуломъ третьяго Раздѣла несомнѣнно вытекаетъ, что нахожденіе выдержки изъ конституціи 1588 г. подъ этимъ послѣднимъ артикуломъ является совершенно случайностью, такъ какъ всѣ ссылки сдѣланы безъ всякой системы

¹⁾ Vol. leg., т. II, л. 1598—1599.

и безъ всякой опредѣленной идеи, «по образцу конкорданцій», для сравненія, для параллели: а потому, быть можетъ, онѣ и были полезны лицамъ, которые любили вращаться «въ лабиринтѣ правъ», но ссылки эти не имѣли и не могли имѣть никакого значенія для Литовскихъ 'судей, обязанныхъ рѣшать дѣла на основаніи Статута 1588 г., дополнительныхъ къ нему Литовскихъ конституцій, прежнихъ Статутовъ, 1566 и 1529 гг., земскаго обычая и общаго смысла законовъ и только, если эти источники оказывались недостаточными, то судья могъ прибѣгать къ аналогіи изъ иностраннаго права.

Но такъ какъ Статутъ 1588 г., утвержденный 28-го января 1588 г., былъ обнародованъ вмѣстѣ съ другими опредѣленіями, касающимися Литвы, только 1-го февраля 1588 г., то уже по этому одному постановленіе «О кадукахъ» не имѣло силы въ Литвѣ, а такъ какъ сверхъ того Статутъ 1588 г. вступалъ въ силу только съ 6-го января 1589 г., то не можетъ быть никакой рѣчи о томъ, чтобы постановленіе конституціи 1588 г. «о кадукахъ» имѣло какую-нибудь силу для Литвы.

Что касается, далѣе, правительственныхъ актовъ, приводимыхъ г. Пташицкимъ, то одни изъ нихъ подтверждаютъ мои взгляды, а другіе вовсе не касаются конституціи «О кадукахъ» 1588 г.

Первый актъ, декретъ по дѣлу Абрагима Юхновича, приведенный въ извлеченіи въ моей брошюрѣ, показываетъ, что одна изъ сторонъ для доказательства, что выморочности въ данномъ случаѣ нѣтъ, ссылалась на 17 артикулъ третьяго Раздѣла, а въ подтвержденіе его, какъ на вспомогательный источникъ, — на конституцію 1588 г., безъ указанія, однако, на параграфъ «О кадукахъ». Имѣя въ своемъ распоряженіи актъ объ обнародованіи 1-го февраля 1588 г. Литовскаго Статута, и зная, что на коронаціонномъ сеймѣ были подтверждены сперва старинныя Литовскія привилегіи, мы въ правѣ предположить, что отвѣтчики, ссылаясь на конституцію 1588 г., имѣли въ виду именно эти привилегіи и Статутъ 1588 г., утвержденные на коронаціонномъ сеймѣ. Предположеніе это получаетъ тѣмъ большую достовѣрность, что, во-1-хъ),

отвѣтчики употребляютъ термины не Польской конституціи, а Литовскаго Статута «маетность на брата его рожданаго и на иншыя кривные, которыхъ есть не мало по мечу и по кудели, правомъ близкимъ пришла и спала»; во-2-хъ, что прибѣгать къ помощи Польской конституціи 1588 г. отвѣтчики не имѣли ни малѣйшей надобности.

Употребленіе же членами суда и государственнымъ прокуроромъ термина «кадукъ» отнюдь не обозначаетъ, чтобы они имѣли въ виду Польскую конституцію 1588 г. Въ тотъ вѣкъ маккаронизмы, т.-е. вплетеніе въ рѣчь чужестранныхъ словъ, а для юриста—словъ латинскихъ, считалось признакомъ особаго щегольства и доказательствомъ широкаго знакомства съ классическимъ міромъ. Перелистывая *Volumina legum*, мы видимъ, какъ, начиная съ XVI вѣка, любовь къ иностраннымъ словамъ все болѣе и болѣе безобразить Польскій языкъ и какъ, къ концу XVII вѣка, пониманіе Польскихъ законовъ становится возможнымъ лишь для посѣдѣвшихъ въ хожденіи по дѣламъ «практикантовъ» «патроновъ», а не для простыхъ смертныхъ.

Въ только-что разсмотрѣнномъ нами рѣшеніи по дѣлу татарина Абрагима Юхновича стороны сдѣлали общую ссылку на конституцію 1588 г.; что такая ссылка, безъ точнаго обозначенія того параграфа, на который ссылается сторона, не имѣла того значенія, которое ей придаетъ г. Пташицкій, и вовсе не доказываетъ, что тѣ конституціи, въ которыхъ не упоминается о Литвѣ, повтому-то и распространяются на Литву, это всего лучше видно изъ слѣдующихъ судебныхъ рѣшеній, изъ которыхъ одно заимствовано изъ практики еще болѣе высокаго суда, чѣмъ Задворный и Релаціонный суды ¹⁾.

¹⁾ Г. Пташицкій утверждаетъ между прочимъ, что „истолкованія закона“ Задворнымъ и ассессорскимъ судами было для всѣхъ (?) обязательно.—Хотя мы не знаемъ, въ какомъ смыслѣ и на основаніи какихъ законовъ опредѣляется это значеніе истолкованія законовъ Задворнымъ судомъ, г. Пташицкій этого не объясняетъ, — но мы готовы принять на вѣру его утверждение, такъ какъ приводимыя въ текстъ декреты подтверждаютъ то начало, что конституція, ничего не говорящая о Литвѣ и касающаяся предметовъ опредѣленныхъ Литовскимъ Статутомъ, въ Литвѣ не дѣйствительна.

Въ 1589 г. апрѣля 18, Боролю Сигизмундъ III слушалъ вмѣстѣ съ панами Радами на сеймѣ Варшавскомъ дѣло по обвиненію шляхтича Станислава Здитовскаго, въ предумышленномъ убійствѣ слуги Троескаго воеводы.

Представитель обвиненія, доказывая, что повѣстка обвиняемому вручена правильно, ссылаясь на Статутъ Новый, «который вже за конѣфирмацією нашею господарскою до ужыванья у Великомъ Князствѣ пришо҃ль, въ Роздѣлѣ XI, арт. 57, и уфалу сойму коронаціей нашею въ року прошломъ (15)88, въ Браковѣ учиненую». На первый взглядъ,—ссылка, какъ будто вполнѣ подтверждающая мнѣніе г. Пташицкаго, но посмотримъ внимательно: Напрасно старались бы мы во всѣхъ 94 §§ конституціи 1588 г. отыскать что-либо сходное съ распоряженіями 57 артикула XI Разд., усилія наши будутъ напрасны. Самъ Гавловицкій и его преемники не смогли найти ни одной конституціи, подходящей къ этому артикулу. Слѣдовательно, подъ именемъ «уфалы соймовое» разумѣлась не польская конституція, напечатанная въ *Volumina legum*, а нѣчто иное; быть можетъ, подтвержденіе правъ всему Великому Княжеству Литовскому, быть можетъ, грамота объ утвержденіи Статута. Но этого мало: Не только представитель обвиненія ссылается на несуществующее распоряженіе конституціи, судъ сеймовый, который, надо полагать, имѣлъ точное представленіе о конституціи 1588 г., назначаетъ обвиненному шляхтичу такое наказаніе, которое совершенно неизвѣстно конституціи 1588 г.: За убійство конституція 1588 г. назначаетъ уплату головщины въ 240 гривенъ и, сверхъ того, заключеніе въ тюрьму,— а сеймовый судъ приговариваетъ обвиняемаго къ смертной казни ¹⁾).

Какъ смотрѣлъ сеймовый судъ, высшій судъ въ государствѣ, такъ точно смотрѣли и судьи низшихъ инстанцій, и не только въ 1588 г., но и гораздо позже, вотъ примѣръ: 7 августа 1665 г. Брестскій грѣдской судъ приговорилъ пановъ Веспезіана и Хризо-

¹⁾ Акты Вил. Арх. Ком., т. VI, № 26, стр. 39—40.

стома Костюшковъ, согласно Литовскому Статуту, и въ противность польскимъ конституціямъ, «на горло статьемъ» ¹⁾).

Число такихъ примѣровъ можно было бы значительно умножить, но я считаю это совершенно излишнимъ. Разногласіе между мною и моими оппонентами происходитъ отъ того, что они несо-всѣмъ точно представляютъ себѣ дѣйствіе закона по мѣсту: Если въ двухъ государствахъ, соединенныхъ между собою неразрывно, существуютъ свои особые мѣстные законы, а законодательный органъ у нихъ общій, то спрашивается, какое же значеніе для обоихъ государствъ будутъ имѣть законы, издаваемые на общихъ сеймахъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ путемъ изученія тѣхъ законовъ, на основаніи которыхъ произошло соединеніе этихъ государствъ; если въ актѣ уніи было постановлено, что присоединяющееся государство сохраняетъ свои особые мѣстные законы, то всякое измѣненіе въ этихъ законахъ должно быть прямо указано въ томъ новомъ законѣ, которымъ отмѣняется существованіе стараго мѣстнаго закона; нѣтъ этого упоминанія, нѣтъ и отмѣны стараго закона. Литва присоединилась къ Польшѣ, подъ условіемъ сохраненія своихъ старинныхъ правъ и привилегій; вотъ этимъ-то обстоятельствомъ, и только имъ однимъ, можетъ быть объяснено существованіе въ *Volumina legum* цѣлаго ряда конституцій, въ которыхъ говорится, что данная конституція распространяется и на В. Княжество Литовское ²⁾. Но мѣстный законъ по самому своему существу, не можетъ опредѣлять обще-государственныхъ отношеній; съ другой стороны, жизненные отношенія постоянно развиваются,—поэтому въ мѣстномъ правѣ могутъ оказаться пробѣлы, которые въ такомъ случаѣ и пополняются соотвѣтствующими опредѣленіями общаго права.

Вопросъ о примѣненіи мѣстныхъ законовъ возникаетъ изъ факта столкновенія мѣстныхъ законовъ съ законами общими,

¹⁾ Тамъ же, г. V, № 435.

²⁾ Vol. leg., t. II, f 367. А эту конституцію принимаетъ и В. Княжество Литовское, подтверждая при этомъ и конституцію 1609 г. о севольныхъ людяхъ В. Княжества Литовскаго. Тамъ же, л. 301, а эта конституція да служить и В. К. Л., л. 375, § 20, — конст. 1626 г., тамъ же, л. 523, § 5, въ концѣ, и т. д.

но такое столкновение можетъ произойти только тогда, когда существуютъ два закона, одинаковые по содержанію. А разъ законъ общій не встрѣчаетъ въ мѣстности закона, одинаковаго съ нимъ по содержанію, то коллизіи произойти не можетъ, а потому онъ и будетъ примѣняться въ мѣстности, сообразно правиламъ, существующимъ относительно толкованія законовъ.

Конституція 1588 г. никогда не примѣнялась цѣликомъ потому, что большая часть ея опредѣленій встрѣчалась съ опредѣленіями Литовскаго Статута; но тамъ, гдѣ конституція опредѣляла отношенія неизвѣстныхъ Литовскому Статуту, она находила себѣ безспорное приложеніе, таковы, напр., постановленія конституціи о заключеніи союзовъ съ иностранными государствами (§ 3), обнародованіи конституцій (§ 4), объ охранныхъ грамотахъ («o priedawaniu gleytow») § 7 и т. под.—Но всѣ эти отдѣльныя положенія, повторяемъ, не могли отиѣнить и не отиѣняли существующихъ мѣстныхъ законовъ.

Вслѣдствіе этого г. Пташицкій, приводя въ своей брошюрѣ рядъ рѣшеній Задворнаго суда, въ которыхъ приводятся ссылки на конституцію 1588 г. въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Литовскомъ Статутѣ на данный предметъ не было опредѣленія, не могъ однако найти вплоть до 1791 г. ни одного декрета или какого-либо иного акта, который бы доказывалъ, что конституція 1588 г. «о кадукахъ» примѣнялась какимъ бы то ни было судомъ.

Приводя же акты, имѣющіе какое-либо отношеніе именно къ этой конституціи онъ даетъ имъ одностороннее истолкованіе, такъ, напр., дѣлая выдержку изъ постановленія дворянъ Виленскаго повѣта отъ 7 августа 1593 г., онъ говоритъ, что въ этомъ постановленіи цитируется цѣлая фраза изъ конституціи о кадукахъ: Между тѣмъ постановленіе дворянъ не имѣетъ даже самаго отдаленнаго отношенія къ выморочнымъ имуществамъ. Содержаніе этого постановленія слѣдующее: «Узнали мы, что нѣкоторые люди, въ противность привилегіи, изданной его королевскою милостью на коронаціи въ Краковѣ и утвержденной закономъ, получивъ имѣнія и доходы отъ Гродна, Бреста и иныхъ ключей, назначенныхъ для

содержанія Короля, получаютъ съ нихъ всѣ доходы на себя, не уплачивая ничего въ Королевскую казну, въ противность закону и съ великимъ ущербомъ для казны; а такъ какъ разсмотрѣніе дѣла подобнаго рода можетъ быть только на генеральномъ сеймѣ, то мы всѣ общаемся, что на ближайшемъ генеральномъ сеймѣ будемъ всѣ сообща вести это дѣло, не пристуная ни къ какимъ инымъ вопросамъ, пока это дѣло не будетъ разрѣшено Королевскимъ рѣшеніемъ, согласно той привилегіи, которая пожалована намъ въ Краковѣ на коронаціи» ¹⁾).

Изъ только что приведеннаго постановленія видно, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на выморочныя имѣнія, а дѣло идетъ о неисполненіи той привилегіи, въ силу которой на содержаніе Королевскаго двора были назначены опредѣленные имѣнія съ тѣмъ, чтобы временные владѣльцы этихъ имѣній уплачивали Боролю опредѣленную арендную плату.

Остальные доводы г. Пташицкаго о примѣненіи въ Литвѣ конституціи 1588 г., въ этомъ же родѣ, такова, напр., приводимая имъ грамота отъ 20 сентября 1590 г. — «Жалуемъ», говоритъ Король, «Матфею Бартъ дворянское имущество расположенное въ Ливоніи и поступившее къ намъ по выморочному праву по смерти благороднаго Георгія фонъ-Барекъ». — Но вѣдь г. Пташицкому несомнѣнно извѣстно, что въ Ливоніи Литовскій Статутъ не дѣйствовалъ; по крайности, въ актѣ о раздѣленіи Ливоніи между Литвою и Польшею объ этомъ не говорится, поэтому сколько бы разъ ни повторялось слово кадукъ, оно не имѣетъ никакого значенія для доказательствъ того, что конституція о кадукахъ дѣйствовала въ Литвѣ.

Затѣмъ далѣе, противъ четырехъ, приведенныхъ имъ, привилегій, въ которыхъ говорится о пожалованіи имуществъ, поступавшихъ въ казну по кадуковому праву я могу привести три, въ которыхъ, вмѣсто слова кадукъ, употребляются термины Статута 1588 г. Одна изъ этихъ привилегій земенину Хрещу напечатана въ брошюрѣ г. Пташицкаго:

¹⁾ Акты Вил. Ар. Ком., т. VIII, стр. 330.

«Земенинъ нашъ... Семенъ Хрещъ... зъ жоною з сего света смертю зошолъ «жадного потомка яко з детей и повиноватыхъ его не застало... а маестность его... лежащая и рухомая до столу и шафунку нашего... на вечность спала».

Въ 1594 г. Сигизмундъ III жалуетъ М. Быховцу «службу людей у повете Троцкомъ, прозываему Вошвиловичи, по Остику спалую правомъ вечнымъ» ¹⁾).

Въ 1589 г., февр. 2, Король Сигизмундъ III жалуетъ Гадичкому два двора въ волости Рудоминской послѣ татарина М. Солимановича, который «не оставивши по себе потомства жадного ани близкихъ кривныхъ своихъ с того света зшолъ и тые дворцы яко спадковыя до вольного шаѣунку нашего пришли» ²⁾).

Мы готовы согласиться съ почтеннымъ нашимъ оппонентомъ, что употребленіе слова «кадукъ» «показываетъ, что въ литовской административной практикѣ были извѣстны выраженія, не встрѣчающіяся въ литовскихъ законодательныхъ актахъ, какъ кадукъ, «право кадуковое» и тому под., были извѣстны, — да, но не болѣе.

Поэтому, когда отъ этихъ указаній нашъ оппонентъ, переходя къ разсмотрѣнію фактовъ, въ которыхъ прямо дѣлаются ссылки на конституціи 1588 г., приводитъ декретъ суда отъ 3 октября 1646 г. по дѣлу Инстигатора и Тизенгауза съ Озембловскимъ, то мы говоримъ: Этотъ декретъ не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о выморочныхъ имуществахъ!

И въ самомъ дѣлѣ.

Ковенскій Чашникъ Озембловскій былъ обвиненъ по суду въ томъ, что, въ противность королевской заручной грамоты, нанесъ побои Минскому каштеляну Гедеону Раецкому и за это былъ присужденъ къ уплатѣ въ казну 5,000 грошей. Право полученія этихъ денегъ Король пожаловалъ Тизенгаузу, который поэтому и называется «donatariusz», т.-е. лице одаренное, получившее пожалованіе чего-нибудь. Такъ какъ Озембловскій этихъ денегъ платитъ

¹⁾ М. Л. Зап., 77, л. 417 (b).

²⁾ Ib., № 47, л. 582 (b).

не желалъ, то Тизенгаузъ обратился въ судъ. На судѣ Озембловскій требовалъ, чтобы ранѣе разсмотрѣнія дѣла по существу, судъ потребовалъ отъ Тизенгауза представленія на основаніи закона 45 ар. IV Разд., такъ какъ Тизенгаузъ, человекъ не имѣющій недвижимой собственности. Въ отвѣтъ-то на это требованіе отвѣтчика, повѣренный Тизенгауза возражалъ, что его довѣритель, какъ дѣйствующій отъ имени казны (которой принадлежалъ этотъ штрафъ) и на основаніи королевской привилегіи, не обязанъ представлять обезпеченія, такъ какъ казна никогда не представляетъ залоговъ, а сверхъ того и конституція 1588 года совершенно опредѣленно говоритъ, что «когда бы одаренный нашею (королевскою) привилегіею потерялъ бы свой искъ, то ему дозволяется перенести дѣло въ Трибуналъ».

Давать этому мѣсту то толкованіе, которое мы встрѣчаемъ у г. Пташицкаго, можно только тогда, когда неизвѣстно содержаніе документа, изъ котораго заимствована одна только фраза.

Но когда мы знаемъ, что дѣло идетъ не о выморочномъ имуществѣ, а о правѣ взысканія 5,000 в. гр. судебной пени, то необходимо посмотрѣть, къ какому § конституціи 1588 г. можетъ относиться приведенная выше фраза.

Обращаясь къ конституціи 1588 г., мы встрѣчаемъ тамъ много разъ цитированный раньше г. Пташицкимъ § 7 «O niedawaniu gleytow», объ охранныхъ грамотахъ, гдѣ между прочимъ говорится: «Относительно же штрафовъ за нарушеніе нашихъ охранныхъ грамотъ шляхтичи подсудны земскому суду, а по апелляции—Трибуналу». Тизенгаузъ, который съ Озембловскаго отыскивалъ именно эту пеню за нарушеніе охранной грамоты, былъ «одареннымъ королевскою привилегіею», а потому, на основаніи конституціи 1588 г., могъ отыскивать свои деньги по апелляции въ Трибуналъ, но такъ какъ здѣсь участвовала въ его лицѣ казна, то ему дозволяется, вмѣсто Трибунала, вести дѣло въ ассессорскомъ судѣ.

Иного значенія эта фраза не имѣетъ, а такъ какъ весь документъ ровно ничего не говоритъ о выморочныхъ имѣніяхъ, то при-

водить темную фразу, взятую внѣ связи съ содержаніемъ остального документа—не значить доказать, что въ 1646 г. Задворный судъ по дѣлу Тизенгауза съ Озембловскимъ предлагалъ конституцію 1588 г. о кадукахъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, г. Пташицкому, не смотря на массу приведенныхъ имъ выписокъ изъ книгъ Метрики Литовской, не удалось до 1791 г. найти ни одного документа, которымъ бы подтверждалось, что для разрѣшенія вопросовъ о выморочныхъ имѣніяхъ Литовскіе судьи находили недостаточнымъ 17 артикулъ III Раздѣла и замѣняли его конституціею «о кадукахъ» 1588 года.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ документовъ, которые приведены г. Пташицкимъ въ его новомъ изслѣдованіи ²⁾, припомнимъ еще разъ, каковы были отношенія Поляковъ и Литовцевъ со времени Люблинской Уніи 1569 г.

Исторія этихъ отношеній есть исторія непрерывной борьбы Литовцевъ за сохраненіе своей самостоятельности противъ неустанныхъ покушеній Поляковъ на уничтоженіе автономіи В. Княжества Литовскаго. На Люблинскомъ сеймѣ Поляки отняли у Литовцевъ Волинъ, Бѣвщину и Подляшье, попытались навязать свои Статуты, королей Стефана и Сигизмунда III призвали безъ спросу Литовцевъ, въ 1587 г. пытались уничтожить самостоятельное существованіе Литовскаго Трибунала ³⁾, а когда Сигизмундъ III утвердилъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г. Литовскій Статутъ, имѣвшій въ виду по возможности ограничить эти попятныя, то Поляки, въ противность прямому запрещенію Статута ⁴⁾, убѣдили короля Сигизмунда III пожаловать епископскую кафедру въ Вильнѣ поляку Мацѣйовскому. Только энергичныя усилія Льва Сапѣги, такъ хорошо описанныя г. Пташицкимъ въ его статьѣ «Переписка

¹⁾ Документъ этотъ напечатанъ мною въ Приложеніи.

²⁾ С. Пташицкій. Къ исторіи Литовскаго права послѣ Третьяго Статута. Спб., 1893 г. (отдѣльный оттискъ изъ Ж. М. Н. Пр. за Октябрь, 1893 г.).

³⁾ *Scriptores rerum Polonicarum*, t. XI, стр. 247. Проектъ конституціи, предложенной 30 іюня 1587 г. на избирательномъ сеймѣ.

⁴⁾ Разд. III, ар. 12. О выдаваніи чужеземцамъ должностей, а пришельцамъ изъ чужихъ земель права ослѣдлости.

канцлера Л. Сапѣги», и дружный отпоръ всей шляхты В. Княжества Литовскаго, которая грозила чуть не возстаніемъ ¹⁾), воспрепятствовали осуществленію этого повелѣнія и епископъ Мацѣйовскій отказался отъ вступленія въ неправильно полученную имъ должность.

Если такого рода попытки нарушить распоряженія Литовскаго Статута встрѣчаются чуть ли не съ перваго момента его появленія на свѣтъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что эти попытки должны были повторяться постоянно въ виду того, что короли пребывали болѣею частью въ Польшѣ, а высшіе общественные классы, переходя въ католичество, теряли, вмѣстѣ съ вѣрою и языкомъ, представленіе о своей національности. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ установить, несмотря на ничтожное количество напечатаннаго архивнаго матеріала, что большинство Литовской шляхты ревниво оберегало свои прерогативы и свой Литовскій Статутъ. Такъ, въ 1600 г. адвокатъ, защищая дѣло воеводича С. Кишки передъ Бовенскимъ городскимъ судомъ, говоритъ: «Въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ существуютъ достаточно ясныя узаконенія, помимо которыхъ никто не можетъ искать опоры въ постороннихъ законахъ или на нихъ основывать свои права. Объ этомъ ясно говорить арт. 54 Раздѣла IV, т.-е. что все В. Княжество Литовское обязано исполнять эти законы и во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ защищаться ими» ²⁾), а въ 1607 г. передъ Задворнымъ судомъ адвокатъ Гетамана В. Княжества Литовскаго доказывалъ, что его противнику «конституціи соймовые вспомоги не могутъ, вѣдъжъ они не Великому Князьству Литовскому але Коронѣ Польской служить» ³⁾).

Подобно тому, какъ адвокаты защищали передъ судами принципъ самобытнаго существованія Литовскаго права, такъ шляхта разныхъ воеводствъ въ теченіе двухъ вѣковъ оберегала свои права,

¹⁾ Акты Вил. Ар. Ком., т. VIII, стр. 328, гдѣ вся шляхта В. Княжества Литовскаго, собравшаяся на сеймикъ въ Вильнѣ въ 1593 г., даетъ обѣщаніе назначенію Мацѣйовскаго „всѣми силами, всѣми способами противиться, съ напряженіемъ всѣхъ нашихъ силъ“. Ср. Акты Вил. Ком., т. II, 152.

²⁾ Ар. Сбор., т. VIII, стр. 167—68.

³⁾ Археогр. Сбор., т. VIII, л. 237.

опредѣленные Литовскимъ Статутомъ и соотвѣтствующими сеймовыми Конституціями: такъ, въ 1669 г. дворяне Брестскаго воеводства требуютъ, чтобы «согласно стариннымъ правамъ» доходы со столовыхъ имѣній во время междоцарствія поступали не въ частныя руки, а въ казну Великаго Княжества Литовскаго ¹⁾, чтобы сеймы засѣдали на третій годъ въ Литвѣ, чтобы государственныя должности въ Литвѣ и Польши были въ одинаковомъ числѣ, согласно уніи 1569, чтобы въ Луцкѣ, согласно старинному обычаю, были епископами попеременно, то Литовецъ, то Полякъ ²⁾. Въ 1699 году Брестскіе же дворяне поручаютъ своимъ депутатамъ требовать возстановленія литовской мѣры и вѣса вмѣсто польской ³⁾, въ 1670 г. они требуютъ, чтобы церковныя и монастырскія имѣнія въ Литвѣ не были даваемы, въ противность закону, чужеземцамъ ⁴⁾, въ 1696 они жалуются, что равенство Литвы съ Польшею нарушается тѣмъ, что экономіи В. К. Л. и инныя столовыя имущества находятся въ управленіи Поляковъ и требуютъ, чтобы впредь эти имущества были жалуемы только природнымъ Литовцамъ ⁵⁾, въ 1733 г. они поручаютъ своимъ депутатамъ требовать отъ сейма, чтобы въ экономическую комиссію были назначаемы люди, основательно знакомые съ Литовскимъ правомъ ⁶⁾, въ 1740 году заявляютъ желаніе возвратиться вновь къ тому устройству Трибунала, которое описано въ Статутѣ В. К. Л. ⁷⁾.

Количество подобныхъ ходатайствъ со стороны шляхты о сохраненіи за нею національнаго права могло бы быть и еще умножено, но я полагаю, и приведеннаго здѣсь совершенно достаточно, чтобы показать, что Литовцы знали хорошо свое право и ревниво его оберегали.

При восшествіи на престолъ Станислава-Августа ходатайства

¹⁾ Акты Вил. Ком., т. IV, стр. 52.

²⁾ Ibid., 54.

³⁾ Ibid., 63, 15.

⁴⁾ Ibid., 104.

⁵⁾ Ibid., 232.

⁶⁾ Ibid., 467.

⁷⁾ Акты Вил. Археогр. Ком., т. IV, стр. 531.

эти становятся въ особенности энергичными. Брестское воеводство, напр., поручаетъ своимъ депутатамъ на сеймъ 1766 ходатайствовать о сохраненіи существующей самостоятельности Литовскихъ законовъ и учреждений, какъ они опредѣлены Люблинской Уніей ¹⁾; другія воеводства, какъ, напр., Гродненское, находятъ, что Литовскій Статутъ есть основной законъ всѣхъ провинцій В. Княжества Литовскаго, требуетъ, однако, усовершенствованія нѣкоторыхъ артикуловъ Литовскаго Статута, находя, что слишкомъ сжатое изложеніе 17 артикула VII Раздѣла и 19 арт. IV Разд., относящееся только къ одной Литвѣ, служитъ причиною различныхъ недоразумѣній ²⁾.

Изъ этихъ заботъ Гродненскихъ дворянъ объ истолкованіи 17 артикула III Раздѣла мы вправѣ предположить, что дѣйствительная жизнь давала матеріалъ для тревоги.

Незамѣтно, но неотразимо приближались грозныя для Речи Посполитой событія:

Наступилъ первый раздѣлъ Польши.

Тяжкій ударъ и опасенія грядущей гибели государства разбудили на мгновеніе, погруженныя въ глубокій сонъ общественныя силы. Воскресаетъ и любовь къ отечеству и готовность жертвовать для него не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Но, какъ все, основанное на преходящихъ порывахъ, и эта охота жертвовать вскорѣ охладѣваетъ, и конституціи конца XVIII в. изыскиваютъ различные способы увеличенія государственныхъ доходовъ безъ прямого обремененія шляхты; вмѣсто установленія обязательныхъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 585, „Люблинская унія соединила народы Польскій и Литовскій въ одно неразрывное цѣлое, такъ пусть же то, что обезпечено ею для провинцій В. Княжества Литовскаго остается навсегда нерушимымъ“.

²⁾ Тамъ же, т. VII, стр. 352, „Ясновельможные гг. депутаты должны будутъ стараться о томъ, чтобы... законы о наслѣдованіи въ имуществѣхъ изложенные только въ Статутѣ В. Княжества Литовскаго въ артикулахъ 17, Разд. III, и арт. 19, Разд. IV (?), редактированные кратко, вслѣдствіе чего они служатъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиною недоразумѣній, были бы надлежащимъ образомъ истолкованы и окончательно опредѣлены, а это весьма важно для провинцій В. Княжества Литовскаго, которая привыкла руководствоваться только своимъ основнымъ закономъ“.

податей, мы встрѣчаемъ «добровольныя пожертвованія для неотложныхъ надобностей отечества, т.-е. подписку, коллекторовъ и т. под. ¹⁾), встрѣчаемъ установленіе лоттерей, введеніе табачной монополіи, штемпельной подати съ игральныхъ картъ ²⁾ и т. д.

Еъ числу такого рода податей принадлежить и пошлины съ выморочныхъ имѣній.

Пока въ распоряженіи Королевской власти находились огромныя поіезуитскія имѣнія, охотниковъ розыскивать выморочныя имѣнія было немного. Но, когда поіезуитскія имущества такъ или иначе были распредѣлены, то вѣзры шляхты обратились на выморочныя имѣнія: Съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія пожалованія «кадуковъ» идутъ одинъ за другимъ, цѣлыя книги Метрики Литовской отводятся для внесенія этихъ жалованныхъ грамотъ ³⁾, тоже происходитъ и въ актовыхъ книгахъ другихъ учреждений.

Широкое распространеніе этого рода пожалованій объясняется тѣмъ, во-1-хъ, что пожалованіе имущества, къ которому не имѣлось родственниковъ въ восьмомъ поколѣніи, было почти равнозначительно пожалованію имущества безхозяйнаго; во-2-хъ, Король, жалуя такого рода имущество, «предоставлялъ всѣ заботы о приобрѣтеніи выморочнаго имущества отъ неправильно владѣющихъ», на счетъ и рискъ лица, получившаго грамоту; въ-3-хъ, съ 1788 г. приобрѣтатель такого кадуковаго имѣнія обязанъ былъ внести въ казну одновременно половинную стоимость этого имущества, а затѣмъ платить съ него подать въ 10% ⁴⁾.

Обращаясь къ основаніямъ, на которыхъ жалуются кадуковыя имѣнія, мы видимъ, что основанія эти различны; такъ, напр., фольварокъ Борейкяны въ повѣтъ Поюрскомъ, княжествѣ Жомойтскомъ, пожалованъ Фелиціану Призгину въ 1782 г., мая 18, въ силу того, что наслѣдники обоего пола къ этому имуществу вы-

¹⁾ Vol. leg., т. IX, стр. 35, конст. 1786 г.

²⁾ Ibid., 399.

³⁾ Такъ напр. 15 кадуковыхъ грамотъ съ 1782 г. по 1791 приведены г. Пташицкимъ изъ одной только книги Метр. Литовской, т. е. Публич. дѣлъ, № 32, — в. наз. соч., стр. 25—28.

⁴⁾ Vol. legum, t. IX, стр. 97.

мерли. На томъ же основаніи предоставляются привилегія 1783 г. мая 8, Францишку Мушинскому, 1784 г. марта 12, фольваркъ Понудзе, иначе Гердзеголе, въ повѣтъ Бержанскомъ, по смерти послѣдняго владѣльца и по отсутствію наслѣдниковъ обоого пола, 1787 г., января 3, имѣніе Дерлинце, въ повѣтъ Вѣшвянскомъ, пожаловано по выморочному праву Діонисію Понятовскому по смерти Іосифа Корсака, не оставившаго наслѣдниковъ въ степени, обозначенной въ законѣ ¹⁾).

Еслибы мы имѣли пожалованія на только что указанномъ основаніи, то развѣ противъ послѣдняго можно было бы возразить, что оно фѣормально неправильно въ томъ отношеніи, что ссылается на какую-то степень, указанную въ законѣ, тогда какъ на основаніи 17 артикула III Раздѣла наслѣдованіе не было ограничено никакою степенью.

Но среди жалованныхъ грамотъ мы встрѣчаемъ и такія, въ которыхъ пожалованіе дается на основаніи прямо противоположномъ Литовскому Статуту и согласномъ съ конституціею 1588 г., такъ въ 1782 г., октября 16-го, Король жалуетъ Ѳадею Томашевичу село Сѣлявишки въ воеводствѣ Трокскомъ по угасшей до восьмага *поколтніа* линіи наслѣдниковъ Адама Кальвинскаго, 1782 г., декабря 6-го, пожалованъ Антону Рыбинскому фольварокъ Ягинты, иначе Балалышки, послѣ вымершихъ до восьмой *степени* наслѣдниковъ Монтовтовъ, 1783 г., іюня 25-го, фольваркъ Шилосады, въ воеводствѣ Трокскомъ, пожалованъ послѣ смерти безпотомно умершаго Яна Залескаго и послѣ вымершихъ до восьмой *степени* (usque ad octavum gradum) наслѣдникахъ его обоого пола, въ 1785 г., іюля 20-го, выморочное право предоставляется Игнатію Товянскому по безпотомно умершемъ Стефанѣ Пучковскомъ, не оставившемъ наслѣдниковъ до восьмага *поколтніа*. Подобныя же пожалованія встрѣчаемъ мы отъ 5-го апрѣля, 1788 г., 11-го февраля, 1789 г., 30-го іюня 1790 г., сентября 6-го, 1790 г. и т. д. ²⁾).

¹⁾ Въ наз. соч. г. Пташицкаго, стр. 25—27.

²⁾ Въ н. соч. г. Пташицкаго, стр. 25—28.

Сравнивая эти пожалованія съ конституціею 1588 г., мы видимъ, что одни изъ этихъ пожалованій согласны съ ея текстомъ, а другія какъ будто бы находятся въ противорѣчій.

На основаніи конституціи 1588 г. «шляхетскія имущества какъ отеческія, такъ и материнскія не могутъ быть почитаемы за выморочныя до тѣхъ поръ, пока были бы родственники со стороны отца и со стороны матери, обоого пола, изъ той и другой линіи, причемъ каждая изъ этихъ линій не можетъ быть прервана четвертою, пятою и послѣдующими степенями родства (*gradus propinquitatis*), пока только право законнаго наслѣдованія можетъ быть доказано до восьмой степени включительно (*usque ad octavum gradum inclusive*)¹⁾.

Конституція говоритъ о степени, грамоты же короля Станислава Августа—то о степени, то о поколѣніи.

Чѣмъ объяснить такого рода смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ, понятій?

Подъ именемъ степени (*gradus*) разумѣется связь между собою двухъ лицъ посредствомъ рожденія, подъ менемъ же поколѣнія или колѣна (*parentella*) разумѣются совокупность лицъ, происходящихъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей.

Сообразно съ германскими принципами, каноническое право приняло за основаніе для исчисленія родства не количество рожденій, а количество поколѣній или парентель. Лица, происходящія отъ однихъ и тѣхъ же родителей, составляютъ первое поколѣніе, ихъ потомки по отношенію къ дѣду—другое поколѣніе и т. д.

Этотъ счетъ рознится отъ римскаго не въ прямой линіи, а въ боковой, а именно: По римскому праву, обозначая количество степеней, мы обозначаемъ и количество рожденій съ той и другой стороны, между тѣмъ какъ по каноническому праву они считаются только по одной сторонѣ, такъ, напр., *братья*, по римскому исчисленію будутъ находиться между собою во второй степени, а по каноническому исчисленію (*computatio cano-*

¹⁾ Vol. legum, t. II, л. 210, § 8.

писа) въ *первой степени*, *двояродные братья* по римскому счету будутъ находиться между собою въ *четвертой*, а по каноническому—*во второй* степени.

Посмотримъ теперь, какъ опредѣлялось наслѣдованіе послѣ безпотожно умершихъ по литовскому праву.

Обратимся прежде всего къ источникамъ древняго обычнаго права: Выше было уже показано, что имущество становилось выморочнымъ только въ томъ случаѣ, когда наслѣдодатель—«пустой человекъ, ни дѣтей, ни родственниковъ», слѣдовательно, есть родственники, имущество не считается выморочнымъ. Поищемъ такого случая. Мы уже выше упоминали о судебномъ рѣшеніи по притязаніямъ князей Санкгушковичей къ имѣнію Грушовая и Черевачичи; остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на этомъ рѣшеніи: Въ 1522 г., маршалокъ Волынской земли, староста Володимирскій, князь Андрей Александровичъ вмѣстѣ съ сыновьями своего брата (братаничами), княземъ Василюемъ и кн. Андреемъ Михайловичами Санкгушковичами, просилъ короля Сигизмунда I о присужденіи имъ имѣній Грушевой и Черевачичи по бездѣтно умершей сестрѣ (троюродной) Аннѣ, женѣ Венцлава Костевича, урожденной княжнѣ Кобринской, такъ какъ послѣ ея смерти нѣтъ, кромѣ ихъ, къ тому имѣнію никого «ближнихъ».

Король, разсмотрѣвъ ихъ родственныя отношенія къ Аннѣ Костевичъ, присудилъ имъ имѣнія Грушовую и Черевачичи, а приданное приказалъ возвратить въ «домъ князей Гольшанскихъ», отъ которыхъ происходила мать Анны Костевичъ.

Въ 1528 г., по просьбѣ королевы Боны, какъ владѣлицы города Кобрина, къ которому Грушовая и Черевачичи были приписными, король Сигизмундъ I, въ виду того, что главное имѣніе г. Кобринъ принадлежало королю Казимиру, а Грушовая и Черевачичи были предоставлены имъ матери Анны Костевичъ, женѣ князя Семена Кобринскаго, урожденной княжнѣ Гольшанской, лишь въ обезпеченіе ея приданнаго;— въ виду, далѣе, того, что жена князя Семена Кобринскаго свое приданное, обезпеченное на указанныхъ выше имѣніяхъ, записала своей дочери Аннѣ, эти

имѣнія, по смерти Анны, какъ служившія лишь обезпеченіемъ приданнаго, возвращаются обратно къ ихъ собственнику, Королю, или къ тому, кому Король пожаловалъ главное имѣніе Кобринъ, т.-е. королевѣ Бонѣ, а она уже уплачиваетъ родственникамъ обезпеченное на этихъ имѣніяхъ приданное.

Въ виду этого, Король Сигизмундъ опредѣляетъ: «Бгдыжъ тыи ихъ сестры (Анна Костевичъ и ея сестра) не были очичками, а князи Санкгушковичи, будучи съ тыми кнегинями въ *четвертомъ поколѣніи*, и овшемъ къ тымъ имѣніямъ никоторое близкости не мають»;—т.-е., князья Санкгушковичи потому только устраняются отъ наслѣдованія послѣ Анны Костевичъ, что она сама не была собственницею отыскиваемыхъ имѣній, но что родственная связь князей Санкгушковичей съ Анною Костевичъ служила основаніемъ для наслѣдованія послѣ нея, это видно изъ того обстоятельства, что Король, вслѣдъ за отказомъ Санкгушковичамъ въ искѣ относительно имѣній, присуждаетъ имъ приданное Анны Костевичъ въ виду того, что Гольшанскіе не заявили къ нему своихъ притязаній. Такимъ образомъ, приданное переходитъ здѣсь изъ одного рода въ другой.

Сообщая содержаніе этого документа, г. Пташицкій утверждаетъ, что настоящее рѣшеніе служитъ доказательствомъ прекращенія въ Литвѣ наслѣдованія уже въ четвертой степени¹⁾.

Для разрѣшенія вопроса о томъ, на сколько правильно это имѣніе, постараемся возстановить родственныя отношенія, существовавшія между князьями Санкгушовичами и Анною Костевичъ. Въ 1456 г. князь Семенъ Романовичъ Кобринскій (отецъ Анны Костевичъ), вступая въ бракъ съ Ульяною Семеновною Гольшанской (матерью Анны Костевичъ), записываетъ ей, въ обезпеченіе приданнаго, имѣнія: Кобринъ, Грушовую и Череватици. Въ качествѣ свидѣтелей, при составленіи этого акта присутствуютъ и прикладываютъ свои печати: дядя кн. Семена Романовича, князь Санкгушко Ѳедковичъ и братъ его Александръ Санкгушковичъ. Вотъ факты.

¹⁾ Наз. соч., стр. 22.

со стороны отца и со стороны матери, *не полагая въ этотъ счетъ дѣтей*» (рожонныхъ) ¹⁾.

На основаніи указанныхъ выше началъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, о чемъ идетъ рѣчь: Бракъ воспрещается до десятой степени родства и свойства.

Но вотъ въ чемъ затрудненія. Почему Статутъ изъ счета поколѣній исключаетъ дѣтей? Для объясненія этого обстоятельства необходимо сдѣлать небольшое отступленіе: Въ числѣ источникомъ Статута было Саксонское Зерцало. Заимствованіе оттуда различныхъ статей не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: напр., Л. С. ар. 21, Разд. V, почти дословно взяты изъ Саксон. Зер., кн. I, ар. 21, глос., Магдеб. право, ар. 22, b, a; Л. С. ар. 7, Разд. XI, объ отцеубійствѣ, дословно соотвѣтствуетъ Саксон. Зер., кн. II, арт. 14, глосса 2-я, въ концѣ; Л. С. ар. 7, Разд. VIII, о причинахъ, по которымъ отецъ можетъ лишить дѣтей наслѣдство заимствованъ изъ Сакс. Зерцала, кн. I, арт. 17, глосса m.

Посмотримъ, не сложилось ли и указанное выше исключеніе дѣтей изъ счета поколѣній подъ вліяніемъ того же источника.

Третій артикулъ Первой Книги Саксонскаго Зерцала читается такъ: «Оригенъ сказалъ, что міръ долженъ существовать семь эпохъ и въ седьмой погибнуть, а изъ Писанія видно, что каждой эпохѣ назначено по тысячѣ лѣтъ. Первая началась отъ Адама, вторая отъ Ноя, третья отъ Авраама, четвертая отъ Моисея, пятая отъ Давида, отъ воплощенія Іисуса Христа пошла шестая, въ седьмой находимся мы, не зная когда наступитъ конецъ. По этому же образцу на седьмомъ оканчивается военный щитъ или кругъ. Въ первомъ находится Римскій императоръ, во второмъ епископы, аббаты и аббатиссы, которые титулуются свѣтлѣйшими, въ третьемъ свѣтскіе князья, титулуемые свѣтлостями, отъ которыхъ происходятъ подданные и вассалы епископовъ, въ четвертомъ бароны и дворянство, въ пятомъ вассалы и подданные упомянутыхъ господъ, въ шестомъ подвассалы. Какъ относительно седьмой эпохи церковь

¹⁾ Въ сенатскомъ наданіи 1811 г. это выраженіе переведено совершенно неправильно словомъ „родные“, такъ что получается безусловно непонятная фраза.

не выразила опредѣленнаго воззрѣнія, сколько времени она продолжится, такъ точно неизвѣстно существуетъ ли седьмой кругъ или нѣтъ. Подобно тому, какъ свѣтскіе князья, ставъ вассалами духовныхъ, вдвинули шестой кругъ въ седьмой, подобно тому, какъ кругъ кончается на седьмомъ, міръ оканчивается на седьмой эпохѣ, такъ точно и степень родства оканчивается на томъ же числѣ».

«Замѣть теперь, гдѣ начинается родство и на какомъ членѣ оно оканчивается: Въ головѣ находится мужъ и жена состоящіе въ законномъ супружествѣ. Въ шеѣ помѣщается ихъ потомство, а именно то, которое происходитъ отъ однихъ и тѣхъ же отца и матери, потому что тѣхъ, которые происходятъ отъ разныхъ отцовъ и матерей, нельзя поставить въ томъ же самомъ членѣ, какъ и родныхъ, но въ болѣе отдаленномъ членѣ. Если же два брата вступаютъ въ бракъ съ двумя сестрами, а третій братъ женится на женщинѣ совершенно посторонней, то дѣти ихъ, тѣмъ не менѣе, вступаютъ безразлично въ наслѣдованіе другъ послѣ друга, потому что они равнородны. Дѣти родныхъ братьевъ помѣщаются въ сочлененіи руки съ туловищемъ и лопаткою, здѣсь полагаемъ мы первую степень (*gradus*) родства, въ которой находятся дѣти братьевъ или сестеръ, называемые также внуками. Въ локтѣ вторая степень, въ которой находятся правнуки, въ сочлененіи руки и кисти третья степень родства, а въ ней находятся праправнуки, въ первомъ членѣ среднего пальца, гдѣ онъ выходитъ изъ руки, находится четвертая степень, которую занимаютъ дважды правнуки (*antepotes*). Во второмъ суставѣ того же пальца — пятая степень, которую занимаютъ трижды правнуки (*trinepotes*), въ третьемъ суставѣ — шестая степень, которую занимаютъ четырежды правнуки. Въ четвертомъ наконецъ членѣ пальца находится ноготь а не членъ, вотъ здѣсь то и оканчивается родство. Тѣ, которые отъ первой и до послѣдней степени находятся въ равныхъ степеняхъ, тѣ и наслѣдство дѣлятъ поровну. Тотъ же, кто можетъ доказать, что онъ по степени ближе къ наслѣдодателю, предпочитается тому, кто находится далѣе. На седьмой же степени кончается родство, дающее право на

наслѣдованію. Хотя Папа и дозволилъ вступать въ бракъ въ пятой степени, но его постановленія не могутъ причинять никакого ущерба нашему феодальному и городскому праву».

Семнадцатый артикулъ I книги Саксонскаго Зеркала не оставляетъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія о томъ, что понимается имъ подъ именемъ степени и каковъ долженъ быть порядокъ наслѣдованія боковыхъ. Этотъ артикулъ слѣдующаго содержанія.

«Если кто-либо умереть бездѣтнымъ, то его наслѣдство получаетъ отецъ, а не будетъ отца въ живыхъ, то мать, такъ что тотъ и другая призываются къ наслѣдству предпочтительно передъ братьями наслѣдодателя. Сынъ наслѣдуетъ отцу, матери, брату и сестрѣ, а дочь не наслѣдуетъ, но если нѣтъ сыновей, то наслѣдуетъ дочь. Но когда у наслѣдодателя не будетъ ни братьевъ, ни сестеръ, то наслѣдуютъ въ равныхъ доляхъ всѣ тѣ, которые находятся въ равныхъ степеняхъ родства. А такъ какъ при этомъ не различаются въ правѣ наслѣдованія мужчины отъ женщинъ, то и называются они поколѣнными наслѣдниками. Внуки обоюго пола предпочитаютъ въ наслѣдованіи отцу и матери, брату и сестрѣ умершаго по тому, что наслѣдство до тѣхъ поръ не идетъ въ восходящую или боковую линію, пока существуютъ нисходящія въ той же степени, которая равняется степени ихъ родителей. Тотъ кто не равенъ другому по поколѣнію (*in generatione fuerit inequalis*) тотъ ему и не наслѣдуетъ».

Изъ этихъ опредѣленій Саксонскаго Зеркала видно, во-1-хъ, что подъ именемъ степени разумѣлась не связь двухъ лицъ между собою по рожденію, а совокупность лицъ, происходящихъ отъ одного лица, или колѣно, поколѣніе, *parentella*; во-2-хъ, что при открытіи наслѣдства, наслѣдовали не ближайшіе въ степени, а ближайшіе въ поколѣніи, т.-е., что близость родства исчислялась не отъ наслѣдодателя, а отъ родоначальника, въ-3-хъ, что при исчисленіи поколѣній, сынъ и дочь не принимались въ расчетъ, и первую степень, или поколѣніемъ, считались внуки.

Возвращаясь теперь къ Литовскому праву, мы находимъ совершенно раціональное объясненіе тому обстоятельству, что сы-

новья и дочери не идутъ въ счетъ поколѣній: Это начало заимствовано изъ Саксонскаго Зеркала и ни откуда болѣе, потому что другіе источники Латинскаго Статута не признають такого исключенія.

Для подтвержденія того, что слово «степень» понималось въ Литвѣ въ смыслѣ поколѣнія, мы сошлемся на прошеніе, подавленное Виленскими мѣщанами Царю Алексѣю Михайловичу въ 1658 г. ¹⁾. Ходатайствуя о подтвержденіи за ними различныхъ правъ, мѣщане просятъ, между прочимъ, чтобы имъ было предоставлено по прежнему наслѣдовать «*usque ad octavum gradum*», т.-е. до восьмой степени.

Въ переводѣ на русскій языкъ того времени, напечатанномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ ²⁾, эта просьба Виленскихъ мѣщанъ изложена такъ: «Животы бѣ послѣ умершихъ отдавать въ родъ до осмого колѣна»: А что разумѣлось подъ именемъ «колѣна» на юридическомъ языкѣ того времени, это видно изъ Указа 1676 г. ³⁾, которымъ опредѣляется, что въ случаѣ отсутствія нисходящихъ, наслѣдство идетъ «къ дядьямъ и братьямъ двоюроднымъ въ другомъ и въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ».

Обращаясь теперь къ Литовскому Статуту 1588 г., мы видимъ, что принципъ наслѣдованія, принятый имъ, есть принципъ поколѣннаго наслѣдованія, безъ ограниченія какою-бы то ни было степенью родства: «Если не будетъ ни братьевъ, ни сестеръ, ни ихъ самаго отдаленнаго потомства, говорить 17 арт. III Разд., то имущество отеческое идетъ въ родъ отца, а материнское въ родъ матери», и далѣе «имущество становится выморочнымъ только тогда, когда не останется ни одного родственника въ какой бы отдаленной степени родства онъ ни находился», такъ какъ подъ словомъ «близкій», употребленномъ въ послѣднихъ строкахъ 17 артикула разумѣется всякій родственникъ вообще, потому что чуже-

¹⁾ Книги Виленскаго город. Магистрата. Напечатана впервые Крашевскимъ въ его *Historya miasta Wilna*, на основаніи списка, принадлежавшаго пр. Лобойко.

²⁾ I П. С. З., № 232, іюня 30, 1658 г.

³⁾ I П. С. З., № 634, марта 14, 1671 г.

родцы отличены отъ родственниковъ тѣмъ, что они наслѣдуютъ не въ силу родственной связи, а въ силу завѣщанія ¹⁾).

Намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о порядкѣ наслѣдованія на основаніи конституціи 1588 г.:

Постановляя, что имущество не считается выморочнымъ до тѣхъ поръ, пока имѣются въ той и другой линіи, т.-е. въ линіи отца и въ линіи матери наслѣдники до 8 степени, конституція разумѣла, конечно, наслѣдованіе нисходящихъ, а слѣдовательно и счетъ не по степенямъ, а по поколѣніямъ, счетъ отъ родоначальника, которымъ въ данномъ случаѣ является нѣкто иной, какъ дѣдъ въ восьмомъ поколѣніи въ линіи отца и въ линіи матери.

Признавая всѣ привилегіи, выданныя Королемъ Станиславомъ Августомъ наканунѣ паденія государства за привилегіи противорѣчащія Литовскому Статуту, а потому, какъ выданныя *ad male pagata*, за ничтожныя, отвергая также, чтобы примѣненіе закона черезъ двѣсти лѣтъ послѣ его изданія могло считаться разрѣшеніемъ вопроса о томъ, какъ понимался этотъ законъ въ моментъ его изданія, я утверждаю, однако, что даже распространяя на Литву дѣйствія чужихъ законовъ, судьи должны были руководиться и дѣйствительно руководились при примѣненіи этихъ законовъ къ родственнымъ отношеніямъ началами Литовскаго права.

Обращаясь къ содержанію того судебного рѣшенія, которое и служить единственнымъ основаніемъ для утвержденія г. Пташицкаго, что конституція 1588 г. распространялась и на Литву, мы видимъ, въ этомъ рѣшеніи суда, изданномъ за 2 года до уничтоженія Поляками Великаго Княжества Литовскаго ²⁾ и за 4 года до исчезновенія самаго Польскаго государства, приложение того самаго счета родныхъ, который существовалъ въ Литвѣ, и примѣненіе того принципа, въ силу котораго наслѣдованіе въ отеческомъ или материнскомъ имуществѣ и не могло быть инымъ, какъ по-

¹⁾ „Кромѣ тыхъ, которые безъ потомковъ, близкихъ, щадковъ и наследковъ своихъ зомрутъ ни на кого права своего прирочного и выслужного не вливши и не записавши“ Лит. Стат. 1588 г., ар. 17, Разд. III.

²⁾ См. Конституція 1793 г.

колѣннымъ: По литовскому праву подъ отеческимъ имуществомъ разумѣлось только то, которое перешло къ данному лицу отъ его отца по праву законнаго наслѣдованія ¹⁾, поэтому разъ возникалъ вопросъ о наслѣдованіи въ отцовскихъ и материнскихъ имѣніяхъ, наслѣдованіе могло быть только поколѣннымъ въ восходящей линіи; сверхъ того, употребленіе термина линія, одна линія, не допускаетъ возможности разумѣть здѣсь еще и боковую линію.

Вотъ тѣ начала, которыя даже при незаконномъ приложеніи къ Литвѣ конституціи 1588 г. судьи должны были принять въ руководство.

И дѣйствительно: Въ 1791 г. Задворный ассессорскій судъ, разрѣшающъ дѣло о выморочности фольварка Рингвальдишки въ Ковенскомъ повѣтѣ, пожалованнаго Королемъ, Загорскому, какъ онъ самъ заявляетъ, въ виду того, что «линія наслѣдниковъ Рингвальда угасла въ восьмомъ поколѣніи». — Только что приведенная фраза показываетъ совершенно ясно, какъ понималъ король и тѣ лица, которымъ онъ жаловалъ выморочныя имущества, распоряженіе конституціи 1588 г.:

Необходимо для наступленія выморочности, чтобы восемь поколѣній, или степеней, въ нисходящемъ потомствѣ вымерли: А такъ какъ отъ перваго пріобрѣтателя могло идти нѣсколько линій и отъ каждаго колѣна, въ свою очередь, тоже по нѣскольку линій, то уже для рода отца количество родственниковъ, находящихся между собою въ различныхъ степеняхъ, но въ одномъ и томъ же поколѣніи, могло быть громаднымъ, (даже если мы не будемъ причислять рода матери, въ которомъ наслѣдованіе должно было восходить по тому же самому принципу), то можно сказать виѣстѣ съ извѣстнымъ знатокомъ нѣмецкаго права проф. І. Ф. Шульте: «На основаніи Зерцалъ (Саксонскаго и Швабскаго) границею права наслѣдованія является 6, т.-е. 7 степень. На основаніи источниковъ, нельзя сказать съ достовѣрностью, шло

¹⁾ Лит. Стат. 17 ар. III Р.—П. П. С. Зак. № 15, 534. К. П. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, т. I, стр. 55—56. Спб. 1868 г.

ли наслѣдство только до седьмого поколѣнія (parentel), но на основаніи текста Саксонскаго Зерцала, подобное предположеніе весьма вѣроятно, хотя трудно, при обыкновенныхъ отношеніяхъ, составить себѣ представленіе о такомъ отдаленномъ родствѣ¹⁾.

Что Задворный ассессорскій судъ принималъ именно такой порядокъ наслѣдованія, это видно вполне ясно изъ его рѣшенія:

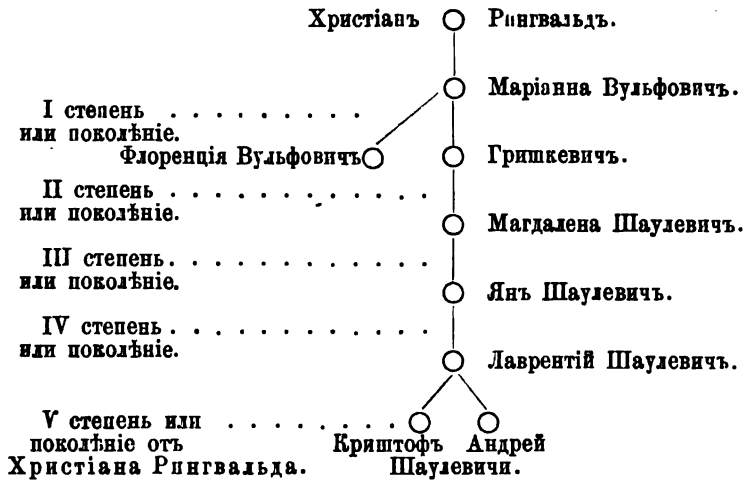
«Принимая во вниманіе, что послѣ угасшей линіи Кристиана Рингвальда его имѣніе было пожаловано двор. Загорскому, какъ выморочное, на томъ основаніи, что къ нему не осталось ни одного наслѣдника Рингвальда въ восьмой степени, а между тѣмъ изъ представленной суду генеалогіи оказалось, что наслѣдники покойнаго Рингвальда имѣются еще въ пятой степени, Задворный судъ, подъ предсѣдательствомъ Короля, уничтожаетъ привилегію *juris caduci*, а имѣніе возвращаетъ его законнымъ наслѣдникамъ»:

«Представленная суду генеалогія была слѣдующая: У Кристиана Рингвальда была дочь Марьяна, въ замужествѣ Вольфовичъ, у нея были двѣ дочери: Флоренція, поступившая въ монастырь Бенедиктинокъ, въ обезпеченіе приданаго которой и былъ данъ изъ отческаго имѣнія спорный фольваркъ Рингвальдишки, и Марьяна, вышедшая замужъ за Гришкевича, у Гришкевича была дочь Магдалина, въ замужествѣ за Константиномъ Шаулевицемъ, у нея сынъ Янъ, у Яна сынъ Лаврентій, у Лаврентія Шаулевича два сына Кристофъ и Андрей».

«Такъ какъ эти послѣдніе приходятся родоначальнику въ пятой степени, то имущество не можетъ почитаться выморочнымъ».

Для ясности изобразимъ эту родословную графически.

¹⁾ J. E. Schulte. Lehrbuch der deutschen Reichs- und Rechtsgeschichte. Sechste Auflage. Stgt, 1893, стр. 533, § 172.

При разсмотрѣніи этой генеалогіи, невольно возбуждается недоумѣніе, какъ считалъ судъ родство, если Криштофъ и Андрей Шаулевичи признаны состоящими въ пятой степени родства, между тѣмъ какъ этихъ степеней шесть.—Но если мы вспомнимъ счетъ родства по Литовскому Статуту 1588 г. и по Саксонскому Зерцалу, согласно которымъ дѣти родоначальника не идутъ въ счетъ поколѣній, а первымъ поколѣніемъ считаются внуки, мы должны будемъ признать опредѣленія суда вполне правильнымъ.

Опираясь на это судебное рѣшеніе, которое наглядно показываетъ, какъ понималась въ Литвѣ конституція 1588 г. «О кадукахъ» мы вправѣ утверждать, что отсутствіе громкихъ протестовъ противъ нарушенія Королемъ и судами опредѣленія 17 арт. III разд., произошло отъ того, что Литовцы въ такомъ ограниченіи права наслѣдованія, которое устанавливалось конституціею 1588 г. справедливо видѣли выраженіе того же неограниченнаго права наслѣдованія, которое признавалось Литовскимъ Статутомъ. Въ самомъ дѣлѣ, ограниченіе наслѣдованія Шестнадцатымъ поколѣніемъ, по конституціи 1588 г. ограничить, можно сказать, съ безконечностью.

1589 г., февраля 1.

Привилей змоцненя новопоправленаго статуту и суды Трибунальскіе, што на чотырахъ мѣстцахъ отправаны были, на двухъ мѣстцахъ отправать назначано, также отверженіе судовъ каптуровыхъ по смерти Кор. Его М. Стевана отправанныхъ, и вароване староствъ, до столу Его Кор. Милости отъ Речи Посполитое упевненыхъ, никому не давать безъ чиненя личбы.

Живимонтъ Третій, Божью милостью, Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жомонтскій, Мазовецкій, Ифлянтскій, тою-жъ Божью милостью назначонный Король Шведскій, Вандальскій, княже Финляндское, и иныхъ.

Ознаймуемъ ижъ рады и рыцерство, послове великого князства Литовского, то собѣ на соймѣ коронации наше, за позволеніемъ всихъ становъ, варовали, а мы то имъ за вечное право мѣти хотимъ: Напервей статутъ правъ великого князства Литовского, теперь, новопоправленный черезъ депутаты отъ становъ великого князства Литовского на то обраныхъ, а на томъ соймѣ коронации наше для потверженя поданый, змоцняемъ и до уживаня даемъ, якожъ о томъ привилей нашъ, водле права ихъ, рускимъ писмомъ обывателемъ великого князства Литовского выдати розсказали есмы и ку уживаню яко на борздей привести обещуемъ, заховываючи имъ завѣжды вольную статуту поправу, вѣдѣже такъ, абы непротивъ списомъ уніи, яко и тотъ статутъ звязку уніи ничого шкодити не маеть. Суды трибунальскіе, которые до того часу у великомъ князстве Литовскомъ на чотырохъ мѣстцахъ отправаны

были, то есть одна часть воеводствъ и повѣтовъ сужона была у Вильни, другая у Трокахъ, третья у Новогородку, четвертая у Меньску, тогда, за зезволенъемъ становъ великого князства Литовскаго, постановляемъ, ижъ вси воеводства, поветые великого князства Литовскаго на двухъ мѣстцахъ сужоны быти мають—тымъ способомъ, же воеводства и поветы, которые се до того часу у Трокахъ судили, вжо теперъ и напотомъ у Вильни судитисе мають; а тые, которые се в Меньску и в Новогородку судили, такъже на одно мѣсце зносимъ, то есть, одинъ рокъ в Новогородку, усе тое, што передъ тымъ у Меньску сужоно, а другій рокъ у Меньску, и тые вси sprawy, которые в Новъгородку судять, отправованы быти мають, яко о томъ въ констытуции трибунальской есть описано. Якожъ часть тыхъ судовъ судьямъ трибунальскимъ на тыхъ мѣстцахъ таковой назначаемъ, то есть: у Вильни воеводство Виленское три недели, воеводство Троцкое три недели, земля Жомотская три недели, воеводство Полоцкое две недели судити се мають, не отъѣжъдчаючи зъ Вильна, а скончивши у Вильни суды в Новъгородку, або в Меньску за недѣль двадцать две по Великодни судьи становитисе мають, где порядкомъ кожъдого воеводства sprawy по недель три судити повинъни будутъ. А ижъ земля Жомотская, которая была одержала особные суды трибунальскіе, але ихъ до того часу не вживала, тогда до трибуналу великого князства Литовскаго приступила, и мы имъ того позволяемъ, и вжо депутаты, которыхъ они прикладомъ инъшихъ воеводствъ по три на кожъдый годъ обрати мають, споломъ зъ другими завѣжды заседать, и суды всѣ порядкомъ своимъ отправовати мають. Суды каптуровые и поступки до нихъ, которые по смерти короля его милости отъ становъ великого князства Литовскаго, где-кольвекъ у великомъ князствѣ Литовскомъ были постановлены, также тежъ увси sprawy передъ справъцою староства Берестейскаго, по смерти пана Виленскаго обранымъ, отправованы, утвержаемъ и змоцняемъ, которыхъ экзекуция, водлугъ постановенья, доходити и отправована быти маеть. Староства и державы певные, а меновите, староство Берестейское, со всеми двory, яко панъ Виленскій держалъ, и

Кобринь, староство, Городенское, Олита, держава Могилевская, держава Шовленская зо всіми фольварками месты и волостями, до нихъ здавна и теперъ належачими, и съ тымъ, што чужоземцомъ одышло, за постановеньемъ и зезволенемъ всіхъ становъ великого князства Литовского до столу нашего належачіе, такъ варуемъ, же тыхъ староствъ и державъ мы и потомъковѣ наши никому зо всіми доходами ихъ безъ чиненъя личбы давати не маемъ, одно на личбе людемъ заслугонымъ, водле права народу великого князства Литовского, абы вси доходы зъ нихъ до скарбу нашего великого князства Литовского отдаваны были, опрочъ доходовъ тыхъ отъ насъ черезъ ревизоры а потомъ на старосты постановлены будутъ, альбо которые здавна старостамъ принадлежать; вѣдьже не нарушаючи ничіего права доживотъя, отъ продковъ нашихъ наданого, экономій жадныхъ, егдыжъ суть противъ праву и звычайи въ тыхъ, яко и в инъшихъ старостъвахъ и державахъ у великомъ князствѣ Литовскомъ становити и давати не маемъ, миньцы тежъ и пожитъковъ зъ нее приходячихъ, никому отдавати не будемъ, але ее при скарбе нашемъ великого князства Литовского завжды заставуемъ, которая альбо накладомъ скарбу нашего фольдрована, альбо тежъ арендована, где бы то было зъ лепшимъ пожиткомъ нашимъ, отъ насъ и отъ подскарбего нашего земского великого князства Литовского быти маеть: не уймуючи в томъ ничого владзы и права ничіего, водле конъституцій соймовыхъ першихъ. То тежъ варуемъ, ижъ тымъ, которые были розныхъ сенътенцій въ обиранью насъ на королевство польское и великое князство Литовское, не маемъ жадное неласки показовати, але въ однакомъ поваженью бождого зъ нихъ маючи, ласкою нашою господарською водлугъ заслугъ опатровати будемъ. Которые вси артыкулы змощняючи, всимъ обывателемъ великого князства Литовского зъ сейму коронации наше ку уживанью за печатью нашою великого князства Литовского выдати есьмо велели. Писанъ у Кракове, летъ Божьего Нароженья тысеца пятьсотъ осмъдесятъ осьмого, мѣсеца Февраля первого дня. Левъ Сапега Подъканцлерый великаго князя Литовского.

Изъ Метр. Литов. № 73, л. 242 (b).

**Декретъ задворнаго суда по дѣлу о высканіи двор.
Тизенгаузомъ съ дв. Озѣбловскаго, чашника Бовенскаго,
5,000 конъ грошей за нарушеніе имъ охранной грамоты,
выданной королемъ Владиславомъ Минскому каштеляну
Г. Раецкому.**

Decret miedzy urodzonym Tyzynhawzem Dworzaninem naszym
pokoiowym et vrodzonym Ozięblowskim czesznikiem Kowienskim.

Wladyslaw IV.

Oznaymuiemy tym listem decretem naszym, iż gdy w roku teraznieyszym 1646 mca Octobra 1 dnia przed nami y sądem naszym Assesorskim odprawowała się sprawa miedzy Instygatorem W. X. L. y delatorem urodzonym Andrzejem Tyzynhauzem dworzanim naszym pokoiowym, actorami, a urodzonym Stanisławem Ozięblowskim, czesznikiem Kowienskim, pozwanym do położenia decretu w sądach naszych assesorskich z instanty pozwanego przeciwko delatorowi w roku teraznieyszym mca Marca 9 dnia niesłusznie otrzymanego, jako szerzey w pozwie mandacie naszym opisano y dołożono. Na terminie ninieyszym spomienionego pozwu mandatu y z rejestru sąndowego przypadłym od actora urodzonego Tysenhawza szlachetny Stepan Bilinski, za mocą listowną sobie do tey sprawy daną, a urodzony Ozięblowsky, czesznik kowienski, sam personaliter, postanowili y spawnie z sobą rozprawowali, gdzie naprzod plenipotent actora znosiąc decret in contumaciam przez urodzonego Ozięblowskiego otrzymany posłancowi schlachetnemu Wojciechowi Bielickemu na chorobie do przysięgi brał, a post juramentum i odniesienia tego decretu, a in principali przypuszczenia do samey spawy domawiał,—My, Krol, przez P. P. Rad y Urzędnikow naszych dwornych, przychyłając się do prawa pospolitego y decretow in simili raszłych, temu posłancowi, Wojciechowi Bielickiemu na tym jako on od urodzonego Tyzenhawza do sprawy z urodzonym Ozięblowskim is sprawami był posłany w drodze jadąc zachorował, y względem

tey choroby do sprawy przybyć nie mógł, przysięgą wskazujemy, ktorey wykonanie dzien tszeci skłádamy, a w samey czeczy rosprowować się nakazujemy. W dalszym tedy processie prawnym plenipotent urodzonego Tyzynhawza produkował przed nami przywilej nasz w dacie roku 1643, mca lutego 1 dnia, którym za zgwałcenie listu zaręcznego przez urodzonego Ozięblowskiego przeciwko wielmożnemu Gedeonowi Raieckiemu, casztellanowi Minskiemu, wyniesionego ratione poranienia pod czas rokov ziemskich wilkomirskich, w Onikztach, w izbie sądowej wielmożnego casztallana minskiego y służ iego pięć tysięcy kop groszy litt. conferowalismy. Za tym wnosząc że iż urodzony Ozięblowski otczymawszy list zaręczny na wielmożnego castellana minskiego, sam przeciwko onemu wykroczył y occasiá dawszy wielmożnemu castelanowi Minskiemu list pomieniony naruszył, za czym w winy placenia zarąk kop pięć tysięcy skarbowy naszemu należących popadł, ktorych jako donatariusz nasz dochodząc przysądzenia sobie tey zaręki affectował. E contra plenipotent urodzonego Ozięblowskiego wnosił, iż jako niesłusznie urodzony Tyzynhawz tę winę uprosił, tak y oney dochodzić nie może. Albowiem wielmożny castellan miuski w sądzie Głównym Trybunalnym z oczewistey controversy iest convincowany y do urodzonego Jerzego Tysenhawsa jako pomocnik saluę zachowaną, na ostatek cytując prawo pospolite, artykuł 45, z rozdziału czwartego, yż gdyby kto nieosiadły osiadłego pozwał, po sobie porękę dać powinien, za czym aby pomieniony urodzony Tyzynhawz ante omnia albo possessionem pokazał, abo prawu dosyć czyniąc cautią po sobie dał, domiawiał. E contra plenipotent vrodzonego Tyzenhawsa powiedział, że lubo actor terazniejszy rozne possessie sum pieniężnych niemających sobie należących ma, atoli że imieniem fisci, za przywilejem naszym agit, a fiscus nigdy cauty nie daie, do tego iż constitutia roku 1588 wiraznie to w sobie ma że gdyby donatariysz nasz za przywilejem w sweju acty został do tego ewocatią na trybunał drogę prawo pokazało, s tych przyczyn cauty po sobie dawać nie powinien, abysmy tedy stronie pozwanej in principali negotio respondere nakazali domawiał się. Na co plenipotent pozwanej strony wnosił, iż sum-

ma nie iest possessia ale trzeba fixa bona pokazać, ktorych że pars actorea nie pokazuje tedy cautionem praestare na czym by swoich szkod urodzony Oziembłowski reqierować mógł powinna, do tego nie fiscus tu czyni ale privatus donatariusz nasz zaczym y korolowe (?) prawo statutowe cytuiąc cautionem adinveniri potrzebował. My, krol, poniewaz actor ad instantiam instygatora W. X. L. w osobie skarbu naszego za przywileiem naszym czyni, do tego constitutio roku 1588 conomine zaszła, z tych przyczyn, amputata cautione, ktorey sie pars citata domawiała in principali negotio stronom experiri nakazalismy. Zaczym plenipotent urodzonego Oziembłowskiego incompeten-tem actionem zadawiając to wnosil, że wielmożny Raiecki, casztellan Minski, mając z urodzoną Piotrową Oziembłowską, z matką teraznieyszego pozwanego, y z nim samym rozne zayscia nietylko na majątność onych, ale y na zdrowie ich następował, w czym urodzony Oziembłowski ponosiąc wielką krzywdę y nie będąc bezpieczen zdrowia swego, przychylaiąc się do prawa pospolitego. list zaręczny od urodzonego Antoniego Tyszkiewicza, marszałka naszego nadwornego, starosty Wilkomirskiego, pod winą dziesięciu tysięcy kop przeciwko wielmożnemu castellanowi Minskiemu wyniosł; potym, gdy na roki Michałowskie do Onikszt w roznych swoich praetensiach urodzona Oziembłowska wielmożnego castellana Minskiego zapozwala y teraznieyszy pozwany urodzony Ozembłowski jako przy matce stawał tam podczas sądow, pomieniony wielmożny castellan minski, znieważając prawo pospolite, zwierchność maiestatu naszego y ten list zaręczny, z niemalą gromadą pomocnikow, miedzy inszemi z teraznieyszym actorem urodzonym Andrzejem Tyzenhawzem, w yzbie sądowej, siekł na urodzoną Oziembłowską, syna y przyziaciol iey zdespectował, więc w zaniesionych ab utrisque processach, po odprawieniu przez deputatow z tribunalu naznaczonych scrutinium y po wielu dillatiach, sąd Główny Tribunalny ex serys partium controversiis, wielmożnego castellana Minskiego za takowy exces, nie uznawiając dalszych w prawie opisanych win, ex commiseratione na niedziel szesć siedzenia na gurze Wilkomirzkiey wskazał, potym, że wielmożny castellan Minski decretowi tribunalskiemu sprzeciwil się,

siedzenia nie wykonał, tenże sąd Główny Trybunałny troiackie zą-
ręki i paeny prawne przysądził. Potrzebie za jawne sprzeciwieństwo
tym decretom tribunalskim znowu Trybunał wielmożnego castellana
Minskiego na banitią wskazał y podług tego ostatniego trybunal-
skiego decretu banitią z cancellariey naszej W. K. L. na wiel-
możnego castellana Minskiego wydać rozkazalismy. Na dowod czego,
przy wielo roznych documentach te decreta wyszey wyrażone, jeden
w dacie roku 1644, mca juny 10 dnia, drugi decret w dacie roku
1645, mca augusta 30 dnia, pokładał, na ostatok że z urodzonym
Tyzenhawsem, jako pomocznikiem, o takowe excessa urodzona Ozię-
blowska in foro fori czyni prawem y za pozwy poń wyniesione, pro-
dukował. Z tych tedy, ratij ponieważ wielmożny castellan Minski sam
do naruszenia lista zaręcznego był wczątkiem y decretami tribunals-
kiemi iest convincowany to i przy nim y wina zostaię, że tedy
urodzony Tyzenhaws non deduxit, aby miał być prawem wrodzonego
Ozięblowskiego convincowany i owszem sam complex facinoris będąc
nie mógł tey ząręki u nas wpraszać, abyśmy incompetentem actionem
uznawszy, przywiley, jako ad male narrata, przez urodzonego Tyzen-
hawsa otrzymany skassowali, affectowali.— Plenipotent zaś urodzonego
Tyzenhawsa, zadawaiąc to, że wielmożny castellan Minski tę wszyst-
kie decreta trybunalskie w sądzie też Głównym Trybunałnym w
terazniejszym roku per juramentum zniósł y żadna wina przy nim
nie została, do tego nie potrzeba było urodzonemu Tyzenhawsowi
urodzonego Ozięblowskiego o złamanie listu zaręcznego convincere,
kiedy wielmożny castellan Minski, z terazniejszym rozne conomine
w sądach tribunalskich maiąc actie, wicit ostatnim decretum ktorem
per euasionem wielmożnego castellana Minskiego uwolnione toc eo
ipso urodzony Ozięblowski winnym się być pokazał, lecz urodzony
Tyzenhaws, jako tertius, intervenit y na winnym ząręki od nas con-
ferowaney dochodzi, a co strona complicitatem zadaie ta afficere ac-
tora nie może, iż intra debitum tempus za saluą sobie w decretach
trybunalskich zachowaną nic z strona nie czyni; abyśmy, competen-
tem actionem wznawszy, directam responsionem nakasali, doma-
wiał się.— E contra zaś plenipotent urodzonego Ozięblowskiego wno-

sząć, że wielmożny castellan Minski decretow tribunalskich, ex seriis partium controversijs ferowanych, znosić nie mógł y lubo się ostatnim jakimśi decretem trybunalskim pars actorea szczyci, jakoby per evasionem wielmożnego castellana Minskiego sąd Główny miał uwolnić, lecz że go ad praesens nie pokazuje, a chociażby pokazała tedy w niestannym w obmowie urodzoney Oziębłowskiej otszymany, żadney wagi mieć nie może, zaczym przy tych pierwszych pomienionych decretach trybunalskich stoiać, abyśmy od tey, przez actora zaniesionej, acty uwolnili potrzebowal. — My, Krol, przez panow Rad y Urzednikow naszych dwornych, na sądy assessorskie zasiadaiących, tey sprawy przesłuchawszy y one dobrze z oczewistey controversij obu dwu stron wyrozumiawszy, poniewaz urodzony Tyzenhaws niczym tego nie dowiodł, aby urodzony Oziębłowski o złamanie listu zaręcznego przez się na wielmożnego Raiekiego, castellana Minskiego, wyniesionego miał bydz przez decret sądu naleznego convincowanym i owszem to się pokazało, że pomieniony urodzony Tyzenhaws pro comlice w processach przez urodzonego Oziembłowskiego zaniesionych połowny iest, o co y salua urodzonemu Oziębłowskiemu do urodzonego Tyzenhawza decretami trybunalskimi iest zachowana, przeto incompetentem pro tunc actionem uznawszy, pomienionego urodzonego Oziembłowskiego od impeticy urodzonego Tyzynhawza na ten czas wolnym czyniemy, decret zasię sądu naszego assessorskiego przez urodzonego Oziembłowskiego na urodzonego Tyzynhawsa in contumatią otrzymany, poniewaz posłaniec urodzonego Tyzynhawza szlachetny Woyciech Bielicki na dniu dzisieyszym, przysiędze złożonym, onę na punkcie w decrecie naszym wyrażonym z Roty, sobie przez jenerala wydanej, wykonał cassuiemy y podnosiemy mocą ninieyszego decretu naszego, do ktorego na większą powagę pieczęć wielkiego Xięztwa Litewskiego przycisnąć wzkazalismy. Dan w Warszawie, dnia trzeciego miesiąca oktobra, roku pańskiego 1646, panowania naszego polskiego 14, a szwedzkiego 15 roku. Kazimier Leo Sapiega, Podkanclerzy W. X. L. — Cyprian Paweł Brzostowski, stolnik Wilenski, pisarz decretowy W. X. L.

Изъ Лут. Мемр. Суд. дѣлъ, № 117, л. 110—112.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
14	3 снизу	Имп. Публ. Библ.—	Имп. Публ. Библ. не имѣетъ оригинальнаго заглавнаго листа — а
21	15 „	родственниковъ,	племени,
27	8 „	тѣмъ,	тѣми.
48	2 сверху	Михаила Гарабурды, посла Минскаго воеводства,	Петра Гарабурды, посла Лидскаго повѣта,
81	8 „	законовъ	законовъ,
87	14 снизу	на конституціи 1688 г.,	на конституціи «О кадукахъ» 1688 г.,
88	2 сверху	чтобы	чтобы,
88	3 „	представленія на основаніи закона	представленія залога, на основаніи закона, т.е.
90	13 снизу	Гетмана	Гетмана
93	2 сверху	отечества,	отечества,
95	5 снизу	они	степени
96	9 сверху	ни родственниковъ»,	ни племени»,
97	6 снизу	Череватици.	Череватици.
97	3 снизу	Федковичъ и братъ его	Федковичъ, и братъ его—
99	16 сверху	глосса т.	глосса т. 1). 1) Ссылки сдѣланы на изданіе Саксонскаго Зеркала 1535, напечатанное въ Кр., въ типограф. Виктора, in fol.
99	15 снизу	«Оригенъ сказалъ,	«Оригенъ предсказалъ,
102	3 сверху	Латинскаго	Литовскаго
102	1 снизу	1671 г.	1676 г.
105	8 снизу	Шаулевичемъ,	Саулевичемъ,
105	7 „	Шаулевича	Саулевича
106	2 „	1588 г.	1588 г.,
106	на всей стран.	Шаулевичи	Саулевичи